

CONTENTS

Categorical Semantics of Dependent Taxis in Russian Language	Arkipova Irina Viktorovna	11
RAILROAD PLOTS	Kotelnikov Vladimir Alekseevich	27
Lexical Cycles in Modern Russian	Kharitonchik Zinaida Andreevna / Karbachova Tatiana Valerievna	43
<i>East of Shota Rustaveli and Oriental Flavor</i> Russian-language Translations of the Poem	Modebadze Irine Igorevna	67
“A Mountain in an Open Field”: Symbolism of Mountains and Fields in the Russian Linguaculture	Abramova Veronika Igorevna / Arkhangelskaya Juliya Vladimirovna	89
“Love for the People”: On the History of “Social Feelings” In Literary Populism of the 1870-1880s	Dyachuk Tatyana Vladimirovna	109
Functional Aspects of Emotive-Causative Categorical Semantic Complex	Siutkina Nadezhda Pavlovna / Shustova Svetlana Viktorovna	127
Linguistic Analysis of the Simultaneity Conjunctions of the Russian and Persian Languages	Shafaghi Maryam / Goryachkovskaya Tatiana Dmitrievna	143
Study of the Effectiveness of Russian-Persian Dictionaries in the Exact Translation of Russian Adjectives-Paronyms	Baharloo Hadi / Golkar Abtin / Taghizade Fateme	167
Jane Austen’s and Pushkin’s Author Code: Cognitive Aspect	Kostyrya Alyona Vladimirovna	187
Methods for Expressing the Category of Approximation in Russian in Comparison with Its Equivalent in Persian	Hasanzadeh Rezvan	201

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliar11@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Категориальная семантика зависимого таксиса в русском языке	Архипова Ирина Викторовна	11
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ СЮЖЕТЫ	Котельников Владимир Алексеевич	27
Лексические циклы в современном русском языке	Харитончик Зинаида Андреевна / Корбачева Татьяна Валерьевна	43
Восток Шота Руставели и восточный колорит русскоязычных переводов поэмы	Модебадзе Иринэ Игоревна	67
«В чистом поле – гора»: символика горы и поля в русской лингвокультуре	Абрамова Вероника Игоревна / Архангельская Юлия Владимировна	89
«Любовь к народу»: к истории «социальных чувств» в литературном народничестве 1870–1880-х годов	Дячук Татьяна Владимировна	109
Функциональные аспекты эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса	Сюткина Надежда Павловна / Шустова Светлана Викторовна	127
Лингвостилистический анализ союзов одновременности	Шафаги Марьям / Горячкова Татьяна Дмитриевна	143
Рассмотрение эффективности русско-персидских словарей в точном переводе русских прилагательных-паронимов	Бахарлу Хади / Голкар Абтин / Тагизаде Фатеме	167
Авторский код Джейн Остен и А. С. Пушкина: когнитивный аспект	Костыря Алёна Владимировна	187
Способы выражения категории аппроксимативности в русском языке в сопоставлении с ее эквивалентами в персидском языке	Хасан-заде Резван	201

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение журнала в РИНЦ."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication of the journal in the RINC."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

Categorical Semantics of Dependent Taxis in Russian Language

Arkhipova Irina Viktorovna¹

Professor, Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia.

(date of receiving: August, 2020; date of acceptance: October, 2020)

Abstract

This article discusses the categorical semantics of the dependent taxis and its actualization in Russian statements with prepositional deverbatives. Statements with prepositional deverbatives constitute a micro-field of dependent taxis in the Russian language and differ in heterogeneity and various degrees of prototypically. Statements of chronological type with taxis-forming prepositions of temporal semantics *во время, в течение, после, перед, до, с, при, накануне* form the sphere of primary (primal, chronological, logically unconditioned) taxis. In statements of a logically conditioned type with heterogeneous-taxis prepositions of non-temporal semantics *несмотря на, вопреки, в силу, благодаря, из-за, от, вследствие, ради, для* represent the values of secondary (adverbial, circumstance, logically conditioned) taxis. In statements of the multiple type with iterative deverbatives, verbs and in the presence of iterative quantifiers of the type: *каждый раз, всякий раз, часто, всегда, иногда, регулярно* and others, various conjugate iterative-taxis categorical situations of simultaneity, precedence and consecutive are actualized: iterative-primary taxis and iterative-secondary-taxis (in “pure form” or with circumstantial elements of logical conditioning).

Keywords: Taxis, Dependent Taxis, Primary Taxis, Secondary Taxis, Primary Taxis Values, Secondary Taxis Values, Iterative Taxis Categorical Situations.

---

1. E-mail: irarch@yandex.ru

Категориальная семантика зависимого таксиса в русском языке

Архипова Ирина Викторовна¹

Профессор, Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия.

(дата получения: август 2020 г.; дата принятия: октябрь 2020 г.)

Аннотация

В настоящей статье рассматривается категориальная семантика зависимого таксиса и ее актуализация в русских высказываниях с предложными девербативами.

Высказывания с предложными девербативами конституируют микрополе зависимого таксиса в русском языке и отличаются гетерогенностью и различной степенью прототипичности.

Высказывания хронологического типа с таксисообразующими предложениями темпоральной семантики *во время, в течение, после, перед, до, с, при, накануне* образуют сферу примарного (первичного, хронологического, логически необусловленного) таксиса.

Высказывания логически обусловленного типа с гетерогенно-таксисными предложениями нетемпоральной семантики *несмотря на, вопреки, в силу, благодаря, из-за, от, вследствие, ради, для* репрезентируют значения секундарного (обстоятельственного, сирконстантного, логически обусловленного) таксиса.

В высказываниях кратного типа с итеративными девербативами, глаголами и при наличии итеративных квантификаторов типа: *каждый раз, всякий раз, часто, всегда, иногда, регулярно* и др. актуализируются различные сопряженные итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования: итеративно-примарно-таксисные и итеративно-секундарно-таксисные (в «чистом виде» или с обстоятельными элементами логической обусловленности).

Ключевые слова: Таксис, Зависимый Таксис, Примарный Таксис, Секундарный Таксис, Примарно-таксисные Значения, Секундарно-таксисные Значения, Итеративно-таксисные Категориальные Ситуации.

---

1. E-mail: irarch@yandex.ru

Введение

В фокусе исследовательского внимания описание категориальной семантики зависимого таксиса и ее актуализация в русских высказываниях с предложными девербативами.

Р.О. Якобсон впервые в 1972 году вводит понятие «таксис», отмечая, что он, будучи нешифтерной категорией, «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» (Якобсон 1972. 95-114).

Ю.С. Маслов разграничивает две сферы: хронологический таксис (временные отношения) и логический таксис (причинно-следственные, условные, уступительные, целевые отношения), выделяя: (1) таксисные формы, обозначающие хронологическое соотношение, 2) таксисные формы, которые прототипически являются синтаксически зависимыми и обозначают второстепенное действие (Маслов 1983. 42).

В.Б. Касевич указывает на то, что различие между зависимым и независимым таксисом носит формально-грамматический характер. Он отмечает, что «о зависимом и независимом таксисе можно говорить лишь применительно к противопоставлению нефинитных и финитных форм соответственно: если в языке есть финитная форма, специально предназначенная для выражения значения одновременности/неодновременности (предшествования/следования) по отношению к некоторой ситуации, необязательно ситуация общения, то такая форма глагола – есть форма независимого таксиса» (Касевич 1988. 208-209).

В.С. Храковский определяют таксис как категорию, реализуемую в би- и полипредикативных конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность, неодновременность, предшествование, следование) двух ситуаций относительно друг друга. (Храковский 2003. 37). Он выделяет следующие типы таксисных отношений:

одновременность и неодновременность (предшествование, следование). Дальнейшая субкатегоризация позволяет выделить три разновидности хронологического отношения неодновременности (предшествования, следования) (прерываемого, контактного, дистантного) и три разновидности одновременности (полной и неполной двух видов). (Храковский 2003. 37-44).

В.С. Храковский оперирует термином языковеда В.П. Недялкова «таксисные пары» (зависимые/независимые (опорные) и указывает на то, что образующие таксисную пару ситуации прототипически представлены глагольными формами (финитными/ нефинитными). Таксисные формы могут иметь различный категориальный статус, выражаясь: (1) с помощью специализированных нефинитных и финитных глагольных форм; (2) с помощью союзов в совокупности с неспециализированными финитными глагольными формами; (3) с помощью предлогов/послелогов в совокупности с неспециализированными глагольными формами, отглагольными именами, а также с неотглагольными предикатными именами (Храковский 2003. 37–38).

А.В. Бондарко определяет таксис как «выраженное в высказывании значение отношения во времени между действиями (в широком смысле, включая любые репрезентации предикатов в составе предикативного комплекса, элементы которого относятся к одному и тому же временному плану (прошлого, настоящего или будущего)» (Бондарко 1984, 1999, 2011). Категория таксиса включает: «а) одновременность, предшествование и следование (собственно хронологические связи); б) сопряженность во времени основного и сопутствующего действий; в) связь действий во времени в сочетании с причинными, условными, уступительными, пояснительными (Бондарко 1999. 13–14).

Основная часть

Таксис понимается как выражаемая в *полипредикативных* конструкциях временная соотнесенность действий в рамках единого темпорального плана,

при этом *полипредикативность* высказывания является важным признаком данной функционально-семантической категории. А.В. Бондарко в своих работах подчеркивает релевантность термина «полипредикативный комплекс». По его мнению, данный комплекс включает «разные типы полипредикации в сложных предложениях, предложениях с однородными сказуемыми и сверхфразовых единствах, а также конструкциях с неполнопредикативными (вторично-предикативными) структурами (деепричастными и причастными оборотами)» (Бондарко 2011. 241).

Термин «полипредикация» носит условный характер и распространяется также на различные типы осложненных высказываний, характеризующихся дополнительной предикативностью (Полянский 1991. 12). Таковыми являются, например, предложения с причастными и именными (адъективными, девербативными) конструкциями.

С признаком *полипредикативности* тесно связан признак *аспектуальности*, в связи с чем таксисные ситуации трактуются как «аспектуально-таксисные», а также признак *полиглагольности* (Бондарко 2011. 235; Полянский 1991. 15). Признак *полиглагольности* предполагает наличие не менее двух глагольных форм (финитных/нефинитных), каждая из которых образует собственную пропозицию (полную или редуцированную) (Полянский 1991. 15–16).

Таксисные значения одновременности/разновременности репрезентируются как в полипредикативных высказываниях, так и в высказываниях с полупредикативными структурами (причастиями, деепричастиями, девербативами, герундиальными конструкциями).

В рамках функционально-семантической концепции таксис трактуется как бицентрическое функционально-семантическое поле, формируемое разными элементами морфологического, лексико-грамматического и синтаксического языковых уровней, и включающее два микрополя: зависимого и независимого таксиса (Бондарко 1984. 79).

Зависимый таксис включает временные отношения между главным (основным) и второстепенным (сопутствующим, побочным) действиями, эксплицитная градация которых является базовой характеристикой категориальной семантики зависимого таксиса.

Микрополе *зависимого таксиса*, конституируемое русскими высказываниями с предложными девербативами, отличается гетерогенностью и различной степенью специализированности и регулярности употребления предложных девербативов. Высказывания с девербативами с таксисообразующими предлогами темпоральной семантики образуют сферу *примарного (первичного, хронологического, логически необусловленного, обстоятельственного) таксиса*, в то время как высказывания с гетерогенно-таксисными предлогами нетемпоральной семантики эксплицируют значения *секундарного (вторичного, обстоятельственного, сирконстантного, фонового, логически обусловленного) таксиса* (Архипова 2011, 2012, 2019, 2019а, 2020).

В высказываниях с нетемпоральными предлогами актуализируются секундарно-таксисные значения одновременности, осложненные элементами логической обусловленности (образа действия, каузальности, concessивности, кондициональности, консекутивности, финальности). В высказываниях с итеративными девербативами и глаголами, а также при наличии итеративных квантификаторов возможна актуализация сопряженных итеративно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности (как в «чистом виде, так и осложненных модальными, каузальными, кондициональными, concessивными, консекутивными и другими обстоятельственными значениями логической обусловленности).

В русских высказываниях хронологического (примарного, логически необусловленного, обстоятельственного) типа с девербативами с темпоральными предлогами *во время, в течение, после, перед, до, с, при,*

накануне актуализируются примарно-таксисные значения: (1) одновременности; (2) предшествования (строгoго/дистантного/сильного и нестрогoго/контактного/слабого); (3) следования (строгoго/дистантного/сильного и нестрогoго/контактного/слабого). Например:

В мае, *во время рассмотрения импичмента в Госдуме*, было принято политическое решение о захоронении мумии [НКРЯ].

С приездом папы в нашей жизни кое-что изменилось [НКРЯ].

Накануне приезда Марика Катя допоздна убирала квартиру [НКРЯ].

Ярославль же *после отъезда волковцев* остался без театра [НКРЯ].

Примарно-таксисную семантику строгого (дистантного, сильного) эксплицируют темпорально-аспектуальные квантификаторы типа: *через несколько минут, через полминуты, через неделю, через месяц, на следующий день, за час, за несколько минут, за два часа, за день, за два дня, за неделю, за месяц, сразу, незадолго* и др., указывающие на определенный темпоральный промежуток, имеющий место между «индивидуальными внутренними временами» совершения (протекания) основного действия глагола и сопутствующего действия девербатива. Например:

За день перед отъездом вышло предписание, кому ехать при лице государя. [НКРЯ].

Это произошло всего *за час до отъезда в аэропорт* [НКРЯ].

Теперь информация о каждой партии прибывшего на терминал груза предоставляется в электронном виде таможене *уже через несколько минут после прибытия* [НКРЯ].

Сразу после отъезда Савинкова из Ставки туда прибыл В.Н. Львов. [НКРЯ].

Секундарно-таксисные значения одновременности актуализируются в полипропозитивных моно- и полисубъектных высказываниях логически обусловленного (секундарного, вторичного, обстоятельственного,

сирконстантного, фонового, нехронологического) типа с предложениями модальной, кондициональной, каузальной, финальной, концессивной и консеквативной семантики: *несмотря на, вопреки, в силу, благодаря, из-за, от, вследствие, ради, для*. Действие (процесс, событие), обозначаемое предложным девербативом, носит сопутствующий (вторичный, побочный) характер, являясь при этом условием, причиной, уступкой, манерой протекания/совершения или целью основного действия глагольного предиката высказывания. Например:

Торжество праздника годовщины отделилось и стало более значимым, *благодаря приезду президента Латвии Яна Чаксте* [НКРЯ].

Из-за охлаждения внутри обитаемого отсека образуется конденсированная вода [НКРЯ]. На основе этого ядра корпорация выпустила три серии процессоров *для применения их в сетевых устройствах* типа коммутаторов маршрутизаторов, устройствах ввода/вывода и КПК [НКРЯ].

Среди обследованных высказываний особое место занимают высказывания кратного типа, содержащие итеративные девербативы, глаголы и различные итеративные атрибуты и адвербиалы (типа: *каждый раз, всякий раз, всегда, редко, иногда, часто, не часто, постоянно, регулярно, каждый день, каждые сутки, каждый месяц, каждый год* и др.).

Е.Э. Пчелинцева выделяет русские отглагольные имена следующих семантических типов кратности: (1) мультипликативные (*вскрики, вскрикивания, взвизгивания, истощение, колебание*); (2) дистрибутивные (с дистрибутивно-суммарной, дистрибутивно-кумулятивной семантикой и с семантикой тотального образа действия (*обдаривание, обшаривание, обход, опрашивание, объезд, обыск, рассылание, разбрызгивание, навивание/навивка (гнезд), наброска (песка), накидывание, наметывание (икры), накачка/накачивание (ведра воды), намолачивание, изукрашивание, израсходование, изрисовывание, вытаптывание, вымазывание*); (3) итеративные (*взмах/взмахивание, глоток/глотание*). (Пчелинцева 2012. 63–70).

Девербативы с семантикой генетической и словообразовательной мультипликативности и итеративности (*крики, стоны, вопли, упреки, поиски, встречи, ожидания, обещания, расставания, вздрагивания, взвизгивания, взмахивание, жужжание, гудение, бормотание, щебетание, дрожание, подмигивание, кивание*), а также дистрибутивности (*израсходывание, разбрызгивание, обдаривание, обшаривание, опрашивание, вытаптывание, обход, объезд, обыск*) актуализируют мультипликативно-таксисные, дистрибутивно-таксисные и итеративно-таксисные значения одновременности, предшествования и следования.

Инвариантную таксисную семантику одновременности, предшествования или следования в высказываниях кратного типа эксплицирует таксисообразующий предлог (поли- или монотаксисный). Монотаксисные предлоги *во время, в течение, с, при, несмотря на, вопреки, в силу, благодаря, из-за, от, вследствие, ради, для* и политаксисный предлог *при* маркируют таксисное значение одновременности, а монотаксисные предлоги *до, перед, накануне, после* эксплицируют инвариантное таксисное значение разновременности (предшествования или следования). Например:

В иностранных армиях штурмовики используются также *для разбрызгивания отравляющих веществ* с помощью особых приборов – распылителей [НКРЯ].

Все заглядывали в приемную и, *несмотря на запрещение, часто* пробегали мимо [НКРЯ].

Макс, *вопреки ожиданиям*, играть не умел, а Зина играла грубо, слишком напряжённо [НКРЯ].

Через некоторое время после поисков Роман узнал, что мать его умерла три с половиной года назад [НКРЯ].

После встреч с отцом трехлетняя девочка возвращалась домой в состоянии глубочайшего шока, со следами побоев на теле [НКРЯ].

При наличии итеративных девербативов и/или глаголов, а также итеративных квантификаторов актуализируются: (1) итеративно-примарно-таксисные значения одновременности, предшествования, следования (в высказываниях с темпорально-таксисными предлогами *во время, в течение, после, перед, до, с, при, накануне*); (2) итеративно-вторично-таксисные значения, осложненные модальными, каузальными, кондициональными, concessивными, консекутивными и финальными значениями (см. высказывания русского языка с таксисообразующими моносемичными предлогами *несмотря на, вопреки, в силу, благодаря, из-за, от, вследствие, ради, для*).

В высказываниях с темпорально-таксисными предлогами *во время, в течение, после, перед, до, с, при, накануне* репрезентируются: (1) итеративно-примарно-таксисные значения одновременности; (2) итеративно-примарно-таксисные значения предшествования; (3) итеративно-примарно-таксисные значения следования; (4) мультипликативно-примарно-таксисные значения одновременности; (5) мультипликативно-примарно-таксисные значения следования; (6) мультипликативно-примарно-таксисные значения предшествования; (7) дистрибутивно-примарно-таксисные значения одновременности; (8) дистрибутивно-примарно-таксисные значения следования; (9) дистрибутивно-примарно-таксисные значения предшествования. Например:

Именно толпилась, так было *всегда после прибытия поезда*. [НКРЯ].

Утром все корабли *при криках* и песнях моряков вышли из гавани в море. [НКРЯ].

А *при вздрагивании* всякий раз меня будила сетка от кровати, которая издавала зловещий звон, визжание и скрежет [НКРЯ].

При дрожании перепонки отраженный пучок света движется вверх и вниз и записывает свой след на пленке; пучок света чертит кривую линию, толщина которой меньше 0,1 мм при амплитуде в несколько миллиметров [НКРЯ].

Повсюду мостки (пешеходные, так как вне дороги в плоских местах мелкие торфяники) превращаются *при вытаптывании* в липкую серую грязь [НКРЯ].

Во вторник вечером *после обысков в «Сибирско-Уральской нефтегазохимической компании»* были задержаны трое [НКРЯ].

В высказываниях логически обусловленного (нехронологического, обстоятельственного) типа с предлогами *несмотря на, вопреки, в силу, благодаря, из-за, от, вследствие, ради, для* репрезентируются следующие разновидности итеративно-вторично-таксисных категориальных ситуаций одновременности: (1) итеративно-модально-таксисные; (2) итеративно-каузально-таксисные; (3) итеративно-кондиционально-таксисные; (4) итеративно-концессивно-таксисные; (5) итеративно-консекутивно-таксисные; (6) итеративно-финально-таксисные; (7) мультипликативно-модально-таксисные; (8) мультипликативно-каузально-таксисные; (9) мультипликативно-кондиционально-таксисные; (10) мультипликативно-концессивно-таксисные; (11) мультипликативно-консекутивно-таксисные; (12) мультипликативно-финально-таксисные; (13) дистрибутивно-модально-таксисные; (14) дистрибутивно-каузально-таксисные; (15) дистрибутивно-кондиционально-таксисные; (16) дистрибутивно-концессивно-таксисные; (17) дистрибутивно-консекутивно-таксисные; (18) дистрибутивно-финально-таксисные. Ср.:

От него же узнал, что, *несмотря на обыски Свищунова ...* стол Александра III все еще стоит нераспечатанным [НКРЯ].

Несмотря на обещания президента ЕС Хермана Ван Ромпея, никто не торопится спасти «утопающего» [НКРЯ].

Несмотря на стоны бизнесменов, все-таки уменьшается бремя контроля за экономикой [НКРЯ].

Было 30 лет «Известий». Прошло тихо, *несмотря на ожидания известицев* [НКРЯ].

Над головами, как дымки выстрелов, взлетали *от вскриков* белые облачка пара [НКРЯ].

Наружное отверстие евстахиевой трубы открывается *только при глотании*, разговоре, *пени* и зевоте [НКРЯ].

Только при криках: пришли русские! поднялся страшный переполох: все бросились вон из фанзы, оставив в ней карты, деньги, котомки, чашки и прочий скарб [НКРЯ].

При падении потребления объемы собственной добычи тоже падают *вследствие истощения месторождений* [НКРЯ].

Итак, сразу хочу напомнить, что первоначально, было сказано следующее: «Но это не очень распространенная поломка, как правило, двигатель горит не из-за перегрева, а *вследствие износа топливных магистралей* [НКРЯ].

В Москву Солженицын приезжал по неотложным делам, *для встреч* и *для сбора материалов* [НКРЯ].

Для поисков оригинальных решений по модернизации микробиологических лабораторий в Литве создан Европейский научный центр [НКРЯ].

Заключение

Итак, обследованные высказывания русского языка конституируют микрополе зависимого таксиса, отличающееся гетерогенностью, различной степенью прототипичности и регулярности употребления предложных девербативов. Высказывания хронологического типа с таксисообразующими предложениями темпоральной семантики образуют сферу примарного (первичного, хронологического, логически необусловленного) таксиса, в то время как высказывания логически обусловленного типа с гетерогенно-таксисными предложениями нетемпоральной семантики репрезентируют значения секундарного (обстоятельственного, сирконстантного, логически обусловленного таксиса) таксиса. В высказываниях кратного типа с

итеративными девербативами/глаголами и/или при наличии итеративных квантификаторов актуализируются различные сопряженные итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования (как в «чистом виде», так и осложненные обстоятельственными элементами логической обусловленности).

Литература

- 1- Архипова И.В. (2011). *Таксисные отношения в высказываниях с предложными девербативами*// Функциональные свойства единиц языка: коллективная монография. Сер. Прикамское научное собрание / Некоммерческое партнерство «Прикамский социальный ин-т»; редкол.: Ерофеева т. и. и др. Пермь. С. 16–46.
- 2- Архипова И.В. (2012). *Кратный таксис в современном немецком языке* // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Т. 9. № 5. С. 95–104.
- 3- Архипова И.В. (2019). *Синкретизм в сфере актуализации таксисных значений одновременности* // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. Москва: Издательство: «Научные технологии». № 12 (2). С. 149–154.
- 4- Архипова И.В. (2019а). *Предложные девербативы как средство выражения зависимого таксиса* // Евразийский гуманитарный журнал. № 4. С. 21-26.
- 5- Архипова И.В. (2020). *Модель функционально-семантического поля таксиса*// Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. Москва: Изд-во: «Научные технологии». № 1. С. 131–137.
- 6- Бондарко А.В. (1984). *Функциональная грамматика*. –Л.: «Наука. 134 с.
- 7- Бондарко А.В. (1999). *Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация времени* / С.-Петербург. гос. ун-т. –СПб.: Изд-во «С. Петерб. ун-та». 257 С.
- 8- Бондарко А.В. (2011). *Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса* // Теория функциональной грамматики: Введение, актуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 6-е. –М.: Книжный дом «Либроком», С. 234–242.
- 9- Касевич В.Б. (1988). *Семантика. Синтаксис. Морфология*. –М.: «Наука». 309 с.
- 10- Маслов Ю.С. (1984). *Очерки по аспектологии*. –Л.: Изд-во «ЛГУ». 263 с.

- 11- НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.06.2020).
- 12- Полянский С.М. (1991). *О категории таксиса и путях ее исследования (На материале немецкого языка)* // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосибирск. гос. пед. ин-т; редкол.: С.М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во «НППИ». С. 3–18.
- 13- Пчелинцева Е.Э. (2012). *Семантический признак кратности в русских отглагольных именах действия* // Известия Российского Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 146. С. 63–70.
- 14- Храковский В.С. (2003). *Категория таксиса (общая характеристика)*// Вопросы языкознания. № 2. С. 32–54.
- 15- Якобсон Р.О. (1972). *Шифтеры, глагольные категории и русский язык* // Принципы типологического анализа языков различного строя: Сб. статей/ Ин-т востоковедения. Сост. и предисл. О.Г. Ревзиной. –М.: «Наука». С. 95–114.

Bibliography

- 1- Arhipova I.V. (2011). *Taksisnye otosheniya v vyskazyvaniyah s predlozhnymi deverbativami*// Funkcional'nye svoystva edinic jazyka: kollektivnaya monografija. Ser. Prikamskoe nauchnoe sobranie / Nekommercheskoe partnerstvo «Prikamskij social'nyj in-t»; redkol.: Erofeeva t. i. i dr. Perm'. С. 16–46.
- 2- Arhipova I.V. (2012). *Kratnyj taksis v sovremennom nemeckom jazyke* // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. T. 9. № 5. S. 95–104.
- 3- Arhipova I.V. (2019). *Sinkretizm v sfere aktualizacii taksisnyh znachenij odnovremennosti* // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. Moskva: Izdatel'stvo: «Nauchnye tehnologii». № 12 (2). S. 149–154.
- 4- Arhipova I.V. (2019a). *Predlozhnye deverbativy kak sredstvo vyrazhenija zavisimogo taksisa* // Evrazijskij humanitarnyj zhurnal. № 4. S. 21-26.
- 5- Arhipova I.V. (2020). *Model' funkcional'no-semanticheskogo polja taksisa*// Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. Moskva: Izd-vo: «Nauchnye tehnologii». № 1. S. 131–137.
- 6- Bondarko A.V. (1984). *Funkcional'naja grammatika*. –L.: «Nauka. 134 s.
- 7- Bondarko A.V. (1999). *Osnovy funkcional'noj grammatiki: Jazykovaja interpretacija vremeni* / S.-Peterb. gos. un-t. –SPb.: Izd-vo «S. Peterb. un-ta». 257 S.

- 8- Bondarko A.V. (2011). *Obshhaja harakteristika semantiki i struktury polja taksisa // Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis. Izd. 6-e.* –M.: Knizhnyj dom «Librokom», S. 234–242.
- 9- Kasevich V.B. (1988). *Semantika. Sintaksis. Morfologija.* –M.: «Nauka». 309 s.
- 10- Maslov Ju.S. (1984). *Ocherki po aspektologii.* –L.: Izd-vo «LGU». 263 s.
- 11- *NKRJa – Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrashhenija: 14.06.2020).
- 12- Poljanskij S.M. (1991). *O kategorii taksisa i putjah ee issledovanija (Na materiale nemeckogo jazyka) // Funkcional'no-semanticheskie otnoshenija v leksike i grammatike: Mezhvuz. sb. nauch. tr. / Novosibirsk. gos. ped. in-t; redkol.: C.M. Poljanskij (otv. red.) i dr. Novosibirsk: Izd-vo «NGPI». C. 3–18.*
- 13- Pchelinceva E.Je. (2012). *Semanticheskij priznak kratnosti v russkih otglagol'nyh imenah dejstvija // Izvestija Rossijskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. № 146. S. 63–70.*
- 14- Hrakovskij V.S. (2003). *Kategorija taksisa (obshhaja harakteristika) // Voprosy jazykoznanija. № 2. S. 32–54.*
- 15- Jakobson R.O. (1972). *Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij jazyk // Principy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja: Sb. statej/ In-t vostokovedenija. Sost. i predisl. O.G. Revzinoj.* –M.: «Nauka». S. 95–114.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Архипова, И. (2021). Categorical Semantics of Dependent Taxis in Russian Language. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 9(1)*. 11-26.

DOI: 10.52547/iarll.17.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/122>

معناشناسی مقوله‌ای بازکنش‌های وابسته در زبان روسی

ایرینا ویکتورونا آرخیپووا^۱

استاد دانشگاه دولتی تربیت معلم ناواسیبیرسک،
ناواسیبیرسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۲۰)*

چکیده

مقاله حاضر به موضوع معناشناسی مقوله‌ای بازکنش‌های (تاکسیس‌های) وابسته و اهمیت آن در عبارات روسی ساخته شده از اسامی حرف اضافه‌ای می‌پردازد. عبارات حرف اضافه‌ای یک گروه تاکسیس‌های وابسته در زبان روسی تشکیل می‌دهند و از نظر ناهمگنی و درجات مختلف اولیه متفاوت هستند. جملات با مفهوم زمان که با استفاده از حروف اضافه تاکسیس‌ساز، معنای زمان همچون: *во время, в течение, после, перед, до, с, при, накануне* (به ترتیب زمان، در طول، پس از، قبل، تا، از، زمان، در آستانه) را بیان می‌کنند، انواع تاکسیس (اولیه، زمانی، منطقی) را تشکیل می‌دهند. جملات از نوع منطقی شرطی با حروف اضافه تاکسیس‌های ناهمگن با معنای غیرزمانی همچون: *несмотря на, вопреки, в силу, благодаря, из-за, от, вследствие, ради, для* (صرف نظر از، برخلاف، به دلیل، به لطف، به خاطر، به دلیل، در نتیجه، به خاطر، برای)، معنای تاکسیس‌های ثانویه (قید، هم‌زمان، منطقی شرطی) را بیان می‌کنند. در عبارات بیان‌کننده مفهوم تکرار با اسامی بیان‌کننده تکرار، افعال و در کنار ضمائر و واژه‌های با مفهوم تکرار از جمله: *каждый раз, всякий раз, часто, всегда, иногда, регулярно* (هر بار، هر بار، غالباً، همیشه، گاهی، به طور منظم و غیره) تاکسیس‌های با مفهوم همزمانی، توالی، تقدم و تأخر (به صورت «خالص» یا با اجزای با مفهوم قیدی شرطی منطقی) بیان می‌شوند.

واژگان کلیدی: تاکسیس‌ها، تاکسیس‌های وابسته، تاکسیس‌های اولیه، تاکسیس‌های ثانویه، مفاهیم اولیه تاکسیس‌ها، مفاهیم تاکسیس‌های ثانویه، تاکسیس‌های تکرار، موقعیت‌های گفتاری مقوله‌ای.

1. E-mail: irarch@yandex.ru

RAILROAD PLOTS

Kotelnikov Vladimir Alekseevich¹

Professor, Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia.

(date of receiving: December, 2020; date of acceptance: January, 2021)

Abstract

The article, among other meaning-forming factors of the narrative text, highlights the specific locus of the railway, which plays a significant role in Russian literature of the 19th and then 20th centuries. It is shown that in the space of the railway car the worldview and behavior of people change. This is due to the nature of the microsocium that develops in such a space. It can occur a variety of, unpredictable meetings, there is an attraction or repulsion of the met, communication can expose the most intimate depths of personality or mask them. All this is done in conditions of heightened mental tension, under the influence of such factors, which rarely occur in systemic communicative acts. Such phenomena is demonstrated by the examples of Leo Tolstoy's novel "Kreutzer Sonata", his novel "Resurrection", Dostoevsky's travel notes and his novel "The Idiot", works by Ivan Bunin ("The Life of Arseniev", "Penguins" etc.), Vladimir Nabokov ("Other Shores", "Glory" and etc.)

Keywords: Russian Literature, Railway, Locus of Train, Leo Tolstoy, Dostoevsky, Bunin, Nabokov.

---

1. E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ СЮЖЕТЫ

Котельников Владимир Алексеевич¹

Профессор, Институт русской литературы
(Пушкинского Дома) Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: декабрь 2020 г.; дата принятия: январь 2021 г.)

Аннотация

В статье среди прочих смыслообразующих факторов повествовательного текста выделяется специфический локус железной дороги, который в русской литературе XIX, а затем и XX вв. играет существенную роль. Показано, что в пространстве железнодорожного вагона меняются мировосприятие и поведение людей. Это связано с характером микросоциума, который складывается в таком пространстве. В нем могут происходить самые разнообразные, непредсказуемые встречи, возникать притяжение или отталкивание встретившихся, общение может обнажать самые интимные глубины личности или маскировать их. Все это совершается в условиях повышенной психической напряженности, под влиянием таких факторов, которые редко возникают в системных коммуникативных актах.

Такие явления демонстрируются на примерах повести Льва Толстого «Крейцера соната», его романа «Воскресение», путевых заметок Достоевского и его романа «Идиот», произведений И. Бунина («Жизнь Арсеньева», «Пингвины» и др.), В. Набокова («Другие берега», «Подвиг» и др.).

Ключевые слова: Русская Литература, Железная Дорога, Локус Поезда, Лев Толстой, Достоевский, Бунин, Набоков.

---

1. E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

Введение

В ряду смыслообразующих факторов повествовательного текста существенную роль играет то, что называется «место действия». Хотя оно может иметь нейтральное значение в отношении события или персонажа, но в большинстве случаев оказывается весьма важно, в каком именно пространстве, в какой обстановке происходит событие и действует герой. В литературе девятнадцатого века, при всем огромном разнообразии вещественного наполнения и колорита, «места действия» сводились к нескольким типам локусов: дома, города, природы, с фрагментированием пространства и дифференциацией по тем или иным признакам.

Однако в том же столетии появился новый специфический в своем подвижном содержании локус – железная дорога, связующая урбанистические локусы и покрывающая разрастающейся сетью осваиваемое цивилизацией пространство. Железная дорога интенсивно социализирует это пространство, являясь массовым *общественным* транспортом, связывает и перемещает людей, определяет их состояния и поведение, когда они оказываются в пространстве поезда и на прилегающей к нему территории.

Собственно, общественный транспорт был и до распространения железнодорожного сообщения, таков, в частности, дилижанс. Но при поездке в нем, при его малой скорости, картина окружающей среды для путешественников менялась слишком медленно, изменения ее в таком темпе не имели существенного значения для происходящего. А главное – неупорядоченность и стесненность внутреннего пространства дилижанса нарушала границы индивидуально-личной сферы пассажиров, зачастую создавала неблагоприятную психологическую атмосферу и скорее препятствовала, чем способствовала общению попутчиков. На морском судне до девятнадцатого века долгое путешествие выводило людей из порядка

обыденной жизни, в нем был, с одной стороны, момент экстремальности, а с другой – момент монотонности: в течение многих дней, подчас и недель, вокруг простиралось однообразное, даже при случавшихся штормах, пространство, притупляющее впечатления, не влияющее на мысль и чувства, кроме того, круг попутчиков вынужденно оставался одним и тем же, как правило, с не меняющимися отношениями между людьми.

Основная часть

Железная дорога стала особым феноменом. С ней в русской литературе связано немало сюжетов. Мы не будем касаться трагических финалов, которыми автор завершал сюжетные линии героев в соответствии со своей художественной и этической задачей. Здесь место действия находилось вне поезда, но было обусловлено его движением, как то произошло с Анной Карениной (Толстой 1982. 363–364), с героиней А. А. Блока (Блок 1960. 260–261), с героем В. М. Гаршина (Гаршин 1955. 307).

Человек, едущий в поезде, находился в двойственных отношениях к окружающей среде с ее природным, социальным и культурным содержанием: он и убегал от нее, отчуждался от нее в обособленном движущемся пространстве вагона, и был связан с ней впечатлениями, ожиданиями и поступками. Быстро сменяющиеся по ходу движения фрагменты среды создавали сильный и зачастую непредсказуемый ряд образов, возможных событий и встреч. Двойственно и внутреннее пространство вагона: оно замкнуто в себе, автономно, оказывается жилищем для занявших его пассажиров, но оно временно и проницаемо для воздействий изменчивой окружающей среды, каждый обитатель вагона может внезапно его покинуть, и так же внезапно может войти в него другой, что вносит момент изменчивости и случайности в этот микросоциум. В нем могут происходить самые разнообразные, непредсказуемые встречи, возникать притяжение или

отталкивание встретившихся, общение может обнажать самые интимные глубины личности или маскировать ее – и все это совершается в условиях повышенной психической напряженности, под влиянием таких факторов, которые редко возникают в системных коммуникативных актах.

В повести Льва Толстого «Крейцера соната» (1890) герой рассказывает о совершенном им убийстве жены. Чтобы решиться на этот рассказ, Позднышеву нужна была особая ситуация общения, и писатель создает ее в поезде, где случайно встречаются люди разных социальных положений и разного психического склада. Предшествовавший разговор попутчиков об отношениях между мужчиной и женщиной дал тематическое основание для ситуации. Позднышев до поры молчал и избегал общения, когда же вступил в разговор, то внес в него резкий диссонанс своей необъяснимой для всех возбужденностью и потом шокировал собеседников признанием, что он тот самый человек, чье нашумевшее преступление, видимо, известно его попутчикам. Так завершается первая вагонная встреча персонажа, где он выступает в роли *enfant terrible* в обычной дорожной беседе на злободневную тему. Вторая встреча – сближение с едущим здесь же повествователем, с которым у Позднышева вдруг возникают доверительные и сочувственные отношения. Когда они остаются наедине, герой, которому «тяжело молчать», рассказывает свою историю во всех ее событийных и психологических подробностях. Разумеется, случайная встреча в поезде есть литературный прием, необходимый писателю для обнажения чувств и мыслей персонажа, но столь сильный порыв откровенности последнего мотивируется еще и особым психическим состоянием его. По ассоциации с давним эпизодом в поезде же, когда Позднышева охватил приступ ревности, он сейчас признается: «Боюсь я вагонов железной дороги, ужас находит на меня» и предполагает, что вообще «железная дорога возбуждающе действует на людей» (Толстой 1982-а. 184–185). Именно в состоянии такого болезненного возбуждения, страха перед

современным обществом (как позже будет бояться его Нехлюдов в романе «Воскресение», 1899) и вместе с тем в силу неудержимого влечения к людям Позднышев решает рассказать всё.

Помещая Нехлюдова в вагон третьего класса, Толстой преследует прежде всего свои моральные цели: здесь герой встречается с народом и непосредственно видит ту «правду», по законам которой народ живет. Нехлюдов, по замыслу Толстого, должен здесь непреложно убедиться, что страсть, ненависть, преступление, всякое зло «покрывается любовью» в человеческих отношениях. Попутчиком героя оказывается Тарас, рассказывающий о своей жене, пытавшейся отравить его и свекра со свекровью. В отличие от разрешения семейной коллизии в «Крейцеровой сонате» в семье Тараса все прощают преступницу, и это вызывает в рассказчике и слушателях чувство умиленного удовлетворения. Безусловность народной «правды» поддерживается у Толстого всей природной средой, сопутствующей поезду, несущей в себе естественное добро и вторгающейся в вагон солнечным светом, красками растений, свежестью дождя. Встреча в поезде играет решающую роль в радикальном изменении нравственных и социальных приоритетов и поведения героя: «Да, совсем новый, другой, новый мир, – думал Нехлюдов, глядя на эти сухие, мускулистые члены, грубые домодельные одежды и загорелые, ласковые и измученные лица и чувствуя себя со всех сторон окруженным совсем новыми людьми с их серьезными интересами, радостями и страданиями настоящей трудовой и человеческой жизни» (Толстой 1983. 372).

Достоевский полагал, что пассажиры поезда дают очень богатый материал для характеристики самосознания русского человека и его социального поведения; он продемонстрировал это в заметках «Маленькие картинки (в дороге)» (1874). «Ну, вот мы входим в вагон. Русские люди классов интеллигентных, являясь в публику и сбиваясь в массу, всегда становятся

любопытны для поучающегося наблюдателя; но в дороге особенно. У нас в вагонах заговаривают друг с другом туго; особенно характерны в этом отношении самые первые мгновения пути. Все как бы настроены друг против друга, всем как-то не по себе; оглядываются с самым недоверчивым любопытством, смешанным непременно с враждебностью, стараясь в то же время сделать вид, что не только не замечают один другого, но и не хотят замечать» (Достоевский 1980. 159). Это происходит оттого, что средний русский человек не может сразу определить свое место и социальное амплуа в кругу встретившихся в вагоне пассажиров и не имеет готовых форм общения с незнакомым человеком. Оттого общение вначале затруднено, зато «потом расходятся так, что иной раз и не удержишь» (Достоевский 1980. 160). Свойственные русским жажда общения и боязнь начать первым создают мучительную напряженность в замкнутом вагонном пространстве, пока «кто-нибудь первый решится разбить стекло и завязать хоть что-нибудь вроде общего разговора. На железных дорогах это разбитие стекла происходит иногда довольно забавным образом, но всегда почти несколько иначе, чем на пароходах» (Достоевский 1980. 162) – там «пространство и время изменяют условия радикально» (Достоевский 1980. 167), замечает Достоевский: в отличие от вагона пассажиры на пароходе «не так сбиты вместе, публика не рискует образовать из себя кучу, не так быстро летят, не так подчинены необходимости, закону, минуте» (Достоевский 1980. 166).

В вагоне сгущенность человеческой массы, подвижные комбинации социальных типов, скорость перемещения создают возможность «пренеожиданных встреч» (Достоевский 1980. 166) и вторжения в общение «фантастического элемента», по выражению Достоевского, – вроде того господина, который без всякого повода начинает во всеуслышание рассказывать «свою собственную автобиографию», причем подчас «с самыми интимными, а иногда даже и чудесными, подробностями» (Достоевский 1980. 162).

Все эти «картинки» были хорошо известны много ездившему в поезде Достоевскому задолго до написания цитированных выше заметок, и «ситуацию поезда» он не раз использовал в художественных и очерковых текстах. Встреча в вагоне дает начало главным персоналогическим и сюжетным линиям романа «Идиот» (1868). Однако возможность свести различные человеческие типы в их тесном взаимодействии нужна здесь писателю уже не для общей «картинки», а для того, чтобы возможный только на железной дороге «случай так странно посадил их друг против друга в третьеклассном вагоне петербургско-варшавского поезда» (Достоевский 1973. 5) – для создания своего рода «антропологического ансамбля», который будет разыгрывать психологические и идейные драмы романа.

В доэмигрантском творчестве И. А. Бунина локус поезда редок, беден содержательно и функционально, хотя Бунин тогда едва ли не больше, чем другие писатели, ездил по железной дороге. В рассказе «Отто Штейн» (1916) «великолепный» поезд нужен лишь для перемещения героя из Берлина в Геную; мелькающие за вагонным окном поля, перелески, города свидетельствуют только о местности и скорости движения и вполне чужды «самоуверенному и гордому» Отто, который везде чувствует себя «человеком высшей расы» (Бунин 1966. 406–410); чужд ему и сам поезд, средство осуществления его честолюбивых целей. Для Казимира Станиславовича (в одноименном рассказе 1916 года), едущего из Киева в Москву по какому-то таинственному вызову, «купе второго класса, серое, тусклое» уже получает некоторое собственное значение: в несчастное, убогое существование героя оно вносит «ощущение роскоши, комфорта», «вагонное тепло, запах калорифера и тугое постукивание молоточков в нем» напоминают ему о неких «других временах» (Бунин 1966. 341). Но тема его прошлой жизни не получает развития, и «вагонный» эпизод быстро исчерпывается без всяких последствий в повествовании.

Зато позже, уже в эмиграции, те же самые подробности обстановки в вагоне, но ярче окрашенные и дополненные множеством других, не появлявшихся у Бунина прежде, восстанавливаются писателем в автобиографической ретроспективе и входят в «Жизни Арсеньева» (1928) в лирический пассаж о «других временах» собственно бунинской жизни: «Ах, эти заносы, Россия, ночь, метель и железная дорога! Какое это счастье – этот весь убеленный снежной пылью поезд, это жаркое вагонное тепло, уют, постукивание каких-то молоточков в раскаленной топке <...>, полусвет фонаря за синей занавеской, и все растущий, качающийся, убаюкивающий на бархатном пружинном диване бег <...>» (Бунин 1966-б. 98–99).

С 1920-х годов локус поезда играет в прозе Бунина более существенную роль. В нем происходит реальное соединение с возлюбленной и бегство в рай дикой природы («Кавказ», 1937), встреча с возлюбленной в воспоминаниях, когда поезд проходит мимо мест былых событий («Руся», 1940). Несколько миниатюр 1930 года («Первый класс», «Канун») – натурные зарисовки вагонных сценок с намеченными в них социальными коллизиями предреволюционной эпохи.

Но наполнение пространства вагона низовой человеческой массой вызывает у Бунина реакцию отталкивания, это всегда отрицательная встреча (если не считать этнографического интереса автора к экзотике местного населения в рассказе «Третий класс», 1921). Преобладающими в этом случае мотивами были мотивы чувственные и эстетические. Стремящийся добраться до Крыма, до мест отцовской молодости автобиографический герой «Жизни Арсеньева» вынужден ехать по чужому билету в почтовом поезде, где он оказывается в «тесноте и мерзости», каких никогда не испытывал. Тогда он еще мог отвернуться от «тяжко-безобразной картины» спящих вповалку людей и отдаться созерцанию южной природы, которая по ходу поезда становилась все прекрасней, и в Севастополе он с тем большим наслаждением упивается

роскошью юга, что остается наконец один и «все то огромное, мужицкое, что везли мы с собой, по дороге растаяло» (Бунин 1966-б. 174–176). После крушения всей прежней жизни в России столкновение рассказчика в вагоне с низкой массой («Несрочная весна», 1923) уже не может разрешиться уходом во внешний мир, который стал «вовсеки непоправимой мерзостью» (Бунин 1966-а. 127), и это из него явился сидевший напротив рассказчика «русый мужик, большой, самоуверенный», куривший, плевавший на пол, храпевший и испускавший зловоние (Бунин 1966-а. 119). Вторая встреча произошла в тамбуре того же вагона – с знакомым рассказчика, бывшим профессором, который оказывается не только жертвой внешнего мира, но теперь и частью его, найдя свое место на жалком наделе возле своего бывшего имения. Обе встречи в поезде утверждают рассказчика в чувстве окончательной «отчужденности от этого “советского” вагона» (Бунин 1966-а. 128) и в решимости уйти в «”Элизей минувшего”, как бы в некий сон, блистающий подобием той яркой и разительно живой жизни, в которой застыли мертвецы с лазурными глазами в пустом дворце в подмосковных лесах» (Бунин 1966-а. 126).

Мотивы реальных событий и встреч прежней жизни, мотивы ухода в сны былого, преображаясь, возникают вновь и в рассказе «Пингвины» (1929) соединяются в локусе поезда, образуя почти эсхатологическую картину последнего земного путешествия. Рассказчик видит себя во сне в счастливую свою пору едущим в поезде на юг по «России того времени». «Поезд идет быстро и полон, но полон как будто неживыми. И в тех необыкновенно ровных степях, где идет он, тоже так безжизненно, скучно, словно не осталось ни малейшего смысла их существования» (Бунин 1966-а. 391). Таково завершение бунинских «отрицательных встреч» в поезде.

Железнодорожный вагон, именно международный вагон Норд-Экспресса, был предметом детских вождлений – в виде модели в окне агентства на

Невском – и поэтизируемых позднее воспоминаний о семейных поездках из Петербурга в Париж В. Набокова. В «Других берегах» (1954) быстрое движение вагона через многообразие европейских ландшафтов в соотношении с маленьким мирком внутри вагона дает писателю неисчерпаемый материал для игры впечатлений и воображения. Здесь нет и не может быть чужих (случайный попутчик в четвертом купе однажды упомянут и более не появляется): вагон – дом повествователя, населенный семьей и слугами, внешний мир – объект наблюдений и манипуляций. Возможно «соприкосновение между экспрессом и городом», через который проходит поезд, но оно для повествователя – только «повод вообразить себя вон тем пешеходом и за него пьянеть от вида длинных карих романтических вагонов, с черными промежуточными гармониками и огненными на низком солнце металлическими буквами <...>» (Набоков 2003. 236). Все вещи и события внутри и вне вагона заключены в эгосферу повествователя и не отмечены проблемностью реального мира; прихотливое психологическое и литературное оформление их придает эгосфере Набокова почти герметический характер.

Повторяемость локуса поезда и связанных с ним мотивов (из чисто автобиографических текстов они переходят в художественные и обратно) подчас ведет у Набокова к прямой метафоризации: поезд – жизнь героя. В поезде герой встречается с самим собой в разных возрастах, с близкими и друзьями разных эпох жизни. Мартыну в его нескончаемых скитаниях («Подвиг», 1930) кажется, «что он никогда не выходил из экспресса, а просто слонялся из одного вагона в другой, и в одном были молодые англичане, Дарвин, торжественно берущийся за рукоять тормоза, в другом – Алла с мужем, а не то – крымские друзья, или храпящий дядя Генрих <...>. А тут, в этом спальном вагоне, тут ехало, должно быть, детство его; дрожь, освобождало кожаную сторку, а если пройти дальше, там – вагон-ресторан, и отец с матерью обедают <...>» (Набоков 2001. 212–213).

Встречаемые в поезде люди в разной степени отчетливо и содержательно видны сквозь слои эгосферы героя (повествователя, автора). Устремленный к своей цели и в самом дорожном волнении усматривающий «необходимую тренировку», Мартын цепко и четко схватывает по пути те вещи и лица, на которых может испытать свою способность осуществить задуманное. И сосед по отделению вагона, пожилой француз, вырисовывается так четко и подробно потому, что его поведение убеждает Мартына, что его камуфляж безупречен. Все же остальные пассажиры сливаются для героя в «сонную мешанину беспомощных, полураздетых тел» (Набоков 2001. 209–212). А герой «Волшебника» (1939) почти не различает сквозь свою эгосферу, густо испещренную знаками и образами его эротических вождений, сидевшую напротив него в вагоне попутчицу и не осознает, почему она вдруг перешла в другое отделение (Набоков 2003. 68–70).

Набоков не пренебрегает использовать вагон как место банального знакомства героя с женщиной. В жизни Хью Персона («Transparent things», 1972) встреча с Армандой была значительным событием и окрашена она в поэтичные тона мировосприятия этого персонажа. Встреча Кости с госпожой Бергман («Хват», 1932) дает толчок пошлым мыслям и подлому поведению самодовольного персонажа, что излагается автором в тоне презрительной иронии.

В сюжете реконструкции жизни умершего персонажа («The real life of Sebastian Knight», 1941) важную роль сыграла случайная встреча в вагоне с сыщиком Зильберманном. И символическое значение получает «невстреча», на которую обречен профессор Пнин («Pnin», 1957), едущий в почти пустом вагоне ошибочно выбранного им поезда.

Несколько необычное для Набокова развитие темы дано в рассказе «Облако, озеро, башня» (1937). Скромный и кроткий Василий Иванович выигрывает билет на увеселительную поездку и оказывается в «вагончике

сугубо третьего класса» в компании немцев идиотического склада с садистическими наклонностями. И если движение поезда поначалу дает ему «наслаждаться мимолетными дарами дороги», то тем более чудовищен контраст между прелестным пейзажем за окном и монструозными спутниками героя: «все они сливались постепенно, срастаясь, образуя одно сборное, мягкое, многорукое существо, от которого некуда было деваться. Оно налезало на него со всех сторон». Они ежеминутно насилуют его, не позволяя уклониться от «прогулки», которая превращается в «какое-то приглашение на казнь» (Набоков 2004. 589) и приобретает черты кафкианской фантазмагии.

Заключение

Во второй половине девятнадцатого века, а затем и в последующую эпоху некоторые русские писатели проницательно заметили и с немалым литературным эффектом использовали в сюжетном и персоналогическом планах новое «место действия», возникшее в современной цивилизации, – пространство в движущемся поезде. Оно оказывалось в особых отношениях с меняющейся по ходу движения окружающей средой, главное же – в железнодорожном локусе складывались такая специфическая обстановка и такой микросоциум, в которых резче выявлялись черты персонажей, в этом локусе находящихся.

Литература

- 1- Блок А. А. (1960). *Блок А. А. На железной дороге* // Блок А. А. Собрание сочинений. В 8 т., Т. 3. – М., – Л.: Государственное издательство художественной литературы.
- 2- Бунин И. А. (1966). *Бунин И. А. Собрание сочинений. В 9 т., Т. 4.* – М.: Изд-во «Художественная литература».
- 3- Бунин И. А. (1966-а). *Бунин И. А. Собрание сочинений. В 9 т., Т. 5.* – М.: Изд-во «Художественная литература».

- 4- Бунин И. А. (1966-б). *Бунин И. А. Собрание сочинений. В 9 т., Т. 6.* – М.: Изд-во «Художественная литература».
- 5- Гаршин В. М. (1955). *Гаршин В. М. Сигнал // Гаршин В. М. Сочинения.* М.: Государственное издательство художественной литературы.
- 6- Достоевский Ф. М. (1980). *Достоевский Ф. М. Маленькие картинки (в дороге) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений.* В 30 т., Т. 21. – Л.: Изд-во «Наука».
- 7- Достоевский Ф. М. (1973). *Достоевский Ф. М. Идиот // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений.* В 30 т., Т. 8. – Л.: Изд-во «Наука».
- 8- Набоков В. В. (2001). *Набоков В. В. Подвиг // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода.* В 5 т., Т. 3. – СПб.: Изд-во «Симпозиум».
- 9- Набоков В. В. (2003). *Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода.* В 5 т., Т. 5. – СПб.: Изд-во «Симпозиум».
- 10- Набоков В. В. (2004). *Набоков В. В. Облако, озеро, баня // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода.* В 5 т., Т. 4. – СПб. Изд-во «Симпозиум».
- 11- Толстой Л. Н. (1982). *Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собрание сочинений.* В 22 т., Т. 9. – М. Изд-во «Художественная литература».
- 12- Толстой Л. Н. (1982-а). *Толстой Л. Н. Крейцерова соната // Толстой Л. Н. Собрание сочинений.* В 22 т., Т. 12. – М. Изд-во «Художественная литература».
- 13- Толстой Л. Н. (1983). *Толстой Л. Н. Воскресение // Толстой Л. Н. Собрание сочинений.* В 22 т., Т. 13. – М. Изд-во «Художественная литература».

Bibliography

- 1- Blok A. A. (1960). *Blok A. A. Na zheleznoj doroge // Blok A. A. Sobranie sochinenij.* V 8 t., T. 3. – М., – Л.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.
- 2- Bunin I. A. (1966). *Bunin I. A. Sobranie sochinenij.* V 9 t., T. 4. – М.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 3- Bunin I. A. (1966-a). *Bunin I. A. Sobranie sochinenij.* V 9 t., T. 5. – М.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 4- Bunin I. A. (1966-b). *Bunin I. A. Sobranie sochinenij.* V 9 t., T. 6. – М.: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 5- Garshin V. M. (1955). *Garshin V. M. Signal // Garshin V. M. Sochinenija.* – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

- 6- Dostoevskij F. M. (1980). *Dostoevskij F. M. Malen'kie kartinki (v doroge)* // Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij. V 30 t., T. 21. – L.: Izd-vo «Nauka».
- 7- Dostoevskij F. M. (1973). *Dostoevskij F. M. Idiot* // Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij. V 30 t., T. 8. – L.: Izd-vo «Nauka».
- 8- Nabokov V. V. (2001). *Nabokov V. V. Podvig* // Nabokov V. V. Sobranie sochinenij russkogo perioda. V 5 t., T. 3. – SPb.: Izd-vo «Simpozium».
- 9- Nabokov V. V. (2003). *Nabokov V. V. Drugie berega* // Nabokov V. V. Sobranie sochinenij russkogo perioda. V 5 t., T. 5. – SPb.: Izd-vo «Simpozium».
- 10- Nabokov V. V. (2004). *Nabokov V. V. Oblako, ozero, bashnja* // Nabokov V. V. Sobranie sochinenij russkogo perioda. V 5 t., T. 4. – SPb. Izd-vo «Simpozium».
- 11- Tolstoj L. N. (1982). *Tolstoj L. N. Anna Karenina* // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij. V 22 t., T. 9. – M. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 12- Tolstoj L. N. (1982-a). *Tolstoj L. N. Krejcerova sonata* // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij. V 22 t., T. 12. – M. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 13- Tolstoj L. N. (1983). *Tolstoj L. N. Voskresenie* // Tolstoj L. N. Sobranie sochinenij. V 22 t., T. 13. – M. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Котельников, В. (2021). RAILROAD PLOTS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 9(1). 27-42.

DOI: 10.52547/iarll.17.27

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/151>

موضوع راه آهن

ولادیمیر الکسیویچ کاتلنیکوف^۱

استاد، انستیتو ادبیات روسی (خانه پوشکین) وابسته به فرهنگستان علوم روسیه،
سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۱)*

چکیده

در مقاله حاضر در میان عوامل گوناگون سازنده ساختار معنایی متن روایی، جایگاه و اهمیت خاص راه آهن که نقش مهمی در ادبیات روسیه سده ۱۹ و سپس ۲۰ دارد، برجسته می شود. در مقاله نشان داده می شود که در فضای واگن راه آهن، جهان بینی و رفتار انسان ها تغییر می کند. دلیل این امر ویژگی های اجتماع کوچکی (میکرواجتماع) است که در چنین فضایی ایجاد می شود. در این فضا ملاقات ها و دیدارهای گوناگون و پیش بینی نشده ای صورت می گیرند، جذبه و دافعه ای میان افراد به وجود می آید و این ارتباط شکل گرفته در این فضا حتی می تواند خصوصی ترین و شخصی ترین اعماق شخصیت افراد را آشکار یا پنهان نماید. این پدیده ها در شرایط افزایش تنش ذهنی، تحت تأثیر عواملی صورت می گیرد که به ندرت در روابط معمول و عادی رخ می دهد. در مقاله حاضر چنین پدیده هایی بر اساس نمونه هایی از داستان بلند «سونات کرویتزر» و رمان «رستاخیز» لف تالستوی، یادداشت های سفر و رمان «ابله» داستایفسکی، آثار ایوان بونین («زندگی آرسنیف»، «پنگوئن ها» و غیره) و «سواحل بیگانه»، «شجاعت» و غیره و نابوکف نشان داده می شوند.

واژگان کلیدی: ادبیات روسی، راه آهن، فضای قطار، لف تالستوی، داستایفسکی، بونین، نابوکف.

1. E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

* نوع مقاله: علمی - پژوهشی

Lexical Cycles in Modern Russian

Kharitonchik Zinaida Andreevna¹

Professor, Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus.

Karbachova Tatiana Valerievna²

Postgraduate of the general linguistics department, Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus.

(date of receiving: September, 2020; date of acceptance: November, 2020)

Abstract

The article is focused on temporal lexical cycles in Russian – groups of words united by semantic relations of sequence and recurrence. Semantic and pragmatic properties of names-constituents of the *day* (*утро-день-вечер-ночь*), *week* (*понедельник-вторник-среда-четверг-пятница-суббота-воскресенье*), *season* (*весна-лето-осень-зима*) and *year* (*январь-февраль-март-апрель-май-июнь-июль-август-сентябрь-октябрь-ноябрь-декабрь*) lexical cycles in Russian which become evident in the course of lexicographic, contextual, derivational and phraseological analysis, testify to the heterogeneity of the cyclical structures (e.g. natural, event-based and conventional ones; terminological/non-terminological: with rigid/non-rigid boundaries, etc.). Most significant is the salience of some member elements within the cycle (*ночь* ‘night’ in the *day* cycle, *лето* ‘summer’, *весна* ‘spring’ in the seasonal cycle, etc.). Knowledge of ontological features of the time period named, of activity related to it and subjective-evaluative associations’ language users may have on the basis of this information function as the foundation of the salience of cyclical members.

Key words: Temporal Lexical Cycle, Sequence, Recurrence, Salience, Frequency.

---

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru

2. E-mail: corbatan@rambler.ru

Лексические циклы в современном русском языке

Харитончик Зинаида Андреевна¹

Профессор Минского государственного лингвистического университета,
Минск, Беларусь

Корбачева Татьяна Валерьевна²

Аспирант кафедры общего языкознания
Минского государственного лингвистического университета,
Минск, Беларусь

(дата получения: сентябрь 2020 г.; дата принятия: ноябрь 2020 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются темпоральные лексические циклы в современном русском языке – объединения лексических единиц, связанных семантическими отношениями последовательности и повторяемости. Языковые данные о семантических и прагматических свойствах наименований конститuentов суточного (*утро-день-вечер-ночь*), недельного (*понедельник-вторник-среда-четверг-пятница-суббота-воскресенье*), сезонного (*весна-лето-осень-зима*) и годового (*январь-февраль-март-апрель-май-июнь-июль-август-сентябрь-октябрь-ноябрь-декабрь*) циклов в русском языке, полученные в результате анализа лексикографических описаний, контекстуальных употреблений, дериватов и фразеологических единиц разного типа, образованных на их базе, свидетельствуют о неоднородности циклических объединений (напр., природные, событийные, конвенциональные; терминологические, нетерминологические; с жесткими/нежесткими границами и т.д.). Главное, они демонстрируют выделенность (салиентность) некоторых их членов (*ночь* в суточном цикле, *лето*, *весна* в сезонном и т.д.), в основе которой лежат знания об онтологических свойствах называемых временных периодов, о связанной с ними деятельности, а также субъективно-оценочные ассоциации, сложившиеся на базе этих знаний, у носителей языка.

Ключевые слова: Темпоральный Лексический Цикл, Последовательность, Повторяемость, Салиентность, Частотность.

---

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru

2. E-mail: corbatan@rambler.ru

Введение

Благодаря значительным успехам в исследовании закономерностей организации лексикона последние десятилетия ознаменовались переключением внимания лингвистов с уже получивших детальное описание глобальных типов семантических отношений, в первую очередь, гиперогипонимических и партономических (Никитин 2007. 357–393), на менее изученные типы семантических связей и формируемых ими лексических объединений. Одним из важнейших открытий исследований семантической организации лексики стало то, что порядок следования, являясь основополагающим принципом в синтагматике, играет значимую роль и в организации лексических единиц на парадигматическом уровне. Более глубокий анализ объединений слов, которым присущ этот тип отношений, позволил выявить их неоднородность, о чем свидетельствует наблюдаемое в лингвистической литературе терминологическое разнообразие: серийные последовательности (Miller 1976. 421), простые, линейные или одномерные поля (Coseriu 1981. 219), неветвящиеся иерархии (Cruse 1986. 181), линейные структуры (Cruse 2000. 189) и т.д.

Наиболее ярким примером языковых семантических объединений, в основе которых лежит последовательная организация их конститuentов, несомненно, являются лексические циклы, репрезентирующие циклические структуры в обществе, природе, деятельности и т.д. Единицы в них связаны отношениями следования и повторяемости. Отражая динамику движения в определенном порядке и направлении, лексические циклы принадлежат категории времени, призванной дать некоторую количественную характеристику длительности бытия объектов, процессов и самого человека на бесконечности временного континуума и отражающей его определенные точки или периоды. Базируясь на наблюдениях за явлениями природы (например, сменой освещенных и не освещенных Солнцем промежутков времени, сменой сезонов и др.), на

закономерностях, которые легли в основу сложной системы измерения времени, лексические циклические подсистемы не универсальны. В каждой культуре и, соответственно, в каждом языке вырабатывается свое видение членения времени, отвечающее запросам общества.

Циклическая последовательность, в языковой системе предстающая как лексический цикл, является, по мнению лингвистов, семантической таксономией особого типа (Leech 1970. 113), а для обозначения образующих такую совокупность элементов используется термин *циклические имена*. Структурная особенность циклических таксономий заключается в особом типе семантических отношений между ее элементами – циклических отношениях, которые, как указывалось ранее, подразумевают очередность следования и повторяемость.

Цели, задачи, гипотеза и материал исследования

Особенности отношений в лексических циклах находят отражение в семантике их конститuentов. Как утверждает Дж. Лич, значения циклических имен «выводятся из положения, которое они занимают в достаточно сложной системе счета времени, сложившейся в западном обществе» (Leech 1970. 113). Исследователи обращают внимание на релятивность и повторяемость как важнейшие компоненты семантики циклических имен. Так, Э. Косериу говорит о том, что *четверги* являются особыми днями (черта, характерная не только им) благодаря тому, что находятся между *средами* и *пятницами* в определенной серии дней, которая называется неделей, и понимаются исключительно относительно этого положения (Coseriu 1981. 237). Р. Джакендофф, объясняя, что делает *вторник* определенным днем, отмечает не только релятивность его положения в цикле (*вторник* следует за *понедельником* и предшествует *среде*), но отдельно подчеркивает его регулярную повторяемость. (Jackendoff 2012. 27)

Существенным свойством лексических циклов, составляющим их коренное отличие от цепей, Дж. Н. Лич называет отсутствие первых и последних элементов в последовательностях (Leech 1974.115). Отметим, что первый и, соответственно, последний члены цикла могут быть результатом принятых в обществе конвенций. Однако, как поясняет Дж. Лайонз, «факт существования конвенционально установленных первых и последних членов во многих таких группировках (*январь* – это первый месяц года, а *суббота* – это последний день недели и т.д.) не нарушает их цикличности: *Джон приехал в субботу*, а *Питер – на следующий день* предполагает, что *Питер приехал в воскресенье*. Высказывание *Джон приехал в понедельник*, а *Питер – накануне* имплицитно подразумевает, что *Питер приехал в воскресенье*» (Lyons 1987. 290). Заметим также, что конвенциональные начало и конец одного и того же цикла могут различаться как в разных языках, так и в одном и том же языковом коллективе на разных культурно-исторических этапах его развития.

Способность членов лексического цикла объединяться в бесконечно повторяющийся замкнутый ряд вытекает из еще одной их отличительной особенности, на которую обращают внимание Дж. Лайонз и Д. А. Круз. Эта особенность заключается в том, что последовательность конвенциональна, т.е. не строится на степени проявления некоего салиентного признака. Нет такого признака X, из-за которого *вторник* больше X, чем *понедельник*, или *февраль* больше X, чем *январь* [Cruse 2000. 189; Lyons 1987. 290]. В данном случае не отрицается возможность выделения определенных интервалов времени на основании каких-то объективных признаков, но указывается, что более важным представляется именно занимаемое место в последовательности. Резюмируя рассуждения ученых об организации лексических циклов, перечислим выделяемые свойства лексической циклической подсистемы и ее конститuentов:

- 1) лексический цикл представляет собой линейную структуру закрытого типа, т.е. включает фиксированное количество языковых единиц;
- 2) конstituенты лексических циклов связаны отношениями последовательности; последовательность ингерентна, т.е. изначально заложена в значениях единиц цикла;
- 3) замкнутый ряд членов лексического цикла бесконечно повторяется, т.е. отношениями последовательности связаны все члены цикла (в т.ч. конвенционально установленные последний и первый элементы);
- 4) отсутствует какой-либо салиентный признак, на степени проявления которого последовательность строится.

Вышесказанное имплицитно подразумевает «равноправие», или равнозначность элементов цикла. Наиболее четко, на наш взгляд, эта мысль выражена Э. Косериу, который подчеркивает, что конstituенты лексических циклов обозначают именно и исключительно положение в фиксированной серии (Coseriu 1981. 238). Действительно, можно привести не один пример, когда использование в высказывании того или иного циклического имени для представления некоторого промежутка времени определяется исключительно его положением в соответствующем цикле, как об этом свидетельствуют следующие контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

Если непогодится, то март в Карпатах – как ноябрь. В Москве зимы настоящей нет, поэтому зимнюю одежду никто не носит.

Очевидно, что с именем каждого названного месяца и сезона ассоциируются некоторые погодные условия. Однако несоответствие реальных природных проявлений некоему идеализированному представлению о временном периоде, тем не менее, игнорируется, и предпочтение отдается позиционному признаку – месту в цикле. Говорящему необходимо отнести

промежуток времени к той или иной категории, представленной в языке определенной временной номинацией. И в процессе категоризации (т.е. в процессе выбора циклической единицы) он ориентируется на наиболее существенный признак категории, за который принимается положение в циклической последовательности, а не возможные качественные модификации. Однако здесь встает вопрос о статусе и месте иных признаков, которые, как видно из примеров, также ассоциируются с конститuentами лексического цикла.

Последнее подводит нас к выводу о том, что описание кардинальных черт лексических циклов (последовательности и повторяемости) не исчерпывает всей сложности семантических отношений конститuentов внутри лексического циклического поля. Очевидно, например, что наряду с отношениями последовательности, позволяющими выражать значение каждого элемента как «идуший перед» или «следующий за» (Miller 1976. 422), членам ряда лексических циклов присущи также отношения полярной относительной оппозиции (Leech 1974. 115)). Ср. антонимические пары рус. *лето-зима*, *весна-осень*, *утро-вечер*, *день-ночь* (Львов 1984), что сигнализирует, по нашему мнению, об укорененности отношений противопоставленности между элементами суточного и сезонного циклов.

На этом фоне становится явной необходимость дальнейшего анализа отношений в лексических циклах, который позволит, по нашему мнению, раскрыть глубинные отношения между их конститuentами.

Исходной **гипотезой** предпринимаемого нами анализа является мысль о том, что временная равнозначность, вытекающая из последовательности и повторяемости как основополагающих для темпоральных лексических циклов свойств, не является единственным принципом, определяющим место каждой конкретной единицы в лексическом цикле. Наличие серии хранящихся в сознании людей ассоциаций, которые обогащают семантику элементов лексических циклов прагматическими смыслами, определяя различия в их

частотности и деривационной активности, позволяют предположить существование салиентности, или выделенности, детерминирующей неравнозначность как еще один тип отношений в лексическом цикле.

Материал исследования составляют темпоральные циклические подсистемы русского языка, извлеченные путем сплошного просмотра из Большого толкового словаря русского языка под ред. С. А. Кузнецова (Большой толковый словарь 2000). При этом важно подчеркнуть, что в материал (76 лексических единиц) вошли только те наименования, в семантике которых представлены оба признака: и [+ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ], и [+ПОВТОРЯЕМОСТЬ]. Отсутствием признака [-ПОВТОРЯЕМОСТЬ]) от них отличаются лексические последовательности, фиксирующие в языке ограниченный во времени срок жизни отдельных предметов или живых существ и содержащие в семантике своих членов только признак [+ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ]. Таковы, например, наименования этапов жизни человека: *младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, старость*; или периоды в жизни дерева как последовательности его возрастных состояний: *росток – саженец* (маленькое юное деревце) – *более взрослое дерево – дерево в расцвете – старое дерево – мертвое* (засохшее или сгнившее) (Кошелев 2015. 190) и др. В отличие от них темпоральные лексические циклы репрезентируют течение времени, топологическим свойством которого является незамкнутость, неограниченность, так как у времени нет ни начала, ни конца, и являются материальным воплощением наивного представления о течении времени как о периодически повторяющейся последовательности явлений и событий.

Основная часть

В качестве первого наблюдения над выделенными лексическими циклами следует отметить, что они являются частью холо-меронимических структур, в

которых холоним (например, *сутки, год* и т.д.) функционирует как общее название лексического цикла, не входя в состав его членов. На отражение холо-меронимических отношений полностью ориентированы лексикографические описания семантики конститuentов лексических циклов. В них элемент лексического цикла предстает как некоторая часть называемого общего отрезка времени. Например, *день – часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера, понедельник – первый (после воскресенья) день недели*, и т.д. Таким образом лексические циклы никоим образом не абсолютно автономны в языковом лексиконе, но включаясь в ведущие семантические связи лексических единиц, составляют важную, но своеобразную их подсистему.

Еще одним наблюдением, полученным в результате проведенного исследования, стал вывод о многоликости темпоральных лексических циклов в русском языке. Темпоральные лексические циклы включают наряду с первичными и наиболее значимыми лексическими циклами, такими как: наименования суточного, недельного, сезонного, годового циклов также наименования лунного цикла (*новолуние, полнолуние*), суточного цикла положений солнца и освещенности небосвода (*сумерки, рассвет, заря, восход, полдень, заход, закат, полночь*), годового цикла астрономических явлений (*равноденствие, солнцестояние*).

Естественно, что в лексике русского языка находят выражение и культурно и социально значимые временные периоды или события, представляющие собой временные повторяющиеся последовательности. Это в первую очередь номинации религиозных и бытовых циклов, например, годовой литургический цикл, в котором течение времени представляется как периодически повторяющийся круг религиозных праздников и памятных дат (*Рождество, Крещение, Сретение, Благовещение, Успение* и т. п.), суточный цикл богослужений (*вечерня – утренняя – обедня*) и др.

Становится, однако, очевидным, что темпоральные лексические циклы в русском языке, репрезентирующие разные циклические структуры, неоднородны по целому ряду характеристик. Так, широко представленные в русском языке религиозные темпоральные лексические циклы являются по своей сути некоторой достаточно разветвленной терминологической подсистемой обозначений специфической области в жизни общества. Очевидно также и то, что эта терминологическая подсистема ориентирована на уже сложившиеся временные периоды (день, сутки, месяц, год) и является таким образом вторичной системой, производной по своему характеру от базисных, первичных суточного, недельного, сезонного, годового лексических циклов. Будучи, без сомнения, интересными для языковедов (см., например, (Толстая 2005)), терминологические лексические циклы, фиксирующие цикличность явлений, процессов и т.д. в самых разных областях, составляют, на наш взгляд, отдельное поле исследований.

Различаются темпоральные лексические циклы и по линии принадлежности к ядру или периферии лексической системы языка. Ядро системы темпоральных лексических циклов в русском языке образуют циклы, конститuentам которых свойственна эксплицитная цикличность, т.е. признаки последовательности и повторяемости находят выражение в значениях циклических единиц. Эта группа немногочисленна и включает ранее названные четыре цикла: суточный, недельный, сезонный и годовой. В периферию системы темпоральных циклов входят циклы, конститuentам которых свойственна имплицитная цикличность. У таких лексических единиц цикличность выявляется при анализе словарных описаний других циклических имен. Так, в дефинициях лексем *день* и *ночь* в качестве рубежных точек указаны *восход* и *заход*: *день – часть суток от восхода до захода солнца*, *ночь – часть суток от захода до восхода солнца*. Отделяя временные периоды, сами пограничные зоны также обладают характерными для циклов свойствами

временной соотнесенности, последовательности и повторяемости. В словарных описаниях языковых единиц, представляющих подобные рубежные моменты, не всегда указанные свойства представлены в полном объеме (например, у слов *восход* и *заход* место в последовательности не отражено: *восход* – *появление над горизонтом небесного светила (утренней зари)*, *заход* – *закат (небесного светила)*). В периферию системы темпоральных лексических циклов входят суточный цикл положений солнца и освещенности небосклона, годовой цикл астрономических явлений, суточный цикл приема пищи, суточный цикл богослужений, годовой литургический цикл и т.д.

Важной отличительной характеристикой темпоральных лексических циклов являются онтологические основания градуирования составляющих их временных периодов, согласно которым циклы подразделяются на **природные**, основанные на наблюдениях за динамикой природных явлений, например, положения солнца или формы луны, **событийные**, отражающие последовательные и повторяющиеся этапы деятельности в жизни человека, общества) и **конвенциональные** (базирующиеся на условно принятых системах членения временного континуума (недельный и годовой лексические циклы). Естественно, что в зависимости от онтологических оснований темпоральные лексические циклы не совпадают по своему составу, включая от 2-4 (наименования членов суточного цикла *день – ночь*, или *утро-день-вечер-ночь*) до 12 компонентов (наименования членов годового цикла) и более (в годовом литургическом цикле).

Помимо количественных различий в темпоральных лексических циклах очевидны также различия по протяженности обозначаемых временных отрезков: (от нескольких часов (*утро-день-вечер-ночь*) до длительных периодов времени (сезонный цикл), а также по жесткости/ диффузности границ между периодами времени, обозначаемыми компонентами темпорального лексического цикла. Ср., например, названия частей суточного

цикла, протяженность которых меняется в соответствии с сезонными колебаниями времени наступления пограничных точек между ними.

Картина семантических отношений внутри лексических циклов осложняется тем, что эти отношения не ограничиваются отношениями последовательности и повторяемости. Так, в суточном цикле помимо позиционно-релятивных семантических признаков темпоральных номинаций существенными являются также световые характеристики называемых временных отрезков, а в сезонном цикле – температурные характеристики, на основании которых складываются разнообразные отношения между конститuentами внутри циклов. Например, в суточном лексическом цикле компоненты *день* и *ночь* оказываются противопоставленными по признаку наличие / отсутствие солнечного света, в то время как другие два компонента этого же цикла *утро* и *вечер* обладают, с одной стороны, сходными характеристиками, репрезентируя переходные периоды между освещенной и неосвещенной солнцем частями суточного цикла. С другой стороны, они отличаются вектором световых изменений (*утро*: неосвещенный → освещенный солнечным светом, *вечер*: освещенный → неосвещенный солнечным светом). Схожим образом взаимосвязаны лексические единицы сезонного цикла, где два компонента *лето* и *зима* противопоставляются по температурным характеристикам (самый теплый и самый холодный периоды), другие же два компонента *весна* и *осень* демонстрируют схожие свойства в том, что представляют переходные периоды, но отличаются вектором температурных изменений (*весна*: самый холодный → самый теплый, *осень*: самый теплый → самый холодный).

Если сложный характер отношений, не ограничиваемый отношениями последовательности и повторяемости, между конститuentами лексических темпоральных циклов, отражающих ритмические природные изменения, можно считать закономерным, то в конвенциональных циклах, в которых, как

указывалось ранее, главным принципом деления временного континуума является стремление к выделению равных / приблизительно равных временных периодов, сочетание циклических с иными типами отношений менее ожидаемо. Тем не менее даже в конвенциональных темпоральных лексических циклах наблюдается определенное неравноправие формирующих их элементов. Так, в лексикографических описаниях их значений, в которых на первом плане отражена релятивность их отношений (*понедельник – первый (после воскресенья) день недели, январь – первый месяц календарного года, февраль – второй месяц календарного года* и т.д.), присутствуют указания на соотношенность месяцев года с сезонами, а отдельных дней недели (*суббота, воскресенье*) с событиями религиозного и деятельностного характера. Ср.: *январь – первый месяц календарного года; второй месяц зимы, февраль – второй месяц календарного года; последний месяц зимы* и т.д..

Еще более разветвленную сеть семантических взаимосвязей и соответственно выделенность тех или иных компонентов темпоральных лексических циклов диктует разнообразие путей их концептуализации, которое выявляется при обращении к их прагматическим свойствам. На базе языковых данных, полученных в результате анализа связанной и свободной сочетаемости членов темпоральных лексических циклов, образованных от них дериватов, становится ясным, что в латентных семантических зонах компонентов темпоральных лексических циклов скрывается разноплановая информация, включающая знание, во-первых, об онтологических свойствах денотатов, о деятельности, связанной с обозначаемым временным периодом, во-вторых, и субъективно-эмоциональная оценка, в-третьих.

Так, у элементов суточного темпорального лексического цикла выделяются определенные цветовые ассоциации. Например, *день* ассоциируется с белым цветом, а *ночь* – с черным: *По какой-то совершенно непонятной зрительной ассоциации я безошибочно узнавал никогда раньше мною не виденные города,*

над которыми первый раз в жизни летел в обществе моих молчаливых ангелов: одного **черного, как ночь**, другого **белого, как день**. Для элементов *утро* и *вечер* характерна полихромность. Конституенту *утро* свойственен широкий диапазон цветовых ассоциаций: *утро белесое, белое, бледное, бледно-лиловое, розовое, румяное, светлое, седое, серое, голубое, синее, тускло-белесоватое, розовое, румяное, лазурное, лиловое, золотистое, золотое, изумрудное*. У конституента *вечер* ассоциативный цветовой спектр значительно уже и ограничивается желто-красным и сине-голубым диапазоном: *вечер алый, багровый, багряный, золотой, красный, оранжевый, пасмурно-багровый, синий, снежно-голубой*.

Источником природных ассоциаций в суточном цикле являются, помимо онтологических свойств денотатов, физиологические возможности человека воспринимать внешний мир в данных природных условиях. Способность ясно различать объекты при свете дня представляется базовым признаком, на который опираются носители языка при концептуализации элемента цикла *день*. Отсутствующее или ограниченное освещение в ночной период (категориальный признак конституента *ночь*), значительно снижающее зрительные возможности человека, выступает основой концептуализации слова *ночь*. Актуализация семантических признаков «видимость», «открытость», «публичность», «очевидность» у лексической единицы *день* и противоположных семантических признаков «ограниченная видимость», «неясность», «скрытность» у лексической единицы *ночь* эксплицируется в следующих контекстах: *Он настаивает, что традиция проявляется как **день** и **ночь** – как **зримая** и как **незримая**...; **Всё же ясно как день!** Тут и объяснять-то нечего!; **Темны, как ночь, цыганские дела...***

Так же как и в суточном цикле, в концептуальных структурах наименований времен года, наряду с категориальными природными

признаками (температурными характеристиками, зафиксированными в основных значениях лексем *зима* и *лето*), отражены результаты наблюдений за разными природными явлениями, свойственными для того или иного сезона, вегетационными процессами, физиологическими, поведенческими, миграционными особенностями представителей мира животных, видами деятельности человека и т.д. См. подробнее (Харитончик 2015).

Несмотря на то, что деление годового цикла на 12 месяцев представляет собой искусственно созданную систему, сформировавшуюся без учета каких-либо ритмичных процессов в окружающей среде, в латентной зоне семантики названий месяцев года тем не менее отражена разнообразная информация о природных явлениях, характерных для того или иного периода, таких, например, как: температура, типичные атмосферные явления, характер осадков. Ср.: *ноябрь ледяной; Дышал ноябрь осенним хладом; Пройдут нудные декабрь и январь, самые холодные месяцы зимы; У февраля два друга – метель и вьюга; жгучий жар июля; зноен, как июль* и т.п. Актуализируется в многочисленных употреблениях названий месяцев и знание о продолжительности дневного периода, на основании которого особо выделяются месяцы, когда дневной период короче или, напротив, длиннее всего, о солнечной интенсивности, вегетативных процессах, поведенческих особенностях представителей мира фауны и т.д. и т.п.,

Важный источник концептуализации темпоральных циклических номинаций – деятельность человека, связанная с определенным временным периодом. На этом основании формируются ассоциации с названиями суточного цикла, в семантике которых находит отражение организация жизни и деятельности человека, построенная с учетом суточных биологических ритмов организма – активность в светлый, дневной период времени, отдых и сон в темный, ночной период времени. Например: *День государев, а ночь наша; День пришел, так и есть принес; день прошел, заботу унес; День в грехе, а ночь во сне.*

Сельскохозяйственная деятельность и общая организация труда, чередование периодов труда и отдыха выступают релевантными признаками при характеристике конститuentов сезонного и 12-месячного годового циклов. *Собьет июль с мужика спесь, коли некогда присесть; Июль устали не знает, все прибирает; В августе мужику три заботы: и косить, и пахать, и сеять; Какое лето без отдыха!*.

На базе природных и деятельностных характеристик конститuentов темпоральных лексических циклов формируются их субъективно-оценочные семантические признаки. Так, в сезонном цикле узкий цветовой диапазон, низкие температурные показатели в зимнее время имплицитно вызывают ассоциации у номинации *зима*, как строгость и сдержанность, а многоцветье, тепло, комфортные погодные условия летом вызывают ассоциации красоты, нежности и т.п., например, *Но как лето и зима вдруг быть не могут, чтобы вы, сличив одно с другим, при строгости и скучном виде одного могли яснее видеть и выше почесть другого красоту, нежность и приятность; Ах, строгая зима! Ты чудо-щеголиха...* Начало нового жизненного цикла в мире природы, обильное цветение деревьев и трав, гнездование птиц и т.п. в весенний период порождают такие эмоционально-оценочные характеристики конститuenta *весна*, как красота, веселье, радость, эмоциональный подъем, пора любви, например, *ее сестра хороша, как весна; Весна – пора любви; Матюшин – весел, как весна; ... на улицах показывались оживленные, свежие лица, такие же молодые и радостные, как весна.* Осень, которой свойственны листопад, затяжные дожди, похолодание, в русской языковой картине мира наделяется такими эмоционально-оценочными признаками: грусть, печаль, скука. Например: *Форточка была открыта и в нее, вместе со свежим теплым воздухом, лилась отголоски широкой хоровой песни, грустной как осень...*

Среди названий месяцев *ноябрь* сопровождается негативной эмоциональной оценкой, актуализируемой в таких контекстах: *ноябрь слывет унылым, действующим на людей депрессивно или нервозно; В самый скучный месяц, в тусклом ноябре.*

Выявленные семантические особенности конstituентов темпоральных лексических циклов приводят к выводу о выделенности тех или иных элементов темпоральных лексических циклов в русском языке. Разная частотность формирующих лексические циклы единиц, отражающая функциональный вес каждой лексической единицы в цикле, – убедительное тому доказательство.

В суточном цикле явной выделенностью обладает элемент *ночь*, который по частотности своего употребления лидирует и в основном корпусе (37%), и в поэтическом (51,4%). Конституент *день* имеет наименьшие показатели (5%) в общем корпусе, хотя в поэтическом корпусе занимает 2-е место (21,3%).

Частотное превосходство компонента *ночь*, особенно значительное в поэтическом корпусе, коррелирует с большим объемом семантических ассоциаций, связанных с этой единицей, причем многие из них несут дополнительную эмоциональную нагрузку, например, с ночью ассоциируются тишина, безмолвие, пустота, одиночество, страх, зло, нечистая сила и т.д.

Анализ частоты употребления наименований конститuentов недельного цикла также выявил значительные различия в их употребительности. Самые высокие показатели частотности имеет компонент лексического цикла *воскресенье*, который лидирует и в общем (24 %), и в поэтическом (36 %) подкорпусах. По параметру употребительности также выделяется компонент *суббота*. На третьем месте в общем корпусе находятся *понедельник* (14 %) и *пятница* (14 %). В поэтическом подкорпусе компоненты недельного цикла *четверг* (11 %), *пятница* (10 %), *среда* (8 %), *понедельник* (7 %), *вторник* (7 %) относительно равноправны и имеют достаточно низкие показатели на фоне салиентных компонентов *воскресенье* (36 %) и *суббота* (21 %).

Количественная выделенность компонентов *воскресенье* и *суббота* соотносится с наличием у этих лексических единиц такого компонента значения как выходной день, и связанной с этим положительной эмоциональной оценкой. А *понедельник* и *пятница*, представляющие первый и последний рабочие дни и часто сопровождаемые в первом случае отрицательной, а во втором положительной эмоциональными оценками, по частотности выделяются на фоне названий других рабочих дней недели.

Очевидна также неравнозначность употребления конstituентов сезонного лексического цикла. При этом в сезонном лексическом цикле салиентные компоненты различаются по данным разных корпусов. Так, согласно данным основного корпуса наиболее значимым оказываются самый теплый, *лето* (34%), и самый холодный, *зима* (26%), периоды года. Менее частотными оказались обозначения переходных периодов *весна* (22 %) и *осень* (18 %). В поэтическом подкорпусе лидирует компонент *весна* (42 %).

Среди конstituентов годового лексического цикла наиболее частотными компонентами являются *март* (9,5 %), *май* (10 %), *август* (10 %).

Однако по частотности употреблений наименований месяцев года в поэтическом корпусе НКРЯ выделяется явный лидер – *май*, обладая такими ассоциациями как *юность, нежность, радость*.

Таким образом, можно с уверенностью заключить, что высказанная нами ранее гипотеза о выделенности тех или иных компонентов темпоральных лексических циклов в русском языке получила свое подтверждение.

Заключение

Важнейшим принципом организации ядерных темпоральных лексических циклов как неотъемлемых таксономий лексической системы русского языка, называющихся направленными на эффективную организацию жизнедеятельности общества циклические структуры, сложившиеся в русском языковом коллективе, является, несомненно, «равноправие» их конститuentов. Это находит отражение в ведущих их категориальных семантических свойствах [+ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ] и [+ПОВТОРЯЕМОСТЬ], которыми предопределяются традиции их лексикографического описания как релятивных имен. Многочисленные прагматические характеристики, формирующие латентную зону семантики конститuentов темпоральных

лексических циклов, которая актуализируется в свободных и связанных словосочетаниях, в образованных дериватах, детерминируют выделенность (салиентность) одних конstituентов на фоне других и соответственно «неравноправие» как еще один принцип их функционирования. В качестве оснований салиентности единиц ядерных темпоральных лексических циклов в русском языке выступают знания об онтологических свойствах называемых временных периодов, о связанной с ними деятельности, это также субъективно-оценочные ассоциации, сложившиеся на базе их знаний, у носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

- 1- *Большой толковый словарь русского языка* (2000). Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. –СПб.: Норинт.
- 2- Кошелев А. Д. (2015). *Когнитивный анализ общечеловеческих концептов*. – М.: Рукописные памятники Древней Руси.
- 3- Львов М. Р. (1984). *Словарь антонимов русского языка: Более 2000 антонимических пар*. – Под ред. Л. А. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. –М.: Рус. яз.
- 4- *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 15.01.2020.
- 5- Никитин М. В. (2007). *Курс лингвистической семантики*. – 2-е изд. доп. и испр. –СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена.
- 6- Толстая С.М.(2005). *Полесский народный календарь*. –М.: Индрик,
- 7- Харитончик З. А. (2015). Деривационная активность конstituентов лексических циклических структур, *В поисках сущности имен*. Избранное: сб. науч. ст. – Минск: МГЛУ, 143–150.
- 8- Coseriu E. (1981). *Principios de semántica estructural* Versión esp. de M. Martínez Hernández revisada por el autor – 2a ed. – Madrid: Gredos.
- 9- Cruse D. A. (1986). *Lexical semantics* (Cambridge textbooks in linguistics) – New York: Cambridge University Press.
- 10- Cruse D. A. (2000). *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics*. – New York: Oxford University Press.

- 11- Jackendoff R. (2012). *A user's guide to thought and meaning*. – New York: Oxford University Press.
- 12- Leech G. N. (1970). *Towards a Semantic Description of English*. – Bloomington; London: Indiana University Press.
- 13- Leech G. N. (1974). *Semantics*. – London: Penguin.
- 14- Lyons J. (1987). *Semantics*. – 7th ed. Cambridge University Press.
- 15- Miller G. A. (1976). *Language and perception* / G. A. Miller, P. N. Johnson-Laird. – Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press.

Bibliography

- 1- *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka* (2000). Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. – SPb.: Norint.
- 2- Koshelev A. D. (2015). *Kognitivnyj analiz obshhechelovecheskih konceptov*. – M.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi.
- 3- L'vov M. R. (1984). *Slovar' antonimov russkogo jazyka: Bolee 2000 antonimicheskikh par*. – Pod red. L. A. Novikova. – 2-e izd., ispr. i dop. –M.: Rus. jaz.
- 4- *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru>. – Data dostupa: 15.01.2020.
- 5- Nikitin M. V. (2007). *Kurs lingvisticheskoj semantiki*. – 2-e izd. dop. i ispr. –SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena.
- 6- Tolstaja S.M.(2005). *Polesskij narodnyj kalendar'*. –M.: Indrik,
- 7- Haritonchik Z. A. (2015). Derivacionnaja aktivnost' konstituentov leksicheskikh ciklicheskih struktur, *V poiskah sushhnosti imen*. Izbrannoe: sb. nauch. st. – Minsk: MGLU, 143–150.
- 8- Coseriu E. (1981). *Principios de semántica estructural* Versión esp. de M. Martínez Hernández revisada por el autor – 2a ed. – Madrid: Gredos.
- 9- Cruse D. A. (1986). *Lexical semantics* (Cambridge textbooks in linguistics) – New York: Cambridge University Press.
- 10- Cruse D. A. (2000). *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics*. – New York: Oxford University Press.
- 11- Jackendoff R. (2012). *A user's guide to thought and meaning*. – New York: Oxford University Press.
- 12- Leech G. N. (1970). *Towards a Semantic Description of English*. – Bloomington; London: Indiana University Press.
- 13- Leech G. N. (1974). *Semantics*. – London: Penguin.

- 14- Lyons J. (1987). *Semantics*. – 7th ed. Cambridge University Press.
- 15- Miller G. A. (1976). *Language and perception* / G. A. Miller, P. N. Johnson-Laird.
– Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Харитончик, З., & Корбачева, Т. (2021). Lexical Cycles in Modern Russian. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 9*(1). 43-66.

DOI: 10.52547/iarll.17.43

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/147>

چرخه‌های واژگانی در زبان روسی معاصر

زینایدا آندره‌یونا خاریتانچیک^۱

استاد دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مینسک،
مینسک، بلاروس.

تاتیانا والر‌یونا کارباجووا^۲

دانشجوی دکترای دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مینسک،
مینسک، بلاروس.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۰)*

چکیده

مقاله حاضر به بررسی و مطالعه چرخه‌های واژگانی زمانی در روسی یعنی ترکیبات و گروه‌های واحدهای واژگانی که بر اساس روابط معنایی توالی و تکرار به وجود آمده‌اند می‌پردازد. داده‌های زبانی در مورد ویژگی‌های معنایی و کاربردی اسامی با مفهوم چرخه‌های شبانه‌روز یعنی صبح، روز، عصر و شب (*утро-день-вечер-ночь*)، هفته یعنی دوشنبه - سه‌شنبه - چهارشنبه - پنجشنبه - جمعه - شنبه - یکشنبه (*понедельник-вторник-среда*) - فصل بهار - تابستان - پاییز - زمستان (*четверг-пятница-суббота-воскресенье*)، سال یعنی ژانویه - فوریه - مارس - آوریل - مه - ژوئن - ژوئیه - اوت - سپتامبر - اکتبر - نوامبر - دسامبر (*весна-лето-осень-зима*) و ماه‌ها (*январь-февраль-март-апрель-май*) - *июнь-июль-август-сентябрь-октябрь-ноябрь-декабрь* در زبان روسی که در نتیجه تجزیه و تحلیل توضیحات و اطلاعات در مدخل فرهنگ لغت، کاربردهای آنها در متن، مشتقات و ترکیبات زبانی پایدار و اصطلاحات مختلف به دست آمده‌اند نشان‌دهنده وجود ناهمگونی در اینگونه ترکیبات چرخه‌ای است (به‌عنوان نمونه، پدیده‌های طبیعی، رویداد محور، متعارف؛ اصطلاحی و غیراصطلاحی با مرزهای مشخص و نامشخص و غیره). مسئله اصلی، نشان دادن اهمیت برخی از اجزای آنها است (شب در چرخه روزانه، تابستان، بهار در چرخه مربوط به فصل‌ها و غیره) که مبتنی بر دانش درباره خصوصیات هستی‌شناختی مقاطع زمانی بیان شده به وسیله آنها، فعالیت‌های مرتبط با آنها و همچنین پیوندهای ذهنی-ارزشی است که بر اساس این دانش در بین افراد اهل زبان تشکیل شده است.

واژگان کلیدی: چرخه واژگانی با مفهوم زمان، توالی، تکرار، اهمیت و برجستگی، بسامد.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru

2. E-mail: corbatan@rambler.ru

***East of Shota Rustaveli and Oriental Flavor* Russian-language Translations of the Poem**

Modebadze Irine Igorevna¹

Senior Scientific Researcher of Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, Ivane Javakhishvili
Tbilisi State University.

(date of receiving: September, 2020; date of acceptance: October, 2020)

Abstract

“Alienation of the plot”, including the transfer to the *East*, is a fairly common artistic device in the history of world literature. A prerequisite for this is the creation of a special oriental atmosphere of the artistic space of the work. The *East* of Shota Rustaveli’s poem (XII century) covers a huge cultural area and is created with the help of various artistic techniques. To what extent between the artistic reality of the poem and the cultural and historical situation of its epoch preserved when it is transfer in the Russian culture? We have analyzed the markers of Rustaveli’s *East* (intertextual references, cultural concepts, realities) in the main Russian-language translations of the poem. A comparative analysis showed that the Russian-language translations adequately conveyed the “oriental flavor” of the poem, but in the process of domestication the connection with the real East of the Rustaveli era is lost. In our opinion this fact, along with the loss of the philosophical and theological depth and rhythmic of the original, this factor also played a role in the fact that up to the present day the poem is perceived by the Russian-speaking reader more as an “oriental tale”, “epic” than the Christian literature work.

Keywords: Georgian Literature, Shota Rustaveli, Russian-Language Translations, East Realities, Concepts, Intertextuality.

---

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com

Восток Шота Руставели и восточный колорит русскоязычных переводов поэмы

Модебадзе Иринэ Игоревна¹

Старший научный сотрудник Института грузинской литературы
им. Шота Руставели ТСУ им. Ив. Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия.

(дата получения: сентябрь 2020 г.; дата принятия: октябрь 2020 г.)

Аннотация

«Отчуждение сюжета», в том числе и перенесение действия на *Восток*, достаточно распространенный художественный прием в истории мировой литературы. Обязательным условием при этом является создание особой *восточной* атмосферы художественного пространства произведения. *Восток* поэмы Шота Руставели (XII в.) охватывает обширный культурный ареал и создается при помощи различных художественных приемов. Насколько сохраняется связь художественной реальности поэмы с культурно-исторической ситуацией эпохи при ее трансляции в поле русской культуры?

Нами были проанализированы маркеры *Востока* Руставели (интертекстуальные отсылки, культурные концепты, реалии) в основных русскоязычных переводах поэмы. Сопоставительный анализ показал, что в русскоязычных переводах в целом адекватно передан «восточный колорит» поэмы, но в процессе доместикации связь с реальным Востоком эпохи Руставели теряется. Полагаем, что, наряду с утратой философско-богословской глубины и ритмики оригинала, этот фактор также сыграл свою роль: вплоть до сегодняшнего дня поэма воспринимается русскоязычным читателем скорее как восточное сказание, эпос, чем вершинное произведение христианской литературы.

Ключевые слова: Грузинская Литература, Шота Руставели, Русскоязычные Переводы, Реалии Востока, Концепты, Интертекстуальность.

---

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com

Введение

«Персидское сказание» Шота Руставели

Поэма Шота Руставели «Вепхисткаосани» (известная русскоязычному читателю как «Витязь в тигровой шкуре») – вершинное произведение грузинской поэзии XII века. Одной из значимых частей ее композиционной структуры является Пролог, которому в эпических произведениях средневековых литератур уделялось особое внимание: в Прологе авторы (Низами Гянджеви, Фирдоуси, Джами, Саади, Кретьен де’Труа, Вольфрам фон Эшенбах и др.) раскрывали читателю замысел своих произведений, обосновывали собственную мировоззренческую позицию и эстетические воззрения. Пролог «Вепхисткаосани» построен в полном соответствии с этой традицией. Тем более интересным представляется тот факт, что в 9 строфе Пролога (нумерацию строф приводим по Руставели 2007), повествуя об истории создания поэмы, автор сообщает, что он «переложил на речь грузинскую <...> персидское сказание». Это утверждение не могло не привлечь внимания комментаторов и исследователей. Еще в начале XVII в. первый издатель поэмы царь Картли Вахтанг VI (1675-1737) в своем «Толковании» («Комментарии») подтвердил, что в персидской литературе не фиксируются следы подобной истории. Выражение «персидское сказание» оказалось поэтическим символом, значимым для интерпретации глубинных смыслов поэмы. Полисемантность, иносказания, аллюзии и метафоричность органически присущи языку Руставели, и определение смысла სპარსულსო [спарсули] (дсл. *персидский*) послужило основанием серьезной научной полемики, в ходе которой было высказано немало различных мнений: «чужой», «нехристианский», «древний» и др. Несмотря на вариативность интерпретаций, не вызывает сомнений тот факт, что, стремясь придать описываемым событиям художественную достоверность, поэт использует определение «персидское» как широкое понятие, охватывающее культурный

ареал всего Востока, на что указывает и география художественного пространства поэмы.

Как художественный прием «отчуждение сюжета» не такая уж и редкость в истории мировой литературы, в том числе и перенесение действия на *Восток* (достаточно вспомнить хотя бы «Персидские письма» Шарля Монтескье, «Западно-восточный диван» Гете и др.). Обязательным условием при этом является создание особой, *восточной*, атмосферы художественного пространства. Достоверность «персидской истории» Руставели создается рядом художественных приемов:

1) действие развивается в условной Аравии – «Арабети» (дсл. *краю арабов*), в не менее условной Индоети / Индии (*стране индов*), а также в вымышленных Гуланшаро, Мульгазанзаре и Каджети; упоминаются и вполне реальные Хатаети / Хатай / Китай /, Хваразм / Хорезм /, Балахшан / Бадахшан /, Египет, Багдад и др.;

2) герои поэмы – «мусульмане», более чем условно следующие мусульманским традициям;

3) встречаются апеллирующие к метатексту восточной поэзии интертекстуальные отсылки;

4) упоминаются реалии восточных культур.

Перенесение текста в иноязычную культурную среду – сложный коммуникативный акт: «в отличие от человека говорящего, находящегося внутри “своей” семиосферы, переводчик попадает в пересечение, по крайней мере, двух семиосфер: “своей” и “чужой”, представленной подлежащим переводу текстом» (Базылев, Сорокин 2000. 56) и необходимостью его доместикации (культурной адаптации). Конечно, «все, что сказано или написано одним человеком, должно быть понято другим в процессе восприятия и осмысления» (Семенов 2008. 9), и это бесспорная истина. Но как воспринято и как передано?

Стремление к наибольшей точности передачи авторского смысла, духа переводимого произведения при условии сохранения ритма и поэтической красоты звучания оригинала неизменно остается основной задачей, стоящей перед любым поэтическим переводом. Сложная система художественно-изобразительных средств (метафоры, эпитеты, гиперболизация, аллитерация, эвфонии и т.д.) затрудняет перевод поэмы Руставели на иностранные языки – часть многочисленных подтекстов неизбежно утрачивается. При сопоставлении различных переводов поэмы на русский язык нами было отмечено, что «наибольшее количество [расхождений фиксируется] при переводе-интерпретации строк, отражающих религиозно-богословские основы мировоззренческой позиции Руставели. Именно здесь переводчики чаще всего вплотную сталкиваются с основанной на аллегорической функции языка т.н. «проблемой множественности смыслов», когда поэт, «говоря одно, говорит и другое» (Рикер 1995. 97). Чем большее количество смыслов (соответственно, и возможных трактовок) содержит высказывание, тем выше роль субъективного фактора – восприятия текста самим переводчиком, что и позволяет говорить о проблеме перевода в общем контексте проблемы интерпретации (Модебадзе 2008. 423–424). Постепенно «утрачивая связь со своей богословско-религиозной основой, метафоры и аллегии Руставели обретали статус художественной правды, и за два века интерпретации-рецепции этого памятника сложился ряд устойчивых культурных штампов» (Там же. 428). Все более дистанцируясь от культурного поля своей эпохи, поэма постепенно обретала светско-развлекательный характер, а художественный *Восток* Руставели, отдаляясь от реального Востока своей эпохи, все более сближался со сказочным миром восточных сказаний.

История переводов поэмы на русский язык началась еще во второй половине XIX века, а последние переводы датируются уже XXI веком. За это время создано более шестидесяти (полных и частичных) русскоязычных

переводов. Но поскольку нас интересует специфика рецепции поэмы, точнее, вопрос о том, насколько сохраняется дух поэмы при ее трансляции в поле русской культуры, то в качестве материала исследования мы рассмотрим наиболее значимые переводы XX века:

- 1) близкий к оригиналу прозаический перевод С. Иорданишвили (1937), которым пользовались Н.Заболоцкий, М.Бажан и другие переводчики поэмы;
- 2) перевод Н.Заболоцкого, наиболее популярный у русскоязычного читателя;
- 3) перевод Ш.Нуцубидзе – созданный непосредственно с текста оригинала;
- 4) перевод П.Петренко (при участии К.Чичинадзе).

Основная часть

I. Интертекстуальные отсылки. Следует особо оговорить, что, рассуждая об условности *Востока* в художественном пространстве «Вепхисткаосани», было бы огромной ошибкой полагать, что речь идет об условности ориенталистского типа. Характерной особенностью развития грузинской культуры является тесная связь с восточными культурами: «Наряду с западной, европейской, ориентацией, грузинская культура не порывала связи и с восточными культурами, и это определялось не только географическими, политическими и экономическими факторами, но и тенденциями духовного развития» (Тварадзе 1985. 17). В этом смысле «в грузинской литературе ‘Вепхисткаосани’ Шота Руставели – это встреча западной и восточной культур» (Ратиани 2015. 41), что наглядно иллюстрируют фиксируемые в тексте интертекстуальные переклички. Отсылая читателя к вершинным произведениям восточной поэзии, они способствуют сопряжению поэмы с метатекстом поэтической культуры Востока. В частности, без каких-либо

комментариев Руставели упоминает Вис и Рамина Гургани, Ростом / Рустама / Рустема / Фирдоуси, Каэна / Каиса / Кайса / Низами и Саламана Джами - поэт уверен, что читатель прекрасно знает тексты, к которым их отсылает автор. При сравнении с оригиналом несложно заметить, что переводы Стрф. 181.3; Стр.1068.4 и Стрф. 1529.4 (сравнения героев поэмы с Вис и Рамином) адекватны. Аналогично и Стрф.192.3 (упоминание Ростом /Рустама /Рустема). Гораздо менее повезло персонажам Низами и Джами: в Стрф. 1327.4 упоминаются *Каэн /Каис/* и *Саламан*. В переводах читаем:

Иорданишвили: *Его терзаний не вынесли бы ни **Каис**, ни **Саламан***
(Руставели 1966 а)

Н.Заболоцкий: *По сравненью с этим горем недостойны описанья/
Саламоновы печали и **Каисовы** страданья* (Руставели 1966 б)

Ш.Нуцубидзе: *Этих мук не перенес бы **Каис**, как и **Саламан***
(Руставели 1979)

П.Петренко: *Этих мук не снес бы **Каин**, **Сал** исторг бы тяжкий
стон* (Руставели 1985)

Как видим, в переводах сохранены интертекстуальные отсылки, но в написании имен собственных фиксируются разночтения: Саламан/Саламон/Сал и Каис/Каин. Неудачным представляется перевод П. Петренко, где искажения настолько серьезны, что ведут к полной утрате смысла: *Каин* ассоциируется с библейской историей братоубийства, поэтому догадаться, кто такой *Сал* не представляется возможным.

II. Концепты и реалии культур Востока. Не меньшую значимость имеет включение в повествование культурных реалий. Прежде всего, это концепты *миджнурство* и *мусульманство*. Обосновывая в Прологе собственное понимание *миджнурства*, Руставели отсылает читателя к арабской культуре:

«"Миджнуром" арабы называют неистового» (Стрф. 22.1, пер. С. Иорданишвили). Согласно авторскому замыслу, члены царской династии Арабети, Тинатин и Автандил – арабы, и именно они являют собой истинных миджнуров, превзошедших прославленных Рамина и Вис (см. Стрф. 1529.4). О том, что Автандил араб свидетельствуют его слова: «Я – араб, в Аравии мои палаты» (Стрф. 282.3, пер. С.Иорданишвили) и косвенные детали: в Гуланшаро Фатьме приходится разъяснять Автандилу традиции празднования Навроза, который не признают арабы (Стрф. 1109.1 и 1112.1); обращаясь к светилам, Автандил называет их арабскими именами - *Зуал, Муштар, Марих, Аспироз, Отарид* (Стрф. 947-951) и т.д. *Мусульманское вероисповедание* героев подчеркивается упоминанием различных реалий мусульманской культуры:

1). Неоднократно упоминается *ḍ-ḍabḍo* [мусапи] – *Священная книга* (Коран). Коран лежит у изголовья Нестан-Дареджан (Стрф. 523.1); на Коране (*Книге клятв*) клянутся друг другу в верности Таризел и Нестан-Дареджан (Стрф. 410.1); с *Кораном* в руках молятся у изголовья впавшего в беспамятство при виде красоты Нестан-Дареджан Таризела мукры и мулиммы. В русскоязычных переводах эта деталь транслируется по-разному. В ряде случаев конкретизируется, о какой именно *Священной Книге* идет речь, как, скажем в стрф. 523.1 и стрф. 344.2, где все переводчики однозначно указывают - «Коран». В тех случаях, когда переводчики этого не делают, смысл затуманивается, как, напр., в стрф 410.1, где советский читатель вряд ли мог бы с уверенностью утверждать, на какой (и почему?) книгой приносят клятвы герои поэмы:

Над *Книгой клятв (Кораном)* я клялся и клялась она
(С.Иорданишвили)

Клялся я над *книгой клятвы* (Н.Заболоцкий)

Я над *клятвенною книгой* клялся ей (Ш.Нуцубидзе)

Я над *книгою* поклялся (П.Петренко)

Гораздо больше в этом смысле повезло *мукрам*, *муллимам* и *хадумам* – чаще всего они так и упомянуты в переводах, а в словарях к изданиям читатель легко может найти объяснение этих слов. Однако это правило переноса реалий из одного культурного поля в другое соблюдается не всегда: так, например, П.Петренко заменяет муллимов «магами», что у читателя советской эпохи скорее ассоциируется с огнепоклонничеством, чародейством, но никак не с мусульманством.

Упоминание *мукров* и *муллимов* однозначно отсылает читателя к контексту мусульманской культуры, однако в Стрф. 342.4 бросается в глаза и определенное несоответствие культурных кодов: «Привели *мукров*, они назвали мою болезнь колдовством *Вельзевула*» (С.Иорданишвили). Как видим, в одном предложении имеются маркеры различных культурных ареалов – Мусульманского и Христианского миров (*мукры* и *Белзевул/Вельзевул*). В поэтических переводах эта деталь передана весьма приблизительно – упоминание *мукров* опущено, что касается *Вельзевула*, то П.Петренко заменяет имя злого духа на *сатана*, Н.Заболоцкий, избегая конкретизации, использует понятие «одержимость бесами»:

Стрф. 342.4: Им казалось, что больного *бесы* мучают незримы
(Н.Заболоцкий)

И решили на совете: это сделал *Вельзевул* (Ш.Нуцубидзе)

Маги званые сказали, что сражен я *сатаной* (П.Петренко)

2). Особого внимания заслуживает *отношение персонажей поэмы к вину*. Коран воспрещает мусульманам пить вино, поэтому к вину, даже молодому (*маджари*), никогда не прикасались *багдадские купцы* (Стрф. 1019.2). В то же

время «мусульманское» население Индии (Стрф. 476.2) и Арабети (Стрф. 1538.2) не отказывается от вина. Пьют вино и побратимы /герои-витязи/ (Стрф. 1564.4). За исключением некоторых нюансов в русскоязычных переводах этот момент передан адекватно.

3). Герои поэмы – доблестные воины, поэтому особое внимание уделяется их *вооружению*, подчеркивая высокие боевые качества которого, Руставели подчеркивает, что оно изготовлено прославленными оружейниками Хорезма и Басры (Стрф. 396.4 и Стрф. 1352.2). В поэтических переводах эти реалии в целом переданы адекватно.

Вот уже более семи веков Басра потеряла значимость торгово-культурного центра, но в активном словаре живого грузинского языка слово ბაბრეო [басри] сохранило свое значение как «острый». Так оно и использовано в Стрф. 432.3. Соответственно, перевод ბაბრეო как *острый* можно считать адекватным, что и предлагает прозаический перевод С.Иорданишвили (*острый меч*). Тем не менее, создатели поэтических переводов предпочли, не вдаваясь в историко-культурные и лингвистические тонкости, опустить это слово: *меч непобедимый* (Н.Заболоцкий); *меч* (Ш.Нуцубидзе); *меч мой* (П.Петренко).

4). Упоминание одной из далеких от Грузии азиатских стран и специфика перевода ее названия также представляется значимой деталью. Мы имеем в виду *Хатаети*. «В поэме Руставели Индия, Арабия, Персия и т.д. осмыслены в соответствии со средневековыми представлениями, что не имеет ничего общего с современной географией» (Церетели 2015. 206). Хатаети – это Хатай. Так называли в эпоху Руставели созданное группой прото-монгольских племен Маньджурии цзи-дань (кидань-монголами, которых обычно называют *каракитаями*, *китаями*, или *хатаями*) на северо-востоке территории современного Китая государство Ляо (VIII-XII вв.). Владения Ляо простирались от озера Балхаш на севере, Алтайских гор на востоке до реки Аму-Дарья на юге. Свою страну жители Ляо называли *Кидани*, а соседние

народы - *Китайа, Кэтай, Хитай, Хатай, Хитан, Сатай* (в английский язык слово вошло как *Cathay*). Южную территорию Китая, которая в то время управлялась династией Южная Сун, называли *Чин, Цинь, Син, Чжина, Манзи, Манци*. Впоследствии, объединенная страна, в разных языках получила названия, близкие или к слову *Китай*, или к слову *Чин*. В оригинале сказано, что Хатаети правит «хан», что также указывает на Китай: титул *Небесный Хан* был установлен императором Тай-цзуном; после падения империи Ляо правитель Каракитайского /Кара-киданьского/ ханства носил титул *гурхан*, однако в русских переводах всюду имеем «царь».

Грузия, как один из перевалочных пунктов Великого шелкового пути, была прекрасно осведомлена о жизни азиатских государств. Поэтому и тот факт, что взаимоотношения руставелевских *Арабети* и *Индии* с *Хатаети* довольно-таки нестабильны также мог быть навеян реальностью эпохи: в недалеком будущем Чингиз-хан начнет покорение Китая, Азии, Кавказа и Восточной Европы, но усиление китайско-монгольского влияния, которое в художественном пространстве поэмы олицетворяет *Хатаети*, беспокоило соседние государства уже в XII веке.

Несмотря на то, что в современном грузинском языке Китай называется ჰობჯოო [*чинети*], грузинский читатель, еще в школе изучавший адаптированный текст, знает, что под *Хатаети* подразумевается Китай (вернее, его северная часть), однако, поскольку в переводах мы имеем *хатавы, хатайцы* и т.д. и *царя* в качестве их правителя, то, не заглядывая в словари, русскоязычный читатель остается в уверенности, что речь идет о некоей вымышленной стране.

5). В цветописси «Вепхисткаосани» значимое место занимают метафоры, связанные с *символикой камней*. Чаще всего встречаются упоминания *гишера, балахша* и *лала*, значимость и лечебные свойства которых издавна известны на Востоке.

Черный, непрозрачный с таинственным блеском *гишер* упомянут в поэме более 30 раз. Это устойчивая метафора ресниц и кос царственных красавиц: царицы Тамар (*гишерокосой* – Стрф. 3/2), Нестан-Дареджан (сад из роз, из *гишеров* /щеки и глаза/ – Стрф. 487.3); Тинатин (превратившей *гишер* в свои ресницы - Стрф. 133.1) и др. Один раз гишер упоминается как метафора щетины, покрывшей лицо Автандила во время долгого странствия: *гишеровая порось* (Стрф. 190.4). Художественная функция этого камня в поэме – обозначение насыщенного черного цвета с красивым блеском. *Гишер* (гагат) широко известен на Востоке и в Грузии, где имеется крупное месторождение гишера, но Европе этот камень практически неизвестен. В русских переводах метафора нередко передается как «агат» (камень другого цвета), или опускается. Иногда встречается просто «гишер» без комментария, что затрудняет понимание смысла метафоры.

Балахи /*бадахш*/ – устойчивая метафора уст царственных красавиц: царицы Тамар (Стрф.5.1–2), Тинатин (Стрф.685.3 и др.), Нестан-Дареждан (Стрф.412.1; Стрф. 1011.2; Стрф.1479.4 и др.). Значительно реже эта метафора используется применительно к мужским персонажам поэмы: Автандилу (Стрф. 71.2; Стрф.1062.3), Автандилу и Придону (Стрф. 999.4), а в переводах метафора либо опускается, либо имеем *рубин*. Как метафора цвета лица мужских персонажей используется *лал* (Стрф.: 204.1, 279.4, 373.4, 392.3). И всего один раз, подчеркивая бледность, *лал* встречается применительно к Нестан-Дареждан. Во всех остальных случаях используется метафора *розы*. Однако переводы этих метафор, как правило, бессистемны, как, например, перевод Стрф. 999.4:

Хрусталь и *рубин* были расцвечены то эмалью, то *гишером*
(Иорданишвили)

Хрусталя, *бадахш-агата* вид (Ш.Нуцубидзе)

Лал, кристалл, *агат* и роза – все цело, все пламенело
(Н.Заболоцкий)

На полях хрустальных сладко *лалам* сладостным расцвечь
(П.Петренко)

В «Вепхисткаосани» нет ни одного случайного слова: в поэме метафоры камней используются для точного обозначения оттенков красного цвета. Судя по контексту, *балахи/бадахи* - ярко-алый, а *лал* – розовый камень. *Лал* (шпинель, рубицелл) стал известен в европейских странах только после путешествия Марко Поло преимущественно как красный камень из Бадахшана (Бале-рубин, новый камень, похожий на рубин). На арабском и индийском Востоке огненно-красные лалы (месторождение Кух-и-Лал) были известны с незапамятных времен, но их также часто путали с рубинами. По-видимому, в Грузии эпохи Руставели их тоже считали *рубинами*. Само слово ლაღო [лали] в современном грузинском языке обозначает *рубин*. Называя розовую шпинель *лал*, а ярко-красную - *балахи*, Руставели четко разграничивает темно-красный драгоценный камень и розовый, менее ценный. Так в Стрф. 387.2 имеем перечисление – «украшенный *балахиами* и *лалами*». Однако даже в переводе С.Иорданишвили перечисление отсутствует, но появляется уточнение: «Возвышался балдахин, украшенный *рубинами* из *Бадахшана*». Что касается поэтических переводов, то переводчики не делают различия между этими камнями и произвольно переводят их названия:

Трон из злата / *Бадахшанскими* камнями изукрашенный богато
(Н.Заболоцкий)

Ложе, разукрашенное *лалом* (Ш.Нуцубидзе)

Засверкал престол, большими *бадахшанами* богат (П.Петренко)

При описании изделий из драгоценных камней в «Вепхисткаосани» упоминается исключительно *лал*, а не *балахи*. Это позволяет предположить,

что в метафорической канве поэмы Руставели учитывал не только различия в цвете, но и различия в ценности камней. В русских переводах оба камня чаще всего переводятся как *рубин* (стрф.1175.3: «венец из цельного рубина»; стрф. 476.3: «чаши из рубина» – С.Иорданишвили), иногда имеются уточнения типа *бадахшанский лал*, *бадахшанские рубины*, но используются они без учета принципов цветописи поэмы Руставели.

В активном словаре русского языка слово *лал* малоупотребительно, драгоценные камни красного цвета и в наши дни чаще всего называют *рубинами*. Более того, даже в *Словаре* к русскоязычному изданию можно прочесть: «Лал (бадахш) – рубин» (Руставели 1979. 238). Исходя из этого, перевод *лала* и *балахша* как *рубин* следует признать адекватным, но замена *гишера* на *агат* является ошибкой.

Как видим, в поэтических переводах полностью нарушены принципы метафорической цветописи, не учитываются и маркеры сопряжения художественного пространства поэмы с культурной реальностью эпохи. Даже в тех переводах, где имеется упоминание *рубинов из Бадахшана*, без специального комментария тесно связанная с культурой Востока символика поэмы полностью теряется.

III. Солнце и Лев: метафора Руставели и мусульманская культура.
Эмблема *Солнце и Лев* (Шир-у-Хуршид / Шир-о-Хоршид) известна всему Востоку, гораздо менее известно о связи этого символа с романтическим преданием о любви султана Гиас-эд-Дин /Кайсдин/ Кей-Хосров II (1236–1245) к своей жене Гюрджи-Хатун. Под этим именем оставила свой след в истории царевна Тамар - внучка прославленной царицы Грузии Тамар-Мепе / Тамары Великой (1166-1209/1213), дочь царицы Грузии Русудан (царствование: 1223–1245) и Могис-эд-дина / Могисэдина /, сына правителя Арзрума Тохруз-шаха (см. исследования Ак. Гадзеллия, Е. Джавелидзе и др.). «Вот что писал по этому поводу <...> грузинский летописец Жамтагмцерели: “И когда подросла

их дочь Тамар, узнал султан Рума, сын Нукардина, Гияс ад-Дин о достоинствах царевны. Прислав много даров и подношений, просил он (Русудан) отдать в жены ему дочь ее Тамар и поклялся оставить ее христианкой. Царица Русудан вняла его просьбам. Выдала она дочь свою замуж за Гияс ад-Дина <...> и дала в приданое Ацкуери [крепость Ацкури /აჭყუერი/ – *И.М.*]» (Жамтагмцерели 1959, 212. Перевод цитирую по: Шенгелия 1978. 237-247). Совершенно иначе рассказывает историю этого брака «Сельджук-Наме» /«История сельджуков»/ Ибн-Биби, где брак «наследницы династии Давида [Багратиони - царской династии Грузии – *И.М.*] и сельджуков» расценивается как политический шаг, предпринятый царицей Русудан с целью обезопасить границы своего государства от сельджукских набегов (см.: Шенгелия 2010. 164–177).

«В истории восточной монеты есть уникальный зооморфный сюжет, который завидно выделяет его из других подобных благодаря ключевой роли и значению, оказанной на символику монгольских выпусков в последующие десятилетия. Такой монетой оказался сюжетный тип «Лев и Солнце» сельджукского султана Кей-Хосрова II» (Исаев 2019). По преданию, став султаном Империи, Кей-Хосров II повелел отчеканить в Силвасе новый дирхем в знак своей любви к супруге (по одной из версий, поводом послужило рождение сына). Произошло это через год после их свадьбы (на монете вычеканена надпись «Великий султан мира и благость веры, Кейхосров Пенукей, по хиджре 638 г.»). На передней части монеты изображен небесный свод и следующие слова: «Имам силою аллаха достигший победы, эмир правоверных». Под сводом располагаются звезды, среди них – солнце, а под солнцем – лев-победитель. Дискос небесного тела украшает женский лик, что явилось большим новшеством для исламской страны того времени и не могло не привлечь внимание исследователей. Ссылаясь на труды известных тюркологов (Ахмета Чайцы/Ahmet Çausı;

Оздена Суслу/Süslü, Özden; Догана Кубан /Kuban, Doğan; Генюль Оней/ Öney, Gönül и др.), Толга Эркан (*Tolga Erkan*) пришёл к выводу, что легенда повествует о реальном факте - женский лик Солнца действительно изображает Гюрджи-Хатун, а Лев – это сам султан: «As the symbol of sun, the face of Georgian Princess Tamar Khatun is depicted inside the disc of the sun. <...> The figure of lion represents Giyaseddin Keyhusrev II's power and ability /Как символ солнца, на солнечном диске изображено лицо грузинской принцессы Тамар Хатун. <...> Фигура льва представляет силу и способности Гияседдина Кейхусрев II» (Эркан 2010. 1244–1245).

Известный ещё со времён вавилонской астрономии символ *Солнце и Лев* имеет устойчивые ближневосточные, а также древнюю грузинскую традиции. «В научной литературе неоднократно отмечалось, что символика Льва должна была проникнуть в Эгейский мир из Азии. <...> Также отмечено, что по всей Азии, особенно в памятниках искусства Ирана и Средней Азии Лев изображается с символом палящего солнца на плече, что должно быть знаком того, что он является его частью» (Сургуладзе 2003. 34).

В отличие от этих традиционных изображений, на силвасском дирхеме *солнце* находится не *за плечами льва*, но совмещается с *созвездием Льва*. В «Вепхисткаосани» широко используется метафора *солнца* применительно к женским персонажам – царственным красавицам, и метафора *льва* применительно к главным мужским персонажам поэмы. Если «символика Льва, спутника Солнца, на которого возложена функция его охраны, понимается как олицетворение мужского начала солярных сил» (см.: Сулава 2009. 136), то встреча Льва и Солнца (Солнце в зодиаке Льва) декодируется как счастливое единение миджнуров. Объединяя *Льва-победителя* (достигшего высокого положения султана Империи Румийского султана Кей-Хосров) и его солнцеликую красавицу-супругу Гюрджи-Хатун, символика монеты дает возможность интерпретировать ее в общем контексте с

символикой поэмы Руставели. Более чем вероятно, что сюжет *Солнце в созвездии Льва* сельджукской монеты, а затем и монгольских монет, был навеян устойчивой метафорой «Вепхисткаосани». Связывая монету с Гюрджи-Хатун - внучкой той самой царицы Тамар, которой Руставели посвятил свою поэму, предание также свидетельствует в пользу этого предположения. Так образуется обратный вектор – символика христианской поэмы уже в XIII веке становится неотъемлемой частью мусульманской культуры.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что в русскоязычных переводах «Вепхисткаосани», несмотря на утрату ряда нюансов, в целом адекватно передан присущий поэме «восточный колорит», однако в процессе доместикации частично, а в ряде случаев полностью теряется связь с реальным Востоком эпохи Руставели. Не исключено, что этот фактор, наряду с другими и, прежде всего, утратой смыслового богатства, философско-богословской глубины оригинала и ритмики (16-сложного шаири), также сыграл свою роль в том, что вплоть до сегодняшнего дня русскоязычным читателем поэма воспринимается скорее как восточное сказание, эпос, чем вершинное произведение христианской литературы.

Художественная симуляция *Востока* в поэме Руставели настолько достоверна и близка к реальности эпохи, что одна из центральных метафор поэмы, органично вписываясь в традиции восточной ментальности, стала восприниматься как часть мусульманской культуры.

Литература

- 1- Базылев В. Н., Сорокин Ю. А. (2000). *Интерпретативное переводоведение*. Ульяновск: Изд-во «Ульян. ун-та».
- 2- Жамтаагмцццрели (1959). *Картлис Цховреба* (История Грузии). Т. II. Тбилиси, на груз. яз.: *ქართლის ცხოვრება*.

- 3- Исаев В. Ю. (2019). Дискуссионные вопросы нумизматики. *Ж. Нумизматика*, Май (№ 45), 2019. URL: https://www.academia.edu/40422458/Isaev_donat_jochids_rus (Дата обращения: июнь 2020)
- 4- Модебадзе И. И. (2008). «Вепхисткаосани» – «Витязь в тигровой шкуре» (К вопросу преодоления культурных штампов). *Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы международной научно-практической конференции*. Москва, с. 419-430.
- 5- Ратиани Ирма (2015). *Грузинская литература и мировой литературный процесс*. Тбилиси: Изд-во ТГУ, на грузинском языке: რატიანი, ირმა. ქართული მწერლობა და მსოფლიო ლიტერატურული პროცესები.
- 6- Рикер, Поль (1995). *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. Москва: Изд-во «Academia-Центр».
- 7- Руставели, Шота (2007). *Витязь в тигровой шкуре*, двуязычное издание. - СПб.: Изд-во «Вита-Нова».
- 8- Руставели, Шота (1985). *Витязь в тигровой шкуре*. Грузинская поэма. Перевод с грузинского Пантелеймона Петренко при участии и под редакцией Константина Чичинадзе. Тбилиси: Изд-во «Мерани».
- 9- Руставели, Шота (1979). *Витязь в тигровой шкуре*. Перевод с грузинского Шалвы Нуцубидзе. Тбилиси: Изд-во «Мерани».
- 10- Руставели, Шота (1966-а). *Витязь в тигровой шкуре*. Построчный перевод с грузинского С.Иорданишвили. Тбилиси: Изд-во «Литература და ხელოვნება».
- 11- Руставели, Шота (1966-ბ). *Витязь в тигровой шкуре*. Перевод с грузинского Н.Заболоцкого. Москва: Изд-во «Художественная литература».
- 12- Семенов А. Л. (2008). *Основы общей теории перевода и переводческой деятельности*. Москва: Изд-во «Академия».
- 13- Сулава, Нестан (2009). «Вепхисткаосани» - *метафора, символ, аллюзия, энигма*. Тбилиси: Изд-во «Некери», на грузинском языке: სულავა, ნესტან. „ვეფხისტყაოსანი“ - მეტაფორა, სიმბოლო, ალუზია, ენიგმა.
- 14- Сургуладзе И. (2003). *Миф, ритуал, культ в Грузии*, Тбилиси: Изд-во «ТГУ», на грузинском языке: სურგულაძე, ი. მითოსი, რიტუალი, კულტი საქართველოში.
  - 5) Тварадзе Р. (1985). *Пятнадцативековое единство*. Тбилиси: Изд-во «Сабчота Сакарთველო», на грузинском языке: თვარაძე, რ. თხუთმეტსაუკუნოვანი მთლიანობა.

- 15- Церетели, Лия (2015). Индия «Вепхисткаосани». *Русствелология, VI*. Тбилиси: Изд-во «ТГУ», стр. 206-224, на грузинском языке: წერეთელი, ლია. „ვეფხისტკაოსნის“ ინდოეთი.
- 16- Шенгелия Н. Н. (2010). Ибн-Биби о походе на Грузию Ала ад-Дина Кейкобада *Османский мир и османистика. Сборник статей к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973)*. Москва: ИВ РАН, с. 164-177. URL: <https://book.ivran.ru/f/osmanskij-mir-i-osmanistika-2010.pdf> (Дата обращения: июнь 2020).
- 17- Шенгелия Н. Н. (1978). Из истории грузино-сельджукских взаимоотношений во второй половине XIII в. *Туркологический сборник*, 1978. Москва: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, стр. 237-247.
- 18- Эركان, Толга (2010). Человеческие фигуры в искусстве Анатолийских сельджуков: сравнение с пещерными рисунками уйгуров и фресками газнавидов в аспекте тематики и морфологии. Erkan, Tolga. *Human figures in the Anatolian Seljuk Art: a Comparison to the Cave Drawings of Uyghurs and the Murals of Ghaznavids from the Aspects of Theme and Morphology*. Turkish Studies, Vol. 5/3 Summer 2010, стр. 1218-1263, на англ. языке. URL: <http://www.turkishstudies.net/DergiTamDetay.aspx?ID=1243>
doi:10.7827/TurkishStudies.1243. (Дата обращения: июль 2020)

Bibliography

- 1- Bazylev V. N., Sorokin Ju. A. (2000). *Interpretativnoe perevodovedenie*. Ul'janovsk: Izd-vo «Ul'jan. un-ta».
- 2- Zhamtaagmcereli (1959). *Kartlis Chovreba (Istorija Gruzii)*. Т. II. Tbilisi, na груз. jaz.: ქართლის ცხოვრება.
- 3- Isaev V. Ju. (2019). Diskussionnye voprosy numizmatiki. *Zh. Numizmatika*, Maj (№ 45), 2019. URL: https://www.academia.edu/40422458/Isaev_donat_jochids_rus (Data obrashhenija: ijun' 2020)
- 4- Modebadze I. I. (2008). «Vephistkaosani» – «Vitjaz' v tigrovoj shkure» (K voprosu preodolenija kul'turnyh shtampov). *Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda: materialy mehdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii*. Moskva, s. 419-430.
- 5- Ratiani Irma (2015). *Gruzinskaja literatura i mirovoj literaturnyj process*. Tbilisi: Izd-vo TGU, na грузинском языке: რატიანი, ირმა. ქართული მწერლობა და მსოფლიო ლიტერატურული პროცესები.
- 6- Riker, Pol' (1995). *Konflikt interpretacij. Oчерki o germenевtike*. Moskva: Izd-vo «Academia-Centr».

- 7- Rustaveli, Shota (2007). *Vitjaz' v tigrovoj shkure*, dvujazychnoe izdanie. -SPb.: Izd-vo «Vita-Nova».
- 8- Rustaveli, Shota (1985). *Vitjaz' v tigrovoj shkure*. Gruzinskaja pojema. Pervod s gruzinskogo Pantelejmona Petrenko pri uchastii i pod redakciej Konstantina Chichinadze. Tbilisi: Izd-vo «Merani».
- 9- Rustaveli, Shota (1979). *Vitjaz' v tigrovoj shkure*. Pervod s gruzinskogo Shalvy Nucubidze. Tbilisi: Izd-vo «Merani».
- 10- Rustaveli, Shota (1966-a). *Vitjaz' v tigrovoj shkure*. Postrochnyj pervod s gruzinskogo S.Iordanishvili. Tbilisi: Izd-vo «Literatura da helovneba».
- 11- Rustaveli, Shota (1966-b). *Vitjaz' v tigrovoj shkure. Pervod s gruzinskogo N.Zabolockogo*. Moskva: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 12- Semenov A. L. (2008). *Osnovy obshhej teorii perevoda i perevodcheskoj dejatel'nosti*. Moskva: Izd-vo «Akademija».
- 13- Sulava, Nestan (2009). *«Vephistkaosani» - metafora, simvol, alljuzija, jenigma*. Tbilisi: Izd-vo «Nekeri», na gruzinskom jazyke: სულავა, ნესტან. „ვეფხისტყაოსანი“ - მეტაფორა, სიმბოლო, ალუზია, ენიგმა.
- 14- Surguladze I. (2003). *Mif, ritual, kul't v Gruzii*, Tbilisi: Izd-vo «TGU», na gruzinskom jazyke: სურგულაძე, ი. მითოსი, რიტუალი, კულტი საქართველოში.
- 15- Tvaradze R. (1985). *Pjatsadcativkovoe edinstvo*. Tbilisi: Izd-vo «Sabchota Sakartvelo», na gruzinskom jazyke: თვარაძე, რ. თხუთმეტსაუკუნოვანი მთლიანობა.
- 16- Cereteli, Lija (2015). Indija «Vephistkaosani». *Rustvelologija, VI*. Tbilisi: Izd-vo «TGU», str. 206-224, na gruzinskom jazyke: წერეთელი, ლია. „ვეფხისტყაოსნის“ ინდოეთი.
- 17- Shengelija N. N. (2010). Ibn-Bibi o pohode na Gruziju Ala ad-Dina Kejkobada *Osmanskij mir i osmanistika. Sbornik statej k stoletiju so dnja rozhdenija A. S. Tveritinovoj (1910–1973)*. Moskva: IV RAN, s. 164-177. URL: <https://book.ivran.ru/f/osmanskij-mir-i-osmanistika-2010.pdf> (Data obrashhenija: ijun' 2020).
- 18- Shengelija N. N. (1978). Iz istorii gruzino-sel'dzhukskih vzaimootnoshenij vo vtoroj polovine XIII v. *Tjurkologicheskij sbornik*, 1978. Moskva: Izd-vo «Nauka», Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, str. 237-247.

- 19- Jerkan, Tolga (2010). Chelovecheskie figury v iskusstve Anatolijskih sel'dzhukov: sravnenie s peshhernymi risunkami uygurov i freskami gaznavidov v aspekte tematiki i morfologii. Erkan, Tolga. *Human figures in the Anatolian Seljuk Art: a Comparison to the Cave Drawings of Uygurs and the Murals of Ghaznavids from the Aspects of Theme and Morphology*. Turkish Studies, Vol. 5/3 Summer 2010, str. 1218-1263, na angl.jazyke. URL: <http://www.turkishstudies.net/DergiTamDetay.aspx?ID=1243> doi:10.7827/TurkishStudies.1243. (Data obrashhenija: ijul' 2020).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Модбадзе, И. (2021). East of Shota Rustaveli and Oriental Flavor Russian-language Translations of the Poem. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 9(1)*. 67-88.

DOI: 10.52547/iarll.17.67

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/145>

شرق شاتا روستاوی و اصالت شرقی ترجمه‌های روسی منظومه

ایرین یگورونا مادابادزه^۱

استاد پژوهشی انستیتو ادبیات شوتا روستاوی جواخیشویلی گرجستان،
تفلیس، گرجستان.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۲۰)*

چکیده

«بیگانه‌سازی موضوع» از جمله اشاره به شرق، یک فن ادبی-هنری کاملاً رایج در تاریخ ادبیات جهان است. این امر مستلزم ایجاد فضای شرقی ویژه از فضای هنری اثر است. شرق منظومه شاتا روستاوی (سده دوازدهم) حوزه وسیع و گسترده فرهنگی را در بر می‌گیرد و با استفاده از تکنیک‌ها و فنون گوناگون هنری و ادبی ایجاد می‌شود. چه رابطه‌ای میان واقعیت‌های هنری و ادبی منظومه و اوضاع فرهنگی و تاریخی آن دوره از زمان که در قالب فرهنگ روسی به تصویر کشیده می‌شوند وجود دارد؟ ما نشانه‌های شرق روستاوی (خصوصیات بینامتنی، مفاهیم فرهنگی، واقعیت‌ها) را در مهم‌ترین ترجمه‌های منظومه به زبان روسی تجزیه و تحلیل کرده‌ایم. تحلیل تطبیقی نشان داده است که ترجمه‌های منظومه به زبان روسی تا حد زیاد دارای «اصالت شرقی» هستند، اما در روند ترجمه، ارتباط با شرق واقعی دوران روستاوی از بین می‌رود. به نظر می‌رسد در کنار کمرنگ شدن عمق فلسفی و کلامی و آهنگین بودن متن اثر اصلی، این عامل نیز در این جابجایی تأثیر نیست و در نتیجه آن، تا به امروز مخاطبان روس زبان منظومه را پیش از این که به عنوان شاهکار ادبی در ادبیات مسیحی بدانند بیشتر به عنوان یک داستان حماسی با درونمایه شرقی می‌شناسند.

واژگان کلیدی: ادبیات گرجی، شاتا روستاوی، ترجمه‌های روسی، واقعیت شرقی، مفاهیم، بینامتنیت.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com

* نوع مقاله: علمی - پژوهشی

“A Mountain in an Open Field”: Symbolism of Mountains and Fields in the Russian Linguaculture

Abramova Veronika Igorevna¹

Associate Professor, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University
Tula, Russia.

Arkhangelskaya Juliya Vladimirovna²

Principal Research Scientist, L. N. Tolstoy Tula State Pedagogical University
Tula, Russia

(date of receiving: October, 2020; date of acceptance: November, 2020)

Abstract

A Mountain and *a field* are universal cultural symbols which naturally fit into the Russian lingual world picture. Being the dimensional measures (*a mountain* – in vertical direction, *a field* – in horizontal direction), they are at the same time opposed to each other (as flatness and prominence) and look alike (in their scales). The symbolic meanings of *a mountain* and *a field* in the Russian linguaculture can be divided into opposed, coinciding and being beyond comparison. Opposition is presented by *a mountain* – predominantly negative locus not explored by man, the symbol of the stronghold, the obstacle, and a *field* – the positive cultivated space, the symbol of unrestricted scope, freedom. The coinciding symbolic meanings of *a mountain* and *a field* are the following: the border between worlds; locus where gods or demons dwell; surreal space; alien, dangerous place. Beyond comparison are such symbolic meanings as for *a mountain* - place of merging of the sky and the land; the kingdom of the dead; grief; fate; path of life; a great amount of something; grave state of mind; for *a field* – the motherland; community with the Russian people; fertility; place of a battle; locus of wonders.

Keywords: Russian Linguaculture, Symbolic Meaning, Mountain, Field, Space.

---

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru

2. E-mail: archangelju@yandex.ru

«В чистом поле – гора»: символика горы и поля в русской лингвокультуре

Абрамова Вероника Игоревна¹

Доцент, Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия.

Архангельская Юлия Владимировна²

Старший научный сотрудник, Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия.

(дата получения: октябрь 2020 г.; дата принятия: ноябрь 2020 г.)

Аннотация

Гора и поле – универсальные культурные символы, естественно вписывающиеся в русскую языковую картину мира. Являясь пространственными мерами (*гора* – по вертикали, *поле* – по горизонтали), они одновременно противопоставлены друг другу (как выпуклость и плоскость) и похожи (по своим масштабам). Символьные значения *горы* и *поля* в русской лингвокультуре можно разделить на противопоставленные, совпадающие и находящиеся вне сопоставления. Оппозицию представляют собой *гора* – преимущественно отрицательный, не освоенный человеком локус, символ твердыни, преграды и *поле* – положительное окультуренное пространство, символ неограниченного простора, воли. Совпадающими символическими значениями *горы* и *поля* являются следующие: граница между мирами; локус, где обитают боги или демоны; ирреальное пространство; чужое, опасное место. Вне сопоставления оказываются такие символические значения, как место соединения неба и земли; царство мертвых; горе; рок; жизненный путь; большое количество чего-либо; тяжелое душевное состояние – у *горы*; Родина; общность с русским народом; плодородие; место битвы; локус чудес – у *поля*.

Ключевые слова: Русская Лингвокультура, Символьное Значение, Гора, Поле, Пространство.

---

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru

2. E-mail: archangelju@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

Введение

Гора и *поле* являются особыми символическими локусами в русской лингвокультуре. С одной стороны, они вписаны в мировой контекст, представляют собой культурные универсалии. В составленном профессором А. Ф. Журавлевым списке минимальных смыслов, которые вовлечены в мифологические сюжетные мотивы, частотность употребления единиц *гора* и *поле* составляет 409 и 62 соответственно (Журавлев 2016. 19–20). Эти данные можно объяснить, с нашей точки зрения, тем, что символика *поля* является актуальной для земледельческих культур, а символика *горы* – для всех народов, поскольку гора – более древний культурный символ. По этой же причине лексема *гора* входит в так называемый список Сводеша (набор базисной лексики, с помощью которого можно оценивать степень родства между языками), а лексема *поле* в нем отсутствует (Kassian and other 2010).

Гора в мировой культуре воспринимается как модель вселенной, центральная ось. «На ее вершине обитают боги, под горой (или в ее нижней части) – злые духи, принадлежащие к царству смерти, на земле (посередине) – человеческий род» (Топоров 1987. 311). Горы как реальные географические объекты почитались, обожествлялись и дублировали мировую гору в мифологиях и религиозных системах разных народов (Топоров 1978. 312): Фудзияма в Японии, Олимп в Греции, Броккен в Германии, Арафат в мусульманстве, Фавор в христианстве и др.

Поле для земледельческих культур является источником пищи, следовательно, жизни, поэтому символически соотносится с ее зарождением, течением и прекращением. Поле мыслится одновременно и как освоенное, культурное пространство, и как пространство чужое, опасное, и как граница между ними. У многих народов существуют представления о духах поля, враждебных или дружественных по отношению к человеку.

С другой стороны, несомненно, важное значение *горы* и *поля* для славянской, в частности, русской картины мира, что отражено в языке. Эти лексемы выступают в качестве языковых символов (Телия 1996. 243), транслирующих важные для нации культурные смыслы.

Основная часть

Гора в русской лингвокультуре имеет следующие символичные значения:

- 1) Место соединения неба и земли. Отсюда двойственность символики.

Положительная символика – место пребывания богов, место силы: *горé* – вверх, *горний* – верхний. *Горнее* место в храме. «*Горе душа летит*» [В.А. Жуковский. Невыразимое (1819), НКРЯ]. «*И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полет*» [А.С. Пушкин. Пророк (1826), НКРЯ].

Отрицательная символика – место пребывания демонов, нечистой силы. *Горной* (рус., урал.) – нечистый дух, обитающий в шахтах. *Хозяйка Медной горы* (фигурирует в сказах П.П. Бажова, дух – хранитель горных сокровищ). *Лысая гора* (место сборища ведьм). *Змей Горыныч* (сказочный персонаж, выступающий в роли вредителя).

- 2) «Тот свет», царство мертвых. *Отправиться на горку* – умереть. *Гора (костр.)* – кладбище, располагаемое на пригорке (Даль 2000. 183). *Мыльная гора (тул.)* – кладбище, *отправиться на Мыльную гору* – умереть. В старину вторник второй недели после Пасхи именовался *красной горкой* и являлся днем поминовения усопших: *В красную горку родители из могилы тепломдохнут* (Даль 1912. Стлб. 928)
- 3) Печаль, горе (в народной лирике): «*Ветры мои, ветры, вы буйные ветры! / Не можете ли ветры, горы раскачати? / Гусли мои гусли, звончатые гусли! / Не можете ли вы, гусли, вдову взвеселити?»*; «*Уж вы, горы мои, горы Воробьевские, / Ничего вы, горы, ничего не*

породили, / Породили горы один бел-горюч камень» (Лирические народные песни 1955. 67, 344).

- 4) Нечто незыблемое, не сдвигаемое с места, трудноодолимое: *Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется* – говорится при неожиданной встрече (Михельсон 1902–1903. Т.1, 208); *Как на каменную гору (надеяться, полагаться на кого-либо)* – вполне, целиком (надеяться, полагаться) (ФСРЯ 1967. 118).
- 5) Нечто фундаментальное: *своротить горы (гору)* – делать большое дело, требующее огромных усилий (ФСРЯ 1967. 79), *горами двигать* – совершать большие важные дела. «*А всем известно, что если народ соответствующим образом вдохновить, он способен горы свернуть»* [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996), НКРЯ].
- 6) Трудности, трудная работа: *В гору-то семеро тащат, а с горы и один столкнет. С горы вскачь, а в гору – хоть плачь. Укатили сивку крутые горки* (Даль 1957. 519, 494, 276, 506). «*Сейчас не осталось сил даже для мечтаний и для воображения; поэтому я не могу себе представить ни маму, ни Вас, ни городских улиц, ничего. Укатили сивку крутые горки. Очень Вас прошу, пишите хоть открытки, пусть пустые»* [Эмма Герштейн. Анна Ахматова и Лев Гумилев (1994-2002), НКРЯ].
- 7) Рок, фатум: *И крута гора, а миновать нельзя* (Михельсон 1902–1903, Т.1, 369).
- 8) Жизненный путь вообще или жизненное поприще, на котором можно преуспеть: *Идти (лезть, переть) в гору* – «1. Приобретать вес, значение; делать карьеру. О человеке. 2. Развиваться в благоприятном направлении, успешно. О чем-либо» (ФСРЯ 1967. 181) *Идти под гору* – «1. Развиваться в неблагоприятном

- направлении; резко ухудшаться. 2. Близиться к концу. О жизни» (ФСРЯ 1967. 182). *«И не только уцелел – в гору пошел, стал начальником Томского НКВД 15»* [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958-1973), НКРЯ].
- 9) Большое количество чего-либо. *Золотые (златые) горы* – «сказочное богатство, благополучие и т.п. (обещать, сулить кому-либо)» (ФСРЯ 1967. 118): *«Словом, обещает ей золотые горы, подводит к своей жене и дочери, те тоже восхищаются её голосом, тоже уговаривают ехать в Петербург, тоже сулят золотые горы, жить она будет у них, ни в чём не будет нуждаться, станет знаменитой певицей»* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977), НКРЯ].
- 10) Тяжелое душевное состояние: *гора (лежит) на душе* – «о тягостном душевном состоянии, о тяжелых заботах» (ФСРЛЯ 1997. Т. 1. 155); *гора с плеч свалилась* – «рассеялись тревоги, сомнения; наступило полное облегчение после избавления от забот, обязанностей, от чего-либо обременительного и т.п.» (ФСРЯ 1967. 116). *«Только начал эту фразу, как принесли твое письмо, и у меня гора с плеч свалилась!»* [Александр Морозов. Препные слова (1985-2001) // «Знамя», 2002, НКРЯ].
- 11) Пространственная или временная граница: *За горами* – далеко. *Дума за горами, а смерть за плечами. Не за горами* – «1. Неподалеку, очень близко (находиться, быть и т.п.). 2. Скоро, в ближайшем будущем наступит, произойдет и т.п. что-либо» (ФСРЯ 1967. 116). *«Он понимал и то, что теперь его собственный конец не за горами, но и это совершенно его не трогало»* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978), НКРЯ].

- 12) Ирреальный локус. *На кудыкину гору* – «ответ на вопрос “Куда идешь?” при нежелании отвечать». По одной из версий, возникло в народной речи из созвучия наречия *куда* с утраченным теперь существительным *куд* (злой дух, дьявол) (Бирих, Мокиенко, Степанова 1999. 127). «*Куда, куда? Да на кудыкину гору! – дерзко отвечает Вася Некрасов, нескладный долговязый парень с кудрявой, как у Калмановича, только русой головой*» [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013), КНРЯ]. Примечательно, что вариантом ответа на вопрос «Куда?» является устойчивая единица *на кудыкино поле*. Это свидетельствует о семантической и символической близости локусов *гора* и *поле* в русской лингвокультуре: «*Григорий поиграл зарозовевшими желваками скул, но ответил весело, с подмигом: – На кудыкино поле. Понял? И вышел*» [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940), НКРЯ].

Поле в русской лингвокультуре имеет следующие символичные значения:

- 1) Бесконечность, открытость: *чистое поле*. О власти пространств над русской душой писал философ Н.А. Бердяев: «*Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности*» [Н. А. Бердяев. О власти пространств над русской душой (1914-1918), НКРЯ]. Литератор Д. В. Григорович отмечал: «*Тут узнаете вы жизнь народа; тут только увидите настоящее русское поле, с тем необъятно-манящим простором, о котором так много уже слышали и так много, быть может, мечтали*» [Д. В. Григорович. Пахарь (1856), НКРЯ].
- 2) Абсолютное пространство, равное земле или небу: «*Стану я, раба Божья, благословесь, пойду перекрестись из ызбы дверями, из*

ворот воротами, выйду я в цисто полё. В цистом поли Окиян синё море, в Окияни синём мори бел остроф, на билу острову Лип камень, на Липу камню сидит Олёна царевна...» (цит. по: Славянские древности 2009. 134); *«Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат»* (загадка о небе, звездах и месяце, цит. по: Славянские древности 2009. 134).

- 3) Русская земля, Родина. Как отмечают исследователи, топоним поля становится в русской традиции этническим символом, на уникальность которого указывает тот факт, что понятие «поле» не может быть адекватно переведено на неславянские, в частности, английский, языки, является для британского языкового сознания когнитивной лакуной (Аликаев, Чуликов 2010. 145). Данное символическое значение поддерживается в русской лирике: *«О Русь, малиновое поле / И синь, упавшая в реку, / Люблю до радости и боли / Твою озерную тоску»* [С. А. Есенин. «Запели тесные дроги...» (1916), НКРЯ]. Возникает фольклорно-литературный образ *русского поля*, который является не только символом русской земли, но и русского национального характера: *«Ведь наше русское поле тем и отличается от всех остальных, что на нем нет затейливых цветов, а только простые васильки да солнечный жолтык»* [П. П. Бажов. Отслоения дней (1944–1947), НКРЯ]; *«Сколько, сколько в тайне сжигает полевая мечта; о, русское поле, русское поле!»* [Андрей Белый. Серебряный голубь (1909), НКРЯ]; *«О Родина, / Мое русское поле, / И вы, сыновья ее, / Остановившие / На частоколе / Луну и солнце, / – Хвалите Бога!»* [С. А. Есенин. Певущий зов (1917), НКРЯ]; *«Русское поле, березы – это то, по чему наш человек скучает на чужбине»* [«Спартак» пора менять дорогу!» // Советский спорт, 2008.03.25, НКРЯ].

- 4) Общность с русским народом, нацией или со своим кругом, людьми, имеющими сходные взгляды на жизнь. «Здравствуй, русское поле, / Я твой тонкий колосок», эта цитата из широко известной песни, написанной в 1968 году композитором Я. Френкелем на стихи И. Гофф для кинофильма режиссера Э. Кеосаяна «Новые приключения неуловимых», перекликается с народными устойчивыми выражениями: *Что я в поле за обсевок?* (Даль, Пословицы, с. 191), *И я в поле не обсевок* (Даль, Словарь, т. 2, стлб. 1605), то есть не хуже других, такой же, как все, суть которых в следующем: если человек ассоциирует себя с обсевком (незасеянным клочком поля), то это говорит о том, что он одинок, разобщен с народом (оставлять незасеянными даже небольшие участки поля считалось очень плохой приметой, сулило несчастья). Ср. также: *Нашего поля ягода; Не нашего поля ягода; Не на том поле трава выросла* (Даль 1912–1914. Т. 3, стлб. 647).
- 5) Воля. Многие исследователи отмечают «взаимное символическое и семантическое притяжение *поля* (как бесконечного и недискретного пространства) и *воли* (как ничем не ограниченной свободы), поддерживаемое в песнях рифмой...» (Славянские древности 2009. 134). Кроме того, рифма *поле – воля* часто используется в русских пословицах: «*В поле воля*», «*В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть инаково*», «*Жить по воле, умереть в поле*», «*Не верь ветру в поле, а жене в воле*», «*Взяли волю: едем по всему полю*» (Даль 1957. 834, 835, 841, 842).
- 6) Плодородие. Засеянное поле – древний славянский, в том числе и русский, символ. Он эмблематически поддержан узором традиционной вышивки, очень часто использовавшейся в старину для украшения женской одежды, являясь знаком не только плодородия земли, но и женского плодородия. Как языковой

символ плодородия *поле* часто употребляется в пословицах: *Что в поле ни родится, все в доме пригодится* (Там же. 594); *Красно поле рожью, а речь ложью (то есть красным словом)* (Там же. 201), *В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится* (Там же. 776), а также в формулах речевого этикета (приветствиях, пожеланиях, поздравлениях с урожаем или, напротив, в устойчивых выражениях, содержащих брань, проклятие): *С двумя полями сжатыми, с третьим засеянным (поздравление в пожинках)* (Там же. 752), *Как в поле трава растет, так бы твоё добро росло (говорит отец, благословляя и оделяя сына, что всегда делается в новолуние)* (Даль 1957. 388); *В поле тебе лебеды, да в дом три беды* (Там же. 750). Таким образом, поле является знаком важного для существования русского человека места: поле кормит человека, в поле рождается хлеб, который даёт возможность жизни в течение целого года.

- 7) Граница между своей и чужой землей: *дикое поле* (пространство между Доном и левыми притоками Днепра и Десны, которое разделяло лес и степь, земледельцев и кочевников), *поле половецкое* (этнотопоним из «Слова о полку Игореве», обозначающий владения половцев).
- 8) Чужое пространство. В русских заговорах в *поле* изгоняли домашних насекомых: *«Вот я, раба Божия (и.р.), указываю вам, клопам, путь-дорогу, идите все поездом по всем путям, по тропинам во чистые поля, во глубокие моря – у нас не живите никогда»* (цит. по: Славянские древности 2009. 136). По русским поверьям в *поле* живет *полевик* (житный дед, гречуха) – дух, охраняющий хлебные поля, однако человеку он может вредить, поэтому его задабривают различными подношениями.

- 9) Место битвы: *поле брани, ратное поле, Куликово поле, Бородинское поле, поле русской славы*. Символьное значение поля как места, где происходит встреча противостоящих друг другу сил, поддерживается в пословицах: «*Один в поле не воин*», «*Солдат умирает в поле, матрос в море*» (Даль 1957. 631, 834). Метафора битвы как пахоты, сева и жатвы, широко распространенная в фольклоре и древнерусской литературе, также связана с этим символическим значением: «*Не плугами поле, не сохами поле распаханно, / А распаханно поле конскими копытами, / Засеяно поле не всхожими семенами, / Засеяно казачьими головами, / Заволочено поле казачьими черными кудрями*» (цит. по: Славянские древности 2009. 134); «*На Немизе снопы стелютъ головами, молотять чепи харалужными, на тоце животъ кладутъ, веютъ душу отъ тела. Немизе кровави брези не бологомъ бяхуть посеяни, посеяни костью Рускихъ сыновъ*» (Слово о полку Игореве 1985. 34, 45).
- 10) Поле нередко присутствует в устойчивых формулах определенных фольклорных жанров, а именно – загадках и сказочных зачинах, являясь знаком ирреального пространства: «*В чистом поле, в широком раздолье, за темными лесами, за зелеными лугами, за быстрыми реками, за крутыми берегами*» (сказочная устойчивая формула); «*Широко поле карагайское, на нем много скота тараканского, один пастух, ровно ягодка*» (загадка; отгадка – звезды, месяц) и др. под. (Даль 1912–1914. Т.3, стлб. 647–648). В качестве эпитетов к *полю* в загадках употребляются слова *арекское, ногайское, карагайское, колыбанское, ордынское, сиянское, титенское* и др., призванные, как может показаться на первый взгляд, конкретизировать определяемое слово, но не позволяющие, однако, соотнести *поле* с определенным локусом. Из этого можно сделать вывод о том, что включенность слова *поле* в подобные

словесные комплексы поддерживает символическое значение ирреального пространства.

- 11) Локус чудес. В русских сказках («Морской царь и Василиса Премудрая») поле за одну ночь обрабатывают (вспахивают, боронят, сеют пшеницу, жнут ее). В сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (литературной обработке сказки Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы») фигурирует *Поле Чудес*, на котором заглавный герой зарывает пять золотых монет в надежде вырастить денежное дерево. Поддержанное названием популярной российской телеигры выражение «*поле чудес*» стало устойчивым в русском языке: так называются компьютерные игры, реальные географические объекты (район на территории города Бузулука в Оренбургской области, историческая местность на левом берегу реки Пехорка на территории города Балашиха, остановки общественного транспорта в этом районе, база отдыха в Тюменской области). В «Большом словаре русских поговорок» зафиксировано несколько значений устойчивой единицы *поле чудес*, которая употребляется в разговорной речи и жаргонах: 1) плац, 2) стрельбище, 3) школьный двор, 4) последняя парта, 5) Советский Союз (Большой словарь русских поговорок). В Национальном корпусе русского языка присутствуют примеры употребления устойчивого выражения *поле чудес* в следующих значениях: 1) пространство абсурда («*Солдатская столовая – поле чудес... Два года: каша, квашеная капуста и макароны, суп из мяса, которое хранили на военных складах на случай войны*» [Светлана Алексиевич. *Время second-hand* // «Дружба народов», 2013, НКРЯ]); 2) призрачная надежда быстро и без труда обогатиться («*Поверь, это чистая правда! «Роснефть» – это поле чудес! Впрочем, главный экономист Альфа-*

банка Наталья Орлова уверена, что никакой кризис не отобьет у населения желание вкладывать деньги в акции» [Руслан Хестанов. Как пережить кризис // «Русский репортер», № 3 (33), 31 января – 7 февраля 2008, НКРЯ]; 3) ироничное разговорное название района, где живут богатые люди («Это – местная Рублевка, которую здесь, как и в большинстве провинциальных городов, называют «Долина нищих» или «Поле чудес» [Юлия Вишневецкая. Почему Россия – не Москва // «Русский репортер», № 43 (122), 12–19 ноября 2009]).

С одной стороны, представляется очевидным противопоставление в русской лингвокультуре *горы* и *поля* как языковых символов. Действительно, если *гора* – это в первую очередь вертикаль, некая твердыня, неприступная преграда, знак трудностей в жизни и судьбе, то *поле* – это прежде всего горизонталь, простор, устойчиво ассоциирующийся в русском сознании с раздольем и волей (ничем не ограниченной свободой). При этом символичные значения *горы* имеют преимущественно отрицательные коннотации, тогда как *поле* чаще является знаком чего-либо положительного.

С другой стороны, анализируемые языковые символы имеют немало общего. Несомненно, и *гора* и *поле* в русской лингвокультуре – это локусы силы. Являясь знаками границы между мирами, они символизируют двоемирие, где может преобладать как божественное, так и демоническое. Как видно из предшествующего анализа, и *гора* и *поле* могут символизировать прибежище нечистой силы, чужое опасное пространство, но также могут обозначать место пребывания богов (*гора*) или место явления божественного промысла (*поле*). Так, в старину перед сражением в *поле* происходил поединок двух воинов – по одному от каждой из враждебных армий: *В поле две воли: кому Бог поможет*. Считалось, что армию победителя в бою будет поддерживать Бог. Вспомним также старинную традицию судебных

поединков, происходящих в поле: *«А досудятся до поля (т.е. коли тяжбу решить более нечем, как полем, Божьим судом), да не став у поля помирятся (судебн.), В поле съезжаются, так родом не считаются; На поле Никола общий бог; Кому на поле Божья помощь»* (Даль 1912–1914. Т. 3, стлб. 648).

Кроме того, в фольклорных и литературных текстах *гора* и *поле* нередко встречаются в одном и том же фрагменте, например в пословице: *Не пришлось поле ко двору – пускай его под гору* (Там же. стлб. 647). В сказках *гора* и *поле* могут символизировать огромные пространства, которые отделяют героя от цели и которые ему предстоит преодолеть на пути к счастливой развязке: *«Шла она чистым полем, шла темным лесом, высокими горами»* («Финист – ясный сокол»). Употребляясь в одном контексте в заговорах, *гора* и *поле* являются знаками важных пространственных локусов, мифологических центров: *«В чистом поле стоит свякоська гора»; «Выйду в чистое поле, в чистом поле – гора бошовинска»* (Цит. по: Агапкина, Березович, Сурикова 2018. 38, 46). В знаменитом произведении М.В. Ломоносова «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» *горы* и *поля* символически обозначают обширность русской земли, которой владеет государыня: *«Воззри на горы превысоки, / Воззри в поля твои широки»* (Ломоносов 1986. 118).

Заключение

Проведенный анализ показал следующее.

1. *Гора* и *поле* являются важными символами в русской лингвокультуре прежде всего потому, что обозначают локусы силы, которая может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус.

2. *Гора* символизирует место соединения неба и земли; «тот свет», царство мертвых; печаль, горе (в народной лирике); нечто незыблемое; нечто фундаментальное; трудности; рок, фатум; жизненный путь или жизненное

поприще; большое количество чего-либо; тяжелое душевное состояние; пространственную или временную границу; ирреальный локус.

3. *Поле* в русской лингвокультуре имеет следующие символичные значения: бесконечность, открытость; абсолютное пространство, равное небу и земле; Русская земля, Родина; общность с русским народом; плодородие; воля, раздолье; граница между своей и чужой землей; чужое пространство; место битвы (в том числе место проявления Божественного промысла во время поединков); ирреальное пространство; локус чудес.

4. Символы *горы* и *поля* в русской лингвокультуре противопоставлены друг другу по нескольким параметрам: во-первых, *горе* как символу твердыни, неприступной преграды противостоит *поле*, являющееся знаком раздолья, воли, ничем не ограниченной свободы; во-вторых, большинство символических значений *горы* имеют отрицательные коннотации, тогда как *поле* чаще является знаком чего-либо положительного; в-третьих, основная часть символических значений *горы* характеризует данный локус как дикий, неосвоенный, в то время как *поле* прежде всего символизирует сельскохозяйственно освоенное место.

5. Символика *горы* и *поля* в русской лингвокультуре имеет и немало общих черт: эти слова символизируют границу между мирами; двоимирие, где может преобладать как положительное, так и отрицательное начало; ирреальное пространство; чужое, опасное место. При использовании в одном контексте *горы* и *поля* могут служить знаком дальнего расстояния, обширных пространств.

Литература

- 1- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. (2018). *Топонимия заговоров русского севера. II: Земли. Горы. Острова. Города* // Вопросы ономастики. Т. 15. № 2. С. 28-69.

- 2- Аликаев Р. С., Чуликов Ю. М. (2010). *Локусы «чужого» пространства в фольклорной модели мира (на материале русской и британской лингвокультур)* // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. № 2. С. 142-146.
- 3- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. (1999). *Словарь русской фразеологии*. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург. Фолио-Пресс.
- 4- *Большой словарь русских поговорок* (2007). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-sayings/articles/61/pole.htm> (дата обращения: 25.09.20).
- 5- Даль В. И. (1957). *Пословицы русского народа*. Москва. Государственное издательство художественной литературы.
- 6- Даль В. И. (1912–1914). *Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т.*, Санкт-Петербург – Москва. Издание товарищества М.О. Вольф.
- 7- Даль В. И. (2000). *Толковый словарь русского языка. Современная версия*. Москва. ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс.
- 8- Журавлев А. Ф. (2016). *Эволюции смыслов*. Москва. Издательский Дом ЯСК.
- 9- *Лирические народные песни* (1955). Ленинград. Библиотека поэта. Малая серия.
- 10- Ломоносов М. В. (1986). *Избранные произведения*. Ленинград. Советский писатель.
- 11- Михельсон М. И. (1902–1903). *Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии*. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. Санкт-Петербург. Типография Академии Наук.
- 12- *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 31.08.20).
- 13- *Славянские древности* (2009). Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. П – С. Москва. Международные отношения.
- 14- *Слово о полку Игореве* (1985) Москва. Художественная литература.
- 15- Телия В. Н. (1996). *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва. Языки славянской культуры.
- 16- Топоров В. Н. (1987). *Гора* // Мифы народов мира. Москва. Советская энциклопедия.
- 17- *Финист – ясный сокол* URL: https://nukadeti.ru/skazki/finist_yasnyj_sokol (дата обращения 30.09.20).
- 18- ФСРЛЯ – *Фразеологический словарь русского литературного языка* (1997). В 2 т. / Сост. А. И. Федоров. Москва. Цитадель.

- 19- ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка* (1967). / под ред. А. И. Молоткова. Москва. Советская энциклопедия.
- 20- Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. *The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification*. URL: https://starling.rinet.ru/new100/Swadesh.htm#_ftn1 (дата обращения: 31.08.20).

Bibliography

- 1- Agapkina T. A., Berezovich E. L., Surikova O. D. (2018). *Toponimija zagovorov russkogo severa. II: Zemli. Gory. Ostrova. Goroda // Voprosy onomastiki*. Т. 15. № 2. S. 28-69.
- 2- Alikaev R. S., Chulikov Ju. M. (2010). *Lokusy «chuzhogo» prostranstva v fol'klornoj modeli mira (na materiale russkoj i britanskoj lingvokul'tur) // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Hetagurova*. № 2. S. 142-146.
- 3- Biriš A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. (1999). *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologičeskij spravocnik*. Sankt-Peterburg. Folio-Press.
- 4- *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* (2007). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-sayings/articles/61/pole.htm> (data obrashhenija: 25.09.20).
- 5- Dal' V. I. (1957). *Poslovice russkogo naroda*. Moskva. Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.
- 6- Dal' V. I. (1912–1914). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. V 4 t.*, Sankt-Peterburg – Moskva. Izdanie tovarishhestva M.O. Vol'f.
- 7- Dal' V. I. (2000). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Sovremennaja versija*. Moskva. ZAO Izdatel'stvo JeKSMO-Press.
- 8- Zhuravlev A. F. (2016). *Jevoljucii smyslov*. Moskva. Izdatel'skij Dom JaSK.
- 9- *Liricheskie narodnye pesni* (1955). Leningrad. Biblioteka pojeta. Malaja serija.
- 10- Lomonosov M. V. (1986). *Izbrannye proizvedenija*. Leningrad. Sovetskij pisatel'.
- 11- Mihel'son M. I. (1902–1903). *Russkaja mysl' i rech': Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznyh slov i inoskazanj. V 2 t.* Sankt-Peterburg. Tipografija Akademii Nauk.
- 12- *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (data obrashhenija: 31.08.20).
- 13- *Slavjanskije drevnosti* (2009). *Jetnolingvističeskij slovar' v 5 t.* Т. 4. P – S. Moskva. Mezhdunarodnye otnoshenija.
- 14- *Slovo o polku Igoreve* (1985) Moskva. Hudozhestvennaja literatura.

- 15- Telija V. N. (1996). *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. Moskva. Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- 16- Toporov V. N. (1987). *Gora // Mify narodov mira*. Moskva. Sovetskaja jenciklopedija.
- 17- *Finist – jasnyj sokol* URL: https://nukadeti.ru/skazki/finist_yasnyj_sokol (data obrashhenija 30.09.20).
- 18- FSRLJa – *Frazelogicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka* (1997). V 2 t. / Sost. A. I. Fedorov. Moskva. Citadel'.
- 19- FSRJa – *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* (1967). / pod red. A. I. Molotkova. Moskva. Sovetskaja jenciklopedija.
- 20- Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. *The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification*. URL: https://starling.rinet.ru/new100/Swadesh.htm#_ftn1 (data obrashhenija: 31.08.20).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Абрамова, В., & Архангельская, Ю. (2021). "A Mountain in an Open Field": Symbolism of Mountains and Fields in the Russian Linguaculture. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 9(1). 89-107.

DOI: 10.52547/iarll.17.89

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/148>

«کوهی در میان دشت بی کران»: نمادهای کوه و دشت در فرهنگ‌شناسی زبان روسی

ویرانیکا ایگرونا آبرامووا^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی تربیت‌معلم لف تالستوی تولا،
تولا، روسیه.

یولیا ولادیمیرونا آرخانگلسکایا^۲

استاد پژوهشی دانشگاه دولتی تربیت‌معلم لف تالستوی تولا،
تولا، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۰)*

چکیده

کوه و دشت نمادهای فرهنگی هستند که به‌طور طبیعی در تصویر زبان روسی از جهان پیرامون جای می‌گیرند. به‌عنوان پدیده‌های مکانی (کوه - در مقیاس عمودی، دشت - در مقیاس افقی)، همزمان هم در مقابل یکدیگر قرار دارند (تقابل دو مفهوم صاف و مسطح بودن و برجسته بودن) و هم شبیه یکدیگر هستند (از حیث وسعت‌شان). نمادها و مفاهیمی که کوه و دشت در فرهنگ زبان روسی دارند می‌توان در سه سطح نمادهای متفاوت، نمادهای متشابه و نمادهای غیرقابل مقایسه بررسی کرد. در حقیقت اینگونه تقابل و تضاد را کوه به‌وجود می‌آورد، پدیده و مکان عمده‌تاً منفی که برای انسان هنوز ناشناخته مانده است؛ نمادی سخت و مستحکم که نماد حائل بودن و مانع بودن است و در مقابل آن دشت قرار دارد: فضایی با مفهوم مثبت، بی‌حد و مرز که مفهوم آزادی را تداعی می‌کند. مفاهیم و نمادهای متشابه کوه و میدان به شرح زیر است: مرز بین دو جهان؛ جایی که خدایان یا شیاطین در آن زندگی می‌کنند؛ فضای غیرحقیقی؛ بیگانه و خطرناک. مواردی که غیرقابل مقایسه هستند عبارتند از: کوه، نماد محل پیوند آسمان و زمین است. پادشاهی مردگان؛ غم و اندوه؛ سرنوشت؛ مسیر زندگی؛ فراوانی؛ حالت ملال‌آور روحی؛ و دشت، نماد وطن؛ اتحاد و یکپارچگی مردم روسیه است؛ مظهر باروری و زاینده‌گی؛ میدان نبرد؛ محل وقوع عجایب است.

واژگان کلیدی: فرهنگ‌شناسی زبان روسی، مفاهیم نمادین، کوه، دشت، فضا.

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru
2. E-mail: archangelju@yandex.ru

"Love for the People": On the History of "Social Feelings" In Literary Populism of the 1870-1880s

Dyachuk Tatyana Vladimirovna¹

Associate professor, Department of Humanitarian Education,
The Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint-Petersburg, Russia.

(date of receiving: August, 2020; date of acceptance: December, 2020)

Abstract

The article provides an overview of the works of legal populist prose of the 1870s - 1880s and critical articles devoted to it. Populist fiction is interpreted as art inspired by a special "social feeling" - love for the people. The ethics of populism demanded self-denial from the intellectual in love for the suffering people. At the same time, the affirmation of this feeling in the hero of populist prose took place in a dramatic struggle with the emotions of fear, despair, and guilt. The catastrophe that cut short the creative path of the most gifted of the populist writers – G. I. Uspensky, prompted the critics of the Silver Age to evaluate literary populism as a "tragic romance" between an intellectual and the people.

Keywords: Populism, Populist Writers, Love for the People, History of Feelings, G. I. Uspensky, N. N. Zlatovratsky.

---

1. E-mail: Dia4uk.tanya@yandex.ru

**«Любовь к народу»: к истории «социальных чувств» в
литературном народничестве 1870–1880-х годов**

Дячук Татьяна Владимировна¹

Доцент кафедры гуманитарного образования,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: август 2020 г.; дата принятия: декабрь 2020 г.)

Аннотация

В статье дан обзор произведений легальной народнической прозы 1870–1880-х годов и посвященных ей критических статей. Народническая беллетристика трактуется как искусство, внушенное особым «социальным чувством» – любовью к народу. Этика народничества требовала от интеллигента самоотречения в любви к народу-страдалцу. Вместе с тем утверждение этого чувства в герое народнической прозы происходило в драматичной борьбе с эмоциями страха, отчаяния, вины. Катастрофа, оборвавшая творческий путь самого даровитого из писателей-народников – Г. И. Успенского, побудила критиков Серебряного века оценить литературное народничество как «трагический роман» интеллигента с народом.

Ключевые слова: Народничество, Писатели-Народники, Любовь К Народу, История Чувств, Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский.

---

1. E-mail: Dia4uk.tanya@yandex.ru

Введение

Проза легальных писателей-народников 1870–1880-х годов: Г. И. Успенского, Н. Н. Златовратского, Ф. Д. Нефедова, П. В. Засодимского, Н. И. Наумова, Н. Е. Каронина-Петропавловского, А. О. Осиповича-Новодворского, Г. А. Мачтета, А. И. Эртеля – редко вовлекается в сферу научной рефлексии и почти никогда – в зону живого читательского интереса. Такое положение дел объясняется, прежде всего, внелитературными причинами.

Начиная с 1890-х годов – заката русского народничества – народническая идеология, а вместе с ней и проза народников-беллетристов, подвергалась уничтожающей критике: авторы «Вех» осуждали народничество как «религию абсолютного осуществления народного счастья» (Франк 1990. 189), русские марксисты ставили в вину народникам их неверие в историческую миссию пролетариата. Санкцией на забвение литературного народничества явилась серия статей, с которыми в конце 1880-х годов выступил Г. В. Плеханов. В прошлом народник, а в описываемые годы убежденный марксист, Плеханов, простился с прежними кумирами, заявив о том, что свои писательские таланты они принесли в жертву «ложному общественному учению» (Плеханов 1948. 532). Этим, по мнению критика, объясняется «унылое настроение» в «нашей народнической литературе» (Плеханов 1948. 533). Писатели-народники умеют только плакать, для чего выработали «даже особый язык, прекрасно характеризующий всю безнадежность их положения» (Плеханов 1948. 532). Тем не менее, как считал Плеханов, «произведения наших народников-беллетристов надо изучать так же внимательно, как изучаются статистические исследования о русском народном хозяйстве или сочинения по обычному праву крестьян» (Плеханов 1948. 510). Этим впоследствии многократно цитируемым высказыванием марксистский критик исключил народническую

прозу из сферы искусства, на столетие определив ей маргинальную роль документа сомнительной достоверности. В советские годы изучение литературного народничества велось под знаком его идейной ущербности, аргументированной ссылками на работы В. И. Ленина. Авторы историко-литературных исследований были вынуждены повторять идеологемы о социально-политических «иллюзиях» писателей-народников, о «крахе» их «народнических надежд», об их упрямом «идеализме», который не могла сломить даже самая грубая буржуазная действительность.

В настоящей статье речь пойдет о краеугольной «иллюзии» народнической интеллигенции – мечте о любовном союзе с народом.

Основная часть

Народников питала оптимистическая вера в то, что ход истории управляем, а значит, он может и должен быть направлен к народному благу (апофеозом этой веры явился очерк Успенского «Выпрямила»). Изменить ход истории призвана русская интеллигенция, владеющая знаниями, недоступными народу (Мокшин 2010). Поскольку эти знания были приобретены ценою чужого труда, интеллигенция обязана вернуть «долг» народу-кормильцу, о чем писал П. Л. Лавров в знаменитом четвертом «историческом письме», озаглавленном «Цена прогресса». Идея «долга» и искупления исторического «греха» объединяла народническую интеллигенцию и определяла формы их социального поведения (работа в деревнях в качестве врачей, учителей, землемеров; пропаганда коллективного труда, организация земледельческих коммун, ссудо-сберегательных касс, издание книг для народного чтения и т.д.). По словам народнического публициста Л. Е. Оболенского: «Тут дело шло об искуплении общей вины. Это было религиозно-этическое чувство, вытекающее из великой формулы «грех ваш на детях ваших» (Оболенский 1902. 129). Страдающая деревня сулила интеллигенту выход из тупиков

отвлеченной мысли, обещала «дело», в котором можно было проявить себя. С «мужиком» были связаны надежды русской интеллигенции на обновление жизни.

Неудача предпринятого интеллигенцией в 1874–1875 годах «хождения в народ» заставила русскую общественность обратиться к проблеме крестьянского менталитета. М. Е. Салтыков-Щедрин в очерке «1 мая» (1879) из цикла «Круглый год» рассуждал: «Мужик – герой современности <...> Ежели мужик так всем необходим, то надо же знать, что он такое, что представляет он собой в действительности, так и *in potentia*, каковы его нравы, привычки и обычаи, с которой стороны и как к нему подойти. И, к удивлению, оказывается, что узнать это совсем не просто и что мир мужицких отношений значительно сложнее и запутаннее, нежели тот, в котором обыкновенно вращаемся мы, люди интеллигенции» (Салтыков-Щедрин 1972. 468–469).

«Хождение в народ» со всей очевидностью обнаружило, что прежние объяснения крестьянина, предложенные русской литературой, не аутентичны действительности. Требовался новый метод наблюдения и познания народной жизни. Это требование эпохи было воспринято философом и социологом Н. К. Михайловским, предложившим в работе «Что такое прогресс?» (1869) «субъективный метод». Согласно Михайловскому, исследователь не может оставаться безучастным к предмету своих наблюдений: «Субъективным методом называется такой способ удовлетворения познавательной потребности, когда наблюдатель ставит себя мысленно в положение наблюдаемого» (Цит. по: Козьмин 1933. 188). Михайловский обосновал этику сочувствия, обязывающую писателя сопереживать бесправной, но ищущей счастья личности. Таким образом, движущей силой прогресса объявлялось чувство. К подобным выводам пришел и публицист И. И. Юзов-Каблиц. В статье «Ум и чувство как факторы прогресса», опубликованной в 1878 году в газете «Неделя» (№7), он утверждал, что «прогресс социальных форм

заключается по преимуществу в прогрессе социальных чувств» (Цит. по: Козьмин 1933. 191).

Однако «социальные чувства» не могли возникнуть лишь по требованию абстрагирующей мысли – их необходимо было «воспитать». С трудностями «воспитания» «социальных чувств» столкнулись писатели-народники, отправившиеся «в народ» с художественной задачей – понять и изобразить крестьянство. Ср. описание переживаний народника в деревне у Каронина-Петропавловского: «Он их (мужиков – *Т. Д.*) не любил, но был рад сближению, он любил их за то, чего в нем самом не было. Их жизнь – нечто совсем отличное от их жизни, их мысли – совсем другие. Они были для него всегда чем-то неизвестным, новым, великим» («Борская колония» (1890) (Каронин 1958. 330). Интеллигенту многое в деревне казалось непонятным, чуждым, пугающим: крестьянская внешность и речь, способы выражения чувств и алгоритм мышления «серого мужика», наконец, поступки крестьянина (бытовые преступления, пьянство, равнодушие к ближнему и т. п.). В народнических текстах зафиксирован широкий спектр негативных эмоций, которые вызывала русская деревня в наблюдающем ее интеллигенте (Дячук *Мортальное ...* 2020). Выработать идеальное чувство сострадания, очищенное от эмоций страха и отчаяния, народническим авторам помогало сознание своей неизбежной виновности перед народом. Приведем фрагмент из цикла Г. Успенского «Из разговоров с приятелями (На тему о власти земли)» (1882). Герой-интеллигент рассказывает, как осенним утром он наблюдал за работой «нелюбимого мужика»:

«Не любил я этого мужика; какая-то беспредельная затаенная алчность — казалось мне на основании многих фактов — алчность неустрашимая — язвой точила его душу; в то время, как лицо всегда было благообразно и благопристойно, глаза только выдавали душевную тайну... Мрачные впечатления деревни, к несчастью, долгие годы

бесперывно и без отдыха мной переживаемые, накопили и в моей душе что-то жестокое, неприветливое... Душа как-то закрылась, заперлась точно на замок и отвыкала с каждым днем всё более и более от желания растворяться, раскрывать себя радостному явлению...<...> Мы переговаривались с мужиком по словечку чрезвычайно холодно, но вместе деликатно... А думалось мне почему-то одно: «убьет!.. кого? когда? как? Не знаю!.. Просто как-то так стало выходить невольно, несознательно... Поглядишь на такое благообразное лицо, ответишь на благообразный поклон или благообразный вопрос, а сам в то же время почему-то думаешь: «а ведь разорвет, анафема, в клочья!» <...> Как раз в ту минуту, когда отравленная душа вымучила из себя эту страшную мысль о мужике, который клал дрова и спину которого я созерцал из-за забора, сначала как первая капля дождя, падающая в крышу, послышался какой-то ясный, светлый звук; за ним другой, третий, и вдруг эти странные звуки быстрым и резвым оборотом перешли как-то сразу в развеселый, разудалый, разухабистый вальс из какой-то оперетки. Оперетка, наигранная шарманщиком, «в деревне, среди этих соломенных крыш, этих ободранных полей, рваных полушубков», ошеломила героя, представив ему контраст бедной крестьянской жизни с благополучием городского образованного сословия. Звуки музыки «так превосходно нарисовали этот другой мир, а мое, истомленное однообразием деревенских впечатлений, воображение с такою яркостью отпечатлело его, что я не додумал даже до последней буквы страшного слова «убьет...», как уж и мужик, которого я только что ненавидел, и его черная с глубокими ямами шея и его рваная шапка, словом, всё, всё в нем пробудило во мне взрыв, да именно взрыв необычайной жалости. Звуки вальса рисовали мне бархат, атлас, румяные щеки, обнаженные прекрасные руки,— а то, что подняло в глубине души долго на замок

запертую жалость,— точно каким-то ослепительным светом освещало эти глубокие ямы шеи, эти ужасные мозоли рук, ужасные в буквальном смысле слова, ужасные и грубые как копыта... «Как я мог думать это... убьет?..» —истерически билось у меня где-то не то в голове, не то в сердце... Истерические слезы как-то неудержимо стремились вылиться и оплакать одновременно и неустанные труды этих неустанных рук, и холод изб, и тьму ночей с бьющимся от страшного сна ребенком, и жестокость этого же мужика к родному брату, которого эти же руки ободрали, буквально ободрали, и воровство этими руками в темную ночь чужих дров, и эту неустрашимую алчность, неусыпающую в душе мужика, и черствый хлеб, и грязную соску во рту ребенка... Шарманщик играл, мужик клал холодными руками на холодном ветре холодные и грубые поленья, холодный ветер резал и толкал... а в глубине души разверзалось что-то горячее, как огонь, разливалось жаром рыданий...» (Успенский 1949. 181–183).

Герою-интеллигенту писатели-народники противопоставили «всех трудящихся и обремененных» (Мф. 11: 28), понимая слова Христа как груз страданий и тяжелого труда эксплуатируемого народа. Вопрос героини рассказа Ф. Д. Нефедова «Никитин починок» (1881): «Есть ли на привольном белом свете еще маята, какой не испытал, не изведал бы мужичок Христов?..» — определял интенцию народнической беллетристики. Ее нравственно-взыскующий пафос был обращен исключительно к интеллигенции, в то время как «мужичку Христову» делегировалась презумпция невинности. Не случайно, в прозе народников крестьяне часто отождествлялись с невинными детьми, нуждающимися в опеке (Дячук 2020а. 230).

Масштаб личности интеллигента в народническом произведении оценивался в той мере, в какой герой был способен ею жертвовать. Например,

в повести Златовратского «Золотые сердца» (1877) в качестве обладателей «золотых сердец» представлены интеллигенты, готовые «утечь, отрешиться... А в этом – свет! свет!...» (Златовратский 1988. 284). Об их судьбе старая крестьянка пророчествует: «Умрут за ближних. И Христос, господь наш, спаситель, душу свою положил за овцы, и все, кто искал правды... Все насытились. Сколько было подвижников, мучеников, рыцарей храбрых и благородных, воинов и проповедников - все легли за братии и насытились...» (Златовратский 1988. 183).

Жертвенность определяет отношение интеллигента к народу в произведениях Г. Успенского. Писатель считал, что жертвовать собой ради блага ближнего есть моральный долг русского интеллигента. Так, свой цикл очерков «Волей-неволей» (1884) автор посвящал людям, «волей-неволей обреченным на самопожертвование» (Успенский 1949. 425). Добровольное самоотрицание интеллигента заключалось в признании им нравственного превосходства крестьянина и в отказе от преимуществ своего привилегированного положения. При этом народ, уподобленный Успенским гигантскому организму, «потреблял», «съедал» интеллигента. Первый «крестьянский» цикл Успенского «Из деревенского дневника» (1879) заканчивался рассказом о будущей судьбе народного заступника Андрея Васильевича: «А в результате всего этого оказалось бы только то, что Андрей Васильевич съеден деревней окончательно, «без остатка», а сама деревня, с таким аппетитом скушавшая его, конечно, получила бы пользу для себя, но польза эта, сравнительно с громадностью личной жертвы съеденного, казалась бы ничтожной, едва-едва заметной...» (Успенский 1940. 270). Такой исход народолюбия представлялся Успенскому не только единственно возможным, но и желанным, ведь «самый лучший жизненный результат, которого я могу желать,— это именно быть «потребленным» народною средою без остатка, даже без воспоминания, подобно тому как не вспоминается съеденный час

назад кусок бифштекса» («Крестьянин и крестьянский труд» (1880) (Успенский 1950. 40)). Трагедия интеллигента, по Успенскому, состояла в том, что его жертва не была принята. Участь народолюбца – оставаться «овцой без стада» (очерк «Овца без стада» (1877)). Так, герой цикла «Без определенных занятий» (1881) народник Лиссабонский, чья фамилия недвусмысленно указывает на пережитую катастрофу, сетовал: «Жалко мне, что мы не потреблены (своевременно) народной средой, жалко потому, что вместе с нами не потреблены народом и наши добрые намерения, жалко потому, что, как мне кажется, как я упорно верую, поглоти нашего брата среда народная — право, не было бы этого сумбура, этой тьмы, жестокой путаницы ...» (Успенский 1950. 263).

Самоотрицание личности метафорически уподоблялось растворению капли в стихии воды или земли. Вслед за Михайловским, призывавшим русскую интеллигенцию раствориться «в сером сермяжном море», героиня повести Г. А. Мачтета «Блудный сын» (1882) мечтает, как «через год она потонет в серой деревенской глуши, через год она сольется с массой сельского люда, принесет ему посильную помощь, руки, сердце, голову, - отдаст себя всю, всю!...<....> Она – маленькая дождевая капля, жадно всасываемая сухой, черною землей, изнемогающею от избытка скрытых собственных плодотворных сил, которой необходима только эта маленькая оплодотворяющая капля, чтобы родить неисчислимые богатства» (Мачтет 1958. 376). Трагический вариант метафоры капли находим в «Записках Степняка» (1879 -1883) А. И. Эртеля, где один из героев признается: «только роль капли, долбящей камень, дает мне мир с моею совестью... Только роль капли» (Эртель 1958. 235).

Самое значительное произведение Н. Н. Златовратского – роман «Устои» (1878-1882) – заканчивался предсмертной исповедью народницы Лизы, которая с отчаянием убеждается в том, что «ее жертва, ее любовь, ее жизнь» не нужны крестьянству, которое «погрывает бесследно и безнадежно в своих

волнах тысячи Лиз, тысячи самоотверженных существований» (Златовратский 1951. 517). Умирая, героиня спрашивает себя: «Куда же стремится этот стихийный океан? Какой смысл для меня в «устоях», если им не нужна любовь, мысль, самопожертвование, если они *всем* (курсив автора – Т. Д.) не дают смысла жизни, полной и цельной, если любовь, мысль и самопожертвование не могут жить с ними как единое, цельное, неразделимое?» (Там же).

Однако с безотрадным выводом о напрасной жертве Златовратский не мог примириться. Свой творческий путь он завершает былинной «Безумец» (1887), герой которой, пройдя «путь долгий, крестный» (Златовратский 1912. 453), вручает своим наследникам драгоценный «клад»: «Это перлы, которые достал я с глубины народного моря... В них залог его и вашего воскресения и спасения» ((Златовратский 1912. 458).

Трагический оптимизм «безумца» не разделял Г. Успенский. Согласно его наблюдениям, деревня встречает интеллигента суровым предостережением «Не суйся!». Очерк с таким названием в составе цикла Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» заканчивался сценой свержения в бездну: «Не имея под ногами никакой почвы, <...> я, как перо, был поднят на воздух дыханием правды Ивана Ермолаевича (крестьянин, главный герой цикла – Т. Д.) и неотразимо почувствовал, как и я, и все эти книжки, газеты, романы, перья, корректуры, даже теленок, не желающий делать того, чего желает Иван Ермолаевич,— все мы беспорядочной, безобразной массой, со свистом и шумом летим в бездонную пропасть...» (Успенский 1950. 55). Аллюзия на евангельский сюжет о бесах, вошедших в стадо свиней и низринувшихся в море ((Мф. 8:28-34; Мк. 5:1-20; Лк. 8:26-37), поддерживаемая скрытой цитатой из стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» («Бесконечны, безобразны, / В мутной месяца игре / Закружились бесы разны, / Будто листья в ноябре...»), предельно заостряет конфликт между интеллигенцией и народом. В отличие

от утонувших бесов из евангельской истории, интеллигенция осуждена на пытку длящегося падения.

Несчастливая судьба Г. Успенского, последние десять лет жизни которого прошли в борьбе с душевным недугом, легла трагической тенью на прозу русского народничества. Если 1880-х годах критики иронизировали над народнической «любовью к мужику», уподобляя ее эротическому увлечению (ср., например, слова Михайловского: «Златовратский, можно сказать, влюблен в народ и, как все влюбленные, он не может и не хочет видеть недостатков любимого предмета» (Михайловский 1878. 225) и рассуждения С. Н. Кривенко «о красавице-деревне и об отношении к ней литературных парней», о подозрениях, будто «Успенский ревнует к деревне других поклонников» (Кривенко 1879. 126) и т.п.), то в критическом дискурсе начала XX века был акцентирован религиозный смысл народнического «чувства».

В кенозисе интеллигента перед «евангельской святыней народа» (Д. С. Мережковский) русские критики разглядели черты христоподражательного подвига. Так, С. А. Венгеров в работе «Героический характер русской литературы» указывал на «серьезность, жгучесть, страстность русской народнической литературы семидесятых годов» (Венгеров 1911. 156): «И думалось разгоряченному уму, и верилось влюбленному сердцу, что стоит только окунуться в этот океан, чтобы совершенно с ним сродниться» (Венгеров 1911. 148). Критик считал, что «в Глебе Успенском это чисто-религиозное отношение к народному благу сказалось необыкновенною яркостью и прямою трагичностью» (Венгеров 1911. 156). Д. П. Мирский писал о «трагическом романе русского интеллигента с русским народом», отраженном «как в микрокосме» в творчестве Успенского (Мирский 2006. С. 306). Л. Д. Троцкий печальный итог народолюбия объяснял тем, что народническое чувство было направлено на «воображаемого» мужика. По словам Троцкого, русская интеллигенция пережила «роман с псевдомужи́ком» («Об интеллигенции» (1912) (Троцкий

1991. 272). Непримирым противником интеллигентского кенозиса выступил А. М. Горький. В статье «Разрушение личности» (1909) он писал: «Наиболее ярким примером разрушения личности стоит предо мною драма русской интеллигенции. Андреевич-Соловьев назвал эту драму романом, в котором Россия – "Святая Ефросинья", как именовал ее Глеб Успенский, возлюбленная, а интеллигент – влюбленный. Мне хочется посильно очертить содержание той главы романа, вернее, акта драмы, которая столь торопливо дописывается в наши дни нервно дрожащею рукою разочарованного влюбленного» (Горький 1949. 49). Напротив, критик Е. А. Соловьев (Андреевич), на которого ссылался Горький, скорбел об «оскудении народнического духа», считая, что «народничество не было только течением изящной литературы <...> оно было течением общественного мышления, давало литературе тон и, что важнее всякого тона, – идею» (Андреевич 1899. 349).

Заключение

Идея любви определяла отношение писателя-народника к крестьянству. В народнической прозе традиционный для беллетристики любовный конфликт развернулся – во всей своей эмоциональной напряженности – между представителями двух социальных сил: интеллигенцией и крестьянством. Залогом любви народники считали принесении своей личности в жертву безликой народной стихии. Писателям-народникам не удалось осуществить свой проект ни в литературе, ни в жизни. Но вопреки недостигнутым целям, они создали образ жертвенного народолюбия, энергия и красота которого действовали заразительно на поколения русских интеллигентов.

Литература

- 1- Андреевич Е. А. (1899). *Очерки текущей русской литературы* // Жизнь. 1899. № 12. С. 347–360.

- 2- Венгеров С. А. (1911). *Героический характер русской литературы*. Санкт-Петербург: Изд-во «Прометей».
- 3- Горький А. М. (1949). *Собрание сочинений. В 30 т., Т. 24*. Москва: Изд-во «Гослитиздат».
- 4- Дячук Т. В. (2020). *Мортальное пространство русской деревни в прозе писателей-народников (П. В. Засодимский, Г. И. Успенский, Н. Е. Каронин-Петропавловский) // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 2. С. 265–271*.
- 5- Дячук Т. В. (2020а). *Инфантилизм народа как тема очерковой прозы писателей-народников // Научный диалог. 2020. № 2. С. 222—237. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-222-237*.
- 6- Златовратский Н. Н. (1912). *Собрание сочинений. В 8 т., Т. 6*. Санкт-Петербург.
- 7- Златовратский Н. Н. (1951). *Устои. История одной деревни*. Москва: Изд-во «Гослитиздат».
- 8- Златовратский Н. Н. (1988). *Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки*. – Москва: Изд-во «Современник».
- 9- Каронин-Петропавловский Н. Е. (1958). *Сочинения. В 2 т., Т. 2*. Москва: Изд-во «Гослитиздат».
- 10- Козьмин Б. П. (1933). *От 19 февраля к 1 марта*. Москва: Изд-во политкаторжан.
- 11- Кривенко С. Н. (1879). *Новые всходы на народной ниве // Отечественные записки. 1879. № 2. С. 125- 152*
- 12- Мачтет Г. А. (1958). *Избранное*. Москва: Изд-во «Государственное издательство художественной литературы».
- 13- Михайловский Н. К. (1878). *Бытовые очерки // Отечественные записки. 1878. № 8. С. 223 – 227*.
- 14- Мокшин Г. Н. (2010). *Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв.* Воронеж: Изд-во «Научная книга».
- 15- Нефедов Ф. Д. (1937). *Повести и рассказы. В 4 т. Т. 3*. Москва.
- 16- Оболенский Л. Е. (1902). *Литературные воспоминания // Исторический вестник. 1902. № 1. С. 129*.
- 17- Плеханов Г. В. (1948). *Глеб Успенский // Плеханов Г. В. Искусство и литература*. Москва: Изд-во «Государственное издательство художественной литературы». С. 504 -555.
- 18- Салтыков-Щедрин М. Е. (1972). *Собрание сочинений. В 20 т., Т. 13*. Москва: Изд-во «Художественная литература».

- 19- Святополк-Мирский Д. П. (2006). *История русской литературы с древнейших времен по 1925 год*. Т. 1. – Новосибирск: Изд-во «Свињин и сыновья».
- 20- Троицкий Л. Д. (1991). *Литература и революция*. Москва: Изд-во «Политиздат».
- 21- Успенский Г. И. (1940). *Полное собрание сочинений*. В 14 т., Т. 5. Москва. Ленинград: Изд-во «АН СССР».
- 22- Успенский Г. И. (1950). *Полное собрание сочинений*. В 14 т., Т. 7. Москва. Ленинград: Изд-во «АН СССР».
- 23- Успенский Г. И. (1949). *Полное собрание сочинений*. В 14 т., Т. 8. Москва. Ленинград: Изд-во «АН СССР».
- 24- Франк С. Л. (1990). *Этика нигилизма // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции*. Москва. С. 175 – 210.
- 25- Эртель А. И. (1958). *Записки Степняка. Очерки и рассказы*. Москва: Изд-во «Гослитиздат».

Bibliography

- 1- Andreevich E. A. (1899). *Oчерki tekushhej russkoj literatury // Zhizn'*. 1899. № 12. S. 347–360.
- 2- Vengerov S. A. (1911). *Geroicheskiy karakter russkoj literatury*. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Prometej».
- 3- Gor'kij A. M. (1949). *Sobranie sochinenij*. V 30 t., Т. 24. Moskva: Izd-vo «Goslitizdat».
- 4- Djachuk T. V. (2020). *Mortal'noe prostranstvo russkoj derevni v proze pisatelej-narodnikov (P. V. Zasodimskij, G. I. Uspenskij, N. E. Karonin-Petropavlovskij) // Uspеhi gumanitarnyh nauk*. 2020. № 2. S. 265–271.
- 5- Djachuk T. V. (2020a). *Infantilizm naroda kak tema oчерkovoј prozy pisatelej-narodnikov // Nauchnyj dialog*. 2020. № 2. S. 222—237. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-222-237.
- 6- Zlatovratskij N. N. (1912). *Sobranie sochinenij*. V 8 t., Т. 6. Sankt-Peterburg.
- 7- Zlatovratskij N. N. (1951). *Ustoi. Istorija odnoj derevni*. Moskva: Izd-vo «Goslitizdat».
- 8- Zlatovratskij N. N. (1988). *Derevenskij korol' Lir: Povesti, rasskazy, oчерki*. – Moskva: Izd-vo «Sovremennik».
- 9- Karonin-Petropavlovskij N. E. (1958). *Sochinenija*. V 2 t., Т. 2. Moskva: Izd-vo «Goslitizdat».
- 10- Koz'min B. P. (1933). *Ot 19 fevralja k 1 marta*. Moskva: Izd-vo politkatorzhan.

- 11- Krivenko S. N. (1879). *Novye vshody na narodnoj nive // Otechestvennye zapiski*. 1879. № 2. S. 125- 152
- 12- Machtet G. A. (1958). *Izbrannoe*. Moskva: Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury».
- 13- Mihajlovskij N. K. (1878). *Bytovye ocherki // Otechestvennye zapiski*. 1878. № 8. S. 223 – 227.
- 14- Mokshin G. N. (2010). *Jevoljucija ideologii legal'nogo narodnichestva v poslednej treti HH – nachale HH vv*. Voronezh: Izd-vo «Nauchnaja kniga».
- 15- Nefedov F. D. (1937). *Povesti i rasskazy. V 4 t. T. 3*. Moskva.
- 16- Obolenskij L. E. (1902). *Literaturnye vospominanija // Istoricheskij vestnik*. 1902. № 1. S. 129.
- 17- Plehanov G. V. (1948). *Gleb Uspenskij // Plehanov G. V. Iskusstvo i literatura*. Moskva: Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury». S. 504 -555.
- 18- Saltykov-Shhedrin M. E. (1972). *Sobranie sochinenij. V 20 t., T. 13*. Moskva: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 19- Svjatopolk-Mirskij D. P. (2006). *Istorija ruskoj literatury s drevnejshih vremen po 1925 god*. T. 1. – Novosibirsk: Izd-vo «Svin'in i synov'ja».
- 20- Trockij L. D. (1991). *Literatura i revoljucija*. Moskva: Izd-vo «Politizdat».
- 21- Uspenskij G. I. (1940). *Polnoe sobranie sochinenij. V 14 t., T. 5*. Moskva. Leningrad: Izd-vo «AN SSSR».
- 22- Uspenskij G. I. (1950). *Polnoe sobranie sochinenij. V 14 t., T. 7*. Moskva. Leningrad: Izd-vo «AN SSSR».
- 23- Uspenskij G. I. (1949). *Polnoe sobranie sochinenij. V 14 t., T. 8*. Moskva. Leningrad: Izd-vo «AN SSSR».
- 24- Frank S. L. (1990). *Jetika nigilizma // Vehi: sb. statej o ruskoj intelligencii*. Moskva. S. 175 – 210.
- 25- Jertel' A. I. (1958). *Zapiski Stepnjaka. Ocherki i rasskazy*. Moskva: Izd-vo «Goslitizdat».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Дячук, Т. (2021). "Love for the People": On the History of "Social Feelings" In Literary Populism of the 1870-1880s. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 9(1). 109-125.

DOI: 10.52547/iarll.17.109

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/142>

«عشق به مردم»: نگاهی به تاریخ «احساسات اجتماعی» در ادبیات مردمی

سال‌های ۱۸۷۰-۱۸۸۰

تاتیانا ولادیمیرونا دیاچوک^۱

دانشیار دانشگاه دولتی تربیت معلم گرتسن،

سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۰)*

چکیده

مقاله حاضر به بررسی آثار نثر مردمی قانونی سال‌های ۱۸۷۰ - ۱۸۸۰ و مقالات انتقادی اختصاص یافته به آن می‌پردازد. آثار و داستان‌های مردمی (نارودنیک) به‌عنوان هنر آمیخته با «احساس اجتماعی» خاص یعنی: عشق به مردم شناخته شده است. لازمه اخلاق آثار ادبی مردمی، انکار خود توسط روشنفکران و عشق به مردم رنج دیده بود. در همان زمان، تصدیق این احساس در قهرمان نثر مردمی در یک مبارزه نمایشی با احساسات ترس، ناامیدی و گناه صورت گرفت. فاجعه‌ای که در مسیر آثار ادبی با استعدادترین نویسندگان مردمی یعنی گ.ای. اوسپنسکی، منتقدان عصر نقره را بر آن داشت تا آثار ادبی مردمی را به‌عنوان «عاشقانه غم‌انگیز» بین یک روشنفکر و مردم ارزیابی کنند.

واژگان کلیدی: مردمی، نویسندگان مردمی، عشق به مردم، تاریخ احساسات، گ.ای. اوسپنسکی، ن.ن. زلاتاواتسکی.

1. E-mail: Dia4uk.tanya@yandex.ru

Functional Aspects of Emotive-Causative Categorical Semantic Complex

Siutkina Nadezhda Pavlovna¹

Associate Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia.

Shustova Svetlana Viktorovna²

Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia.

(date of receiving: August, 2020; date of acceptance: January, 2021)

Abstract

The authors of the article focus on causative verbs that actualize emotional modification and the emotionally-causative categorical semantic complex that arises during the functioning of these verbs. The categorical semantic complex is considered as the result of intercategory interaction. The purpose of the article is to describe the above complex and its functional features, the object of analysis is a synthetic and analytical emotive causative, and their functional features. The subject of the study is the categorical situation of causation of emotional modification. It is dominant in utterance with emotive causation, but not the only one. For an emotionally causative categorical semantic complex, intercategory interaction with categories of intensity, expressiveness, and talkativeness becomes typical. Verbs of the Russian language, identified from explanatory and synonymous dictionaries, serve as material for the study. The article concludes that the main content of the emotionally-causative categorical semantic complex is the actualization of the positive or negative modification of the emotional state of the object of causation. A categorical semantic complex can include its semantic space and other semantic categories that are subordinate to the corresponding complexes in this category.

Keywords: Semantic Category, Emotive Causative, Emotive-Causative Categorical Semantic Complex, Categorical Situation, Causation of Emotional Modification.

---

1. E-mail: nad975@yandex.ru

2. E-mail: lanaschust@mail.ru; ORCID:0000-0002-8318-7864

Функциональные аспекты эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса

Сюткина Надежда Павловна¹

Доцент Пермского государственного
национального исследовательского университета,
Пермь, Россия

Шустова Светлана Викторовна²

Профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия.

(дата получения: август 2020 г.; дата принятия: январь 2021 г.)

Аннотация

В фокусе внимания авторов статьи находятся каузативные глаголы, актуализирующие эмоциональную модификацию и эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс, возникающий в процессе функционирования данных глаголов. Категориальный семантический комплекс рассматривается как результат межкатегориального взаимодействия. Целью статьи является описание вышеуказанного комплекса и его функциональных особенностей, объектом анализа являются синтетический и аналитический эмотивные каузативы, и их функциональные особенности. Предметом исследования является категориальная ситуация каузации эмоциональной модификации. Она является доминантной в высказывании с эмотивными каузативами, но не единственной. Для эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса типичным становится межкатегориальное взаимодействие с категориями интенсивности, итеративности, аспектуальности и другими. В качестве материала исследования выступают глаголы русского языка, выявленные из толковых и синонимических словарей. В статье сделан вывод о том, что основное содержание эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса заключается в актуализации положительной или отрицательной модификации эмоционального состояния у объекта каузации. Категориальный семантический комплекс может включать в свое семантическое пространство другие семантические категории, которые находятся в подчинительном отношении к данному комплексу в изучаемой категориальной ситуации.

Ключевые слова: Семантическая Категория, Эмотивный Каузатив, Эмотивно-Каузативный Категориальный Семантический Комплекс, Категориальная Ситуация, Каузация Эмоциональной Модификации.

---

1. E-mail: nad975@yandex.ru

2. E-mail: lanaschust@mail.ru; ORCID:0000-0002-8318-7864

Введение

Наше исследование посвящено категориальному семантическому комплексу, чтобы понять сущность этого явления нам необходимо обратиться к таким базовым понятиям, как семантическая категория, категориальная ситуация, среда и межкатегориальное взаимодействие.

В лингвистической литературе встречаются термины «семантическая категория» и «понятийная категория», поэтому встает вопрос об их взаимосвязи. Понятийные категории – это категории ментальной сферы, основывающиеся на логико-психологических категориях и ориентированные на семантические категории языка. Понятийные категории имеют универсальный характер, они представляют собой результат абстрагирования высокой степени, они присущи языку как таковому, в то время как «семантическая категория представляет собой результат интерпретации средствами конкретного языка соответствующей понятийной категории. Интерпретация осуществляется через семантические функции – свойственные данному языку (его системе и норме) потенциальные возможности передачи некоторого содержания теми или иными способами» (Бондарко 1974. 67–68). В результате понятийная категория «получает определенное преломление в системе данного языка, становится элементом его подсистем, подвергается влиянию специфических сторон его строя» (Бондарко 1978. 73), то есть превращается в семантическую категорию.

Не будучи тождественными, семантические и понятийные категории образуют единство, поскольку первые, несмотря на относительную зависимость от системы языка, являются в некотором смысле производными от вторых. Подобная черта объясняется тем, что «семантическое содержание – есть понятийное содержание, выраженное средствами данного языка, структурированное языковыми единицами и их соотношениями, включенное в

систему этого языка и образующее его содержательную сторону», при этом «отражающее различие и взаимодействие аспектов и уровней языка» и «социально объективированное в данном языковом коллективе» (Бондарко 1978. 5).

На уровне взаимодействия семантических и понятийных категорий мы наблюдаем связь языка и мышления, которая делает возможным анализ когнитивных процессов посредством анализа языковых структур.

Основная часть

Семантические категории в языке представлены в виде особым образом организованных систем. Значения слов в ментальном лексиконе хранятся не изолированно, а находятся в разнообразных отношениях со значениями других слов. Многие слова на основе этих значений можно разделить на определенные организованные единства – семантические поля (Schwarz, Chur 2007. 60). Критерием выделения семантической категории является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов) (Бондарко 1971. 8).

Исследование эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса предполагает выявление системы языковых средств, актуализирующих значение каузативности и эмотивности. В фокусе нашего внимания находятся аспекты взаимодействия данных категорий. Такое взаимодействие может быть реализовано как на лексическом, так и на синтаксическом уровне.

Лексический, или синтетический каузатив представляет собой синкретичный глагол, в семном составе которого в неразрывном единстве взаимодействуют обе категории: каузативности и эмотивности: *восхищать*, *восторгать*, *очаровать*, *обворожить*, *разозлить*, *испугать*, *печалить*,

удручать и т.п. Так, *восхищать* – *приводить в восхищение, пленять, очаровывать*; *восторгать* – *приводить в восторг*; *радовать* – *доставлять радость кому-л*; *очаровать* – *производить на кого-либо чарующее впечатление, подчинять своему обаянию*; *обворожить* – *всецело завладеть чьим-либо вниманием, мыслями, чувствами, очаровывать, пленять, завораживать*; *разозлить* – *возбудить злость в ком-либо, привести в состояние злобного раздражения*; *испугать* – *вызвать испуг, чувство тревоги, опасения*; *печалить* – *повергать кого-либо в печаль, причинять кому-либо печаль, огорчать*; *удручать* – *сильно огорчать, приводя в подавленное, угнетенное состояние* (СТСРЯ). Как мы видим из дефиниций, природа данных лексем синкретична, взаимодействие двух категорий происходит в рамках одной лексемы, а последняя приведенная здесь в качестве синтаксического эмотивного каузатива лексема «*удручать*» демонстрирует еще более сложный состав. Здесь мы наблюдаем взаимодействие сразу трех категорий: наряду с ведущими для нас категориями эмотивности и каузативности, в этой лексеме актуализируется также категория интенсивности.

- Она **восхищала** его своей гордой красотой римлянки и свободой говорить и делать решительно все, что ей вздумается (Ngram).
- Хозяйка **очаровывала** всех своей любезностью; к двенадцати часам был приготовлен в столовой холодный бридж (Ngram).
- Нет, эта женщина определенно меня **удручает**, – внезапно признался он Клер, и печать горечи тенями глубоких морщин вдруг легла в темноте на его лицо (Ngram).
- Что же такого Гийом сделал, чтобы **разозлить** Деграса, известного спокойным нравом и рассудительностью? (Ngram)

Синтаксический, или аналитический каузатив реализуется в функциональных структурах, в которых каждый компонент несет в себе свою

семантическую нагрузку: глагол актуализирует категорию каузативности, в то время как эмотивная семантика актуализируется именной группой. В качестве примера функциональных структур, актуализирующих эмотивную каузацию можно назвать: *причинять горе, приводить в восхищение, поднимать дух, возбуждать злобу, внушать надежду, доводить до иступления, вселять надежду, обольщать надеждой, нагнетать страху, держать в напряжении, сеять панику* и т.п.

Каузативный компонент таких структур актуализируется, как правило, глаголом, обладающим прототипическими каузативными свойствами. Такие глаголы выступают как операторы каузативной связи, они составляют ядро категории каузативности. В русском языке к таким глаголам относятся, например: *приводить, доставлять, вызывать, доводить, сеять* и др. Данные глаголы, имеют следующие значения: **приводить**: *заставлять проникаться чувством, погружаться в переживание, выраженное соответствующим существительным. ~ в какое-либо настроение, расположение духа, в восторг, в замешательство, в уныние, в отчаяние, в ужас, в бешенство.* **Доставлять**: *причинять, вызывать ~ удовольствие, радость, огорчение, неприятность, горе, много (немало) хлопот, много (немало) трудностей.* **Вызывать**: *возбуждать что-л., быть причиной чего-л., заставлять появиться ~ чувство чего-л. (радости, разочарования), радость, веселье, смех, насмешку, улыбку, восторг, оживление, интерес, желание делать что-л., сочувствие, симпатию, уважение, доверие, удивление, одобрение, воодушевление, недовольство, разочарование, обиду, слезы, сомнение, ненависть, отвращение, возмущение, негодование, протест, раздражение, зависть, злобу, гнев, смущение, беспокойство, волнение, тревогу, недоверие, подозрение, понимание, растерянность, замешательство, панику, возражение, разногласие, спор, полемику, ссору, подъем чего-л., кризис, катастрофу, пожар, сопротивление.* **Доводить**: *кого-л., в какое-л. состояние, быть причиной чего-л. ~ до слез, до*

*истерики, до отчаяния, до бешенства, до сумасшествия, до безумия. **Сеять**: распространять среди людей какие-л. идеи, мысли, настроения; приносить с собой, причинять ~ свет, добро, панику, зло, недоверие, вражду, страх, смерть, разрушение (СС). Как мы видим, в сфере каузативности, данные глаголы обладают широким функциональным потенциалом, актуализируя общее каузативное значение, они предполагают именную часть, конкретизирующую область каузации. Нас интересует каузация эмоциональной модификации, то есть, именной компонент актуализирует положительные или отрицательные эмоции, например:*

*А иногда срывающиеся с моего языка реплики о смысле жизни и параллельности миров **приводили** ее в ужас (Ngram).*

*Если уже живописец **приводит** нас в такой **восторг**, то во сколько же раз сильнее может сделать это поэт? (Ngram).*

*И себе и людям вокруг себя он **доставлял страдания** (Ngram).*

*Я хочу вас поблагодарить от имени всего флота, — сказал он. — Вы **доставили** нам высокую **радость** (Ngram).*

*Он — врач! — И что? Он задержан за то, что **доставлял беспокойство** людям и подстрекал к этому других (Ngram).*

*Им нравилось внушать страх, они любили **вызывать ужас**, и страдание себе подобных им **доставляло** наслаждение (Ngram).*

*Речь **вызвала восторг**. Обращение к народу король готовил самостоятельно, на его составление ушло несколько дней (Ngram).*

*Его присутствие **вызвало восторг** (Ngram).*

*Он понял наконец, что ждать ему нечего — он не добьется ни счетов, ни денег, ни какой бы то ни было правды, — но продолжал жить в доме и **довел** Корнелиуса если не **до безумия**, то чуть ли не до вспышки храбрости (Ngram).*

*Поэтому необходимо, чтобы матери, все без исключения, были просвещенными, образованными женщинами, чтобы и дома, в семье своей, и за ее пределами они **сеяли добро** (Ngram).*

*Она мечтала стать великой танцовщицей, я помогла ей бороться с жизненными трудностями и **вселять надежду**, когда, казалось бы, все уже потеряно (Ngram).*

Как показывают примеры, подобные каузативные конструкции демонстрируют признаки грамматикализации. «Главным признаком аналитической формы считается словесное неравенство ее частей: она состоит из разных слов – вспомогательного, выражающего грамматическое значение формы, и знаменательного, являющегося носителем лексического значения, их сумма оказывается равновеликой значению лексического слова» (Дидковская 2012. 69). В каузативной ситуации десемантизации подвергается глагол, знаменательным словом выступает существительное или прилагательное. Мы наблюдаем частичную перекатегоризацию каузативного глагола, основной его функцией становится грамматическая функция. Он выступает в качестве маркеров числа, лица, времени, наклонения, залога, утрачивая при этом в той или иной степени свое лексическое значение, и, соответственно, приближаясь в своём функционировании к вспомогательным глаголам, так как образует предикат в сочетании с другими языковыми элементами, которые и отвечают за эмотивную составляющую каузативной ситуации.

Мы рассмотрели эмотивно-каузативный категориальный комплекс «изнутри», в аспекте его содержательной структуры. Очевидно, что мы наблюдаем пример тесного взаимодействия, «взаимопроникновения» семантических категорий каузативности и эмотивности, что и позволяет говорить нам о категориальном семантическом комплексе.

Однако, при функционировании эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса, межкатегориальное взаимодействие происходит не

только на «внутреннем» уровне, но и на «внешнем». Нужно помнить, что основная коммуникативная функция языковых единиц реализуется в высказываниях и целостном тексте. Высказывание – это микросреда функционирования языковых единиц, макросредой является целостный текст. Высказывание и целостный текст представляют собой обладающие признаком целостности упорядоченные множества элементов, связанных в определенную структуру. В высказывании функции и средства низших уровней интегрируются на основе их взаимодействия. Функции грамматических единиц существуют в форме постоянного и регулярного межкатегориального взаимодействия. Соответственно, грамматические единицы, классы и категории должны изучаться вместе с той средой, которая их окружает и с которой они взаимодействуют. В реализации системных значений грамматических категорий роль среды выполняют элементы контекста и речевой ситуации; к среде относятся лексические значения и лексико-грамматические разряды слов, влияющие на данную категорию, а также элементы «категориального окружения» – другие грамматические категории, взаимодействующие с категорией, рассматриваемой как исходная система (Бондарко 2004. 87). Применительно к высказыванию (как речевой реализации предложения или сверхфразового единства) среду в ее вербальном выражении составляют взаимодействующие с ним элементы более крупных фрагментов текста и текста в целом. В этих пределах размещаются элементы ближней и дальней среды с постепенными переходами между ними (Бондарко, эл. ресурс). Таким образом, среда – это системно-функциональное понятие, обращение к которому предполагает исследование языковых систем в сфере их взаимодействия с разными типами языковых и речевых окружений.

Функции грамматических единиц существуют в форме постоянного и регулярного межкатегориального взаимодействия. «Существуют множества содержательных структур, которые воспроизводят некоторые линейные

последовательности, отражающие одну из макро- или микроситуаций в семантическом плане. На обоих уровнях фиксируется взаимодействие этих ситуаций, что приводит к образованию комплексных семантических ситуаций, возникших в результате реализации комбинаторных отношений» (Шустова 2014. 132–133). По отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке среда рассматривается как множество языковых элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию. «Среда по отношению к отдельному высказыванию – это все речевые элементы его окружения в целостном тексте и все элементы дискурса, которые взаимодействуют с исходной речевой (текстовой) системой и влияют на ее свойства» (Бондарко, эл. ресурс). Ситуация каузации эмоциональной модификации является доминантной в общей ситуации высказывания, в котором актуализируется комплекс категориальных характеристик.

Мы рассматриваем класс эмотивных каузативов, категориальное значение которых заключается в актуализации интерперсональной семантики, а именно, каузации изменения эмоционального состояния объекта каузации. Именно это категориальное значение во всей ситуации является доминантным. Роль среды в ситуации с эмотивными каузативами выполняют адвербиальные единицы, модальные слова, дискурсивные маркеры и междометия. Анализ эмпирического материала показал, что в ситуации с эмотивными каузативами наиболее часто взаимодействуют такие функционально-семантические категории, как аспектуальность, таксис, временная локализованность, темпоральность, итеративность (Шустова, Сюткина 2020. 159). Следует помнить о том, что важной составляющей эмотивности является признак интенсивности. В. И. Шаховский говорит о «плотности эмоций», по его определению это «продукт интенсивности и продолжительности эмоций» (Шаховский 2009. 30). Взаимодействие вышеуказанных категорий с

эмотивными каузативами ведет к актуализации именно признака интенсивности. Рассмотрим это на примере категории итеративности, связанной с категорией аспектуальности:

1. *Он всегда всех злил!* (Ngram).

2. *Он злил меня, даже бесил **временами**, но при этом меня к нему невероятно тянуло* (Ngram).

В приведенных выше примерах интенсификаторы *всегда* и *временами* свидетельствуют о количестве повторений каузации эмоций, в первом примере мы наблюдаем высокую степень интенсивности, а во втором – более низкую. Чем чаще повторяются действия, тем о более высокой степени их интенсивности мы можем говорить.

Таким образом, мы наблюдаем актуализацию нескольких категориальных ситуаций, взаимодействие которых приводит к образованию категориального семантического комплекса. Все категории подчинены в такой ситуации исследуемой нами категории эмотивной каузации, тесно взаимодействуя с ней, они образуют категориальный семантический комплекс. В примерах 1 и 2 мы можем говорить об итеративно-интенсивно-эмотивно-каузативном комплексе. Очевидно, что выявление и анализ актуализации таким комплексов представляется перспективным, поскольку демонстрирует реализацию динамических процессов в языке.

Заключение

В системе функциональной грамматики категории рассматриваются в аспекте исследования функционально-семантических полей и категориальных ситуаций. В речи обычно мы наблюдаем взаимодействие категориальных элементов высказывания, которые представляют собой разные категории. В таком случае мы говорим о категориальном семантическом комплексе, под

которым понимается совокупность семантических категорий, функционально объединенных общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий. Как правило, в контексте реализуются два или более категориальных значений, имеются в виду значения, сопряженные с функционально-семантическими категориями.

Каузативная ситуация представляет собой взаимодействие двух одушевленных участников, один из которых, каузатор, оказывает воздействие на объект каузации с целью модификации его эмоциональной сферы, поэтому мы выделяем эмотивно-каузативный категориальный комплекс. Основное содержание комплекса заключается в актуализации положительной или отрицательной модификации эмоционального состояния у объекта каузации и реализуется двумя категориальными семами: семой эмотивности и семой каузации. Категориальный семантический комплекс может включать в свое семантическое пространство другие семантические категории, которые находятся в подчинительном отношении к данному комплексу в данной категориальной ситуации, в другой категориальной ситуации эти категории могут стать ведущими.

Литература

- 1- Бондарко А. В. (1971). *Грамматические категории и контекст*. – Л.: «Наука», 114 с.
- 2- Бондарко А. В. (1974). *Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования*. Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Наука», С. 54–79.
- 3- Бондарко А. В. (1978). *Грамматическое значение и смысл*. Л.: «Наука», 176 с.
- 4- Бондарко А. В. (2002). *Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. – М.: Эдиторал УРСС, С. 15–21.
- 5- Бондарко А. В. (2004). *Теоретические проблемы русской грамматики*. – СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 208 с.

- 6- Бондарко А. В. *Лингвистика текста в системе функциональной грамматики*. URL: https://portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1106122586&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 19.06.2020)
- 7- Дидковская В. Г. (2012). *Фразеологические сочетания и аналитические конструкции* // *Вестник Череповецкого государственного университета*. № 1. Т. 2. С. 68–72.
- 8- *Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой*. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/257979>
- 9- *Словарь синонимов русского языка*. Электронный ресурс. URL: <https://dic.academic.ru/>
- 10- Шаховский В.И. (2009). *Эмоции как объект исследования в лингвистике* // *Вопросы психолингвистики*. № 9. С. 29 – 42.
- 11- Шустова С. В. (2014). *Подсистемы системы (на примере функционально-семантических категорий)* // *Евразийский вестник гуманитарных исследований*. Пермь: Пермский институт экономики и финансов. С. 131–137.
- 12- Шустова С. В., Сюткина Н. П. (2020). *Рацио и эмоцио в грамматике: эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс* // *Ratio at Emotio: рациональное и эмоциональное в языке и речи*. – СПб.: Изд-во русской христианской гуманитарной академии. 170 с.
- 13- Schwarz M. Chur J. (2007). *Semantik. Ein Arbeitsbuch. 5., aktualisierte Auflage*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 227 S.

Список принятых обозначений и сокращений

- 1- СС — Словарь синонимов русского языка.
- 2- СТСРЯ — Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой.
- 3- Ngram – Google Books Ngram Viewer

Источники иллюстративного материала

- 1- Google Books Ngram Viewer – Исследовательский ресурс <https://books.google.com/ngrams>

Bibliography

- 1- Bondarko A. V. (1971). *Grammatische Kategorien i kontekst*. – L.: «Nauka», 114 s.

- 2- Bondarko A. V. (1974). *Ponjatijnye kategorii i jazykovye semanticheskie funkcii v grammatike // Universalii i tipologicheskie issledovanija*. Otv. red. V.N. Jarceva. – M.: «Nauka», S. 54–79.
- 3- Bondarko A. V. (1978). *Grammaticheskoe znachenie i smysl*. L.: «Nauka», 176 s.
- 4- Bondarko A. V. (2002). *Kategorii v sisteme funkcional'noj grammatiki // Kommunikativno-smyslovyje parametry grammatiki i teksta*. Sbornik statej, posvjashhennyj jubileju G. A. Zolotovoj. – M.: Jeditoral URSS, S. 15–21.
- 5- Bondarko A. V. (2004). *Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki*. – SPb.: Izd-vo «Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet», 208 s.
- 6- Bondarko A. V. *Lingvistika teksta v sisteme funkcional'noj grammatiki*. URL: https://portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1106122586&archive=&start_from=&ucat=& (data obrashhenija: 19.06.2020)
- 7- Didkovskaja V. G. (2012). *Frazeologicheskie sochetanija i analiticheskie konstrukcii // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1. T. 2. S. 68–72.
- 8- *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka T. F. Efremovoj*. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/257979>
- 9- *Slovar' sinonimov russkogo jazyka. Jelektronnyj resurs*. URL: <https://dic.academic.ru/>
- 10- Shahovskij V.I. (2009). *Jemocii kak ob#ekt issledovanija v lingvistike // Voprosy psiholingvistiki*. № 9. S. 29 – 42.
- 11- Shustova S. V. (2014). *Podsystemy sistemy (na primere funkcional'no-semanticheskikh kategorij) // Evrazijskij vestnik gumanitarnyh issledovanij*. Perm': Permskij institut jekonomiki i finansov. S. 131–137.
- 12- Shustova S. V., Sjutkina N. P. (2020). *Racio i jemocio v grammatike: jemotivno-kauzativnyj kategorial'nyj semanticheskij kompleks // Ratio at Emotio: racional'noe i jemocional'noe v jazyke i rechi*. – SPb.: Izd-vo russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii. 170 s.
- 13- Schwarz M. Chur J. (2007). *Semantik. Ein Arbeitsbuch. 5., aktualisierte Auflage*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 227 S.

Spisok prinjatyh oboznachenij i sokrashhenij

- 1- SS — Slovar' sinonimov russkogo jazyka.
- 2- STSRJa — Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka T. F. Efremovoj.
- 3- Ngram – Google Books Ngram Viewer

Istochniki illjustrativnogo materiala

- 1- Google Books Ngram Viewer – Issledovatel'skij resurs
<https://books.google.com/ngrams>

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Сюткина, Н., & Шустова, С. (2021). Functional Aspects of Emotive-Causative Categorical Semantic Complex. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 9(1). 127-142.

DOI: 10.52547/iarll.17.127

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/138>

جنبه‌های کاربردی مجموعه معنایی مقوله‌ای عاطفی - سببی

نادژدا پاولونا سیوتکینا^۱

دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرِم،
پرِم، روسیه.

سوتلانا ویکتورونا شوستووا^۲

استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرِم،
پرِم، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۱)*

چکیده

نویسندگان مقاله به بررسی افعال با معنای سببی که بیان کننده عواطف و مجموعه معنایی مقوله‌ای عاطفی-سببی هستند و در کاربرد این افعال نمود پیدا می‌کنند، می‌پردازند. مجموعه معنایی مقوله‌ای به عنوان نتیجه تعامل بین مقوله‌ای در نظر گرفته می‌شود. هدف پژوهش حاضر، توصیف مجموعه گفته شده و ویژگی‌های کاربردی آن است و در آن به موضوع بررسی افعال سببی ترکیبی و تحلیلی بیان کننده احساسات و عواطف و ویژگی‌های کاربردی آنها پرداخته می‌شود. موضوع مورد مطالعه و بررسی پژوهش حاضر وضعیت مقوله‌ای تغییرات عاطفی است. این پدیده در جملات با افعال سببی بسیار دیده می‌شود، ولی تنها روش و ابزار بیان این مفاهیم هم نیست. یکی از ویژگی‌های بارز مجموعه معنایی مقوله‌ای عاطفی-سببی، تعامل مقوله‌ای با مقوله‌های شدت، رسا بودن و آرزایی پذیری و غیره است. در مقاله، افعال زبان روسی مستخرج از واژه‌نامه‌های تفسیری و واژگان مترادف بررسی می‌شود. نتایج حاصل از مقاله حاضر نشان می‌دهد که تحقق اصلاح مثبت یا منفی وضعیت عاطفی مفعول افعال سببی، محتوای اصلی مجموعه معنایی مقوله‌ای عاطفی-سببی را تشکیل می‌دهد. ظرفیت معنایی مجموعه معنایی مقوله‌ای می‌تواند شامل دسته‌های معنایی دیگر نیز باشد که تابع مجموعه‌های متناظر در این مقوله هستند.

واژگان کلیدی: مقوله معنایی، معلول عاطفی، مجموعه معنایی مقوله‌ای عاطفی-سببی، وضعیت مقوله‌ای، تغییرات عاطفی-سببی.

1. E-mail: nad975@yandex.ru

2. E-mail: lanaschust@mail.ru; ORCID:0000-0002-8318-7864

* نوع مقاله: علمی - پژوهشی

Linguistic Analysis of the Simultaneity Conjunctions of the Russian and Persian Languages

Shafaghi Maryam¹

Associate Professor of the Russian language, Allame Tabatabaie'i University,
Tehran, Iran.

Goryachkovskaya Tatiana Dmitrievna²

Master of Persian language Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia.

(date of receiving: September 2020; date of acceptance: January, 2021)

Abstract

This article examines the problem of comparing the simultaneity conjunctions of the Russian and Persian languages within the framework of practical stylistics, which has not been previously analyzed by other researchers in separate works. Despite the difference in the quantitative indicators of the apparatus of the simultaneity conjunctions of the Russian and Persian languages, on both sides the target language has an adequate stylistic equivalent of the union of the simultaneity of the original language. The main content of the study is the analysis of texts of different styles in Russian and Persian languages, as well as works on the syntax of the languages under consideration, in order to compile an adequate description of the apparatus of simultaneity conjunctions and further linguistic analysis. As a result, specific equivalent conjunctions are identified that are most relevant for a particular style of speech. In the Persian language, the difficulty of making subordinate conjunctions with the **که** [ke] part mainly lies in the existence of different spellings of the same conjunction word. In Russian, "when" is a high-frequency temporal conjunction. This lexeme can play the role of a conjunction, particle and temporary adverb.

Keywords: Subordinate Clause, Subordinate Conjunction, Translation Equivalence, Practical Style, Simultaneous Action.

---

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

2. E-mail: tatyana.goryachkovskaya@mail.ru

Лингвостилистический анализ союзов одновременности русского и персидского языков

Шафаги Марьям¹

Доцент кафедры русского языка университета им. Алламе Табатабаи,
Тегеран, Иран.

Горячкова Татьяна Дмитриевна²

Магистр, Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия.

(дата получения: сентябрь 2020 г.; дата принятия: январь 2021 г.)

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема сопоставления союзов одновременности русского и персидского языков в рамках практической стилистики, что ранее не анализировалось другими исследователями. Несмотря на разницу количественных показателей аппаратов союзов одновременности русского и персидского языков, с обеих сторон язык перевода имеет адекватный стилистический эквивалент союза одновременности исходного языка.

Основное содержание исследования составляет анализ текстов разных стилей на русском и персидском языках, а также работ, посвященных синтаксису рассматриваемых языков, с целью составления адекватного описания аппаратов союзов одновременности и дальнейшего лингвостилистического анализа. В результате выделены конкретные эквивалентные союзы, наиболее актуальные для того или иного стиля речи.

В персидском языке сложность составления подчинительных союзов с частью كه [ke] что заключается в основном в существовании различных вариантов написания одного и того же союзного слова. В русском языке «когда» является высокочастотным темпоральным союзом. Данная лексема может сыграть роль союза, частицы и временного наречия.

Ключевые слова: Придаточное Предложение, Подчинительный Союз, Переводческая Эквивалентность, Практическая Стилистика, Одновременное Действие.

---

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

2. E-mail: tatyana.goryachkovskaya@mail.ru

Введение

Репрезентация временных отношений в рамках сложноподчиненного предложения, в частности, отношения одновременности, является существенным компонентом связной речи на любом языке. Статистический анализ текстов на русском и персидском языках демонстрирует, что темпоральные союзы доминируют в языковой среде: в персидском языке временные союзы наиболее многочисленны в ряду других подчинительных союзов, в русском же языке на каждый союз одновременности приходится несколько значений и функций.

В настоящей статье рассматривается стилистическая сторона союзов одновременности русского и персидского языков, производится их стилистический анализ и сопоставление, что иллюстрируется примерами из текстов различных стилей речи. После полного списка союзов одновременности в обоих языках предлагается их сопоставление с точки зрения разговорного и книжных стилей.

Вопрос изучения союзов одновременности персидского языка поднимался как в XX, так и в XXI веке в работах филологов-специалистов по служебным частям речи Х. Халил-Рахбара (1988) и Х. Эбрахими (2009), и менее детально рассматривался в общих трудах по грамматике Ю.А. Рубинчика (2001), Х. Фаршидварда (2003), Т. Вахидиян-Камияра (2018) и др.

Для тщательного изучения союзов одновременности русского языка были использованы словари служебных слов А.Ф. Прияткиной (2001), Т.Ф. Ефремовой (2004) и В.В. Бурцевой (2005), а также работы по синтаксису В.В. Виноградова (1960), В.А. Белошапковой (1989), Н.С. Валгиной (2000 и 2002), совместный проект В.Ю. Апресян и О.Е. Пекелис (2012) и др.

В целях составления массива речевого материала для дальнейшего практического анализа широко использовался метод наблюдения, в т.ч. включенного наблюдения за носителями персидского языка; было собрано

более 1500 примеров текстов, имеющих хотя бы одну из лексем, отобранных из теоретической литературы: одна треть примеров относилась к разговорной речи, две трети – к какому-либо из книжных стилей. Массив данных для разбора материала на русском языке был получен из Национального корпуса русского языка. По результатам анализа полученных данных было проведено сопоставление с имеющимся теоретическим материалом и обобщение полученных данных в тексте настоящего исследования.

Целью данной работы является поиск адекватных стилистических эквивалентов союзов одновременности русского и персидского языков путем анализа имеющегося теоретического материала, отражающего проблему исследования, исследования аппаратов союзов одновременности обоих языков и представления соответствующей системы сопоставления рассматриваемых лексем. Мы рассматриваем лингвостилистический компаративный анализ союзов одновременности, так как именно лингвостилистический уровень языка наиболее важен при подборе верного эквивалента в рамках адекватного перевода.

Данное исследование актуально для российских и иранских лингвистов, филологов и переводчиков, а также для других исследователей, чья деятельность связана с указанными языками, так как может помочь в поиске корректных стилистических эквивалентов в неродном языке.

Существует ряд работ, по отдельности затрагивающих тему союзов одновременности русского и персидского языков, однако в настоящей работе впервые производится стилистическое сопоставление союзов одновременности этих языков.

1. Союзы одновременности в персидском языке

Персидский язык располагает разветвленной базой сочинительных и подчинительных союзов. В ряду последних темпоральные союзы преобладают

над остальными по количеству. Такое явление наблюдается в первую очередь из-за исторически сложившейся широкой системы синонимов-дублетов не только в обиходной лексике, но и в служебных частях речи персидского языка, обладающего внушительными внутренними возможностями продуцирования новых отыменных предлогов и союзов. Наличие подобных возможностей наблюдается и в русском языке, но в меньшей квантитативной репрезентации.

Сложность составления списка всех союзов одновременности связана с двумя основными факторами: по причине существования различных вариантов написания большинства сложных союзов, включающих в себя универсальный подчинительный союз که [ke] что, а также в связи со стилистической синонимичностью некоторых союзов. Кроме того, в состав абсолютного большинства подобных подчинительных сочетаний на взаимозаменяемой основе входят указательные местоимения این [in] и آن [ān] (Фаршидвард 2013. 550). В свою очередь, в некоторых союзах возможно опущение факультативных составляющих که [ke], این [in] и آن [ān], что дополнительно расширяет диапазон вариантов написания множества подчинительных союзов.

Кроме того, мы исключаем из нашей выборки сочинительные союзы, которые также могут вводить одновременные действия, а фокусируем свое внимание на изначально темпоральных лексемах, которые встречаются лишь в системе подчинительных союзов.

Российский иранист Ю.А. Рубинчик перечисляет следующие временные союзы, которые вводят придаточные одновременности: وقتی که [vaqti-ke] когда, а также его упрощенная форма وقتی [vaqti] когда, موقعی که [mowqe'i-ke] когда, هنگامی که [hengāmi-ke] когда, زمانی که [zamāni-ke] когда; در حالی که [dar-hāli-ke] в то время как; مادام که [mādām-ke] и مادامی که [mādāmi-ke] пока / до тех пор, пока; تا [tā] пока, تا این که [tā-in-ke] пока (Рубинчик 2001. 334).

1.1 – Союзы-синонимы وقتی که [vaqti-ke]

Х. Эбрахими поясняет, что данные слова **обычно** демонстрируют, что два или большее количество действий совершаются одновременно, но возможна как их полная, так и неполная одновременность». Он приводит синонимичные союзы одновременности هنگامی که [hengāmi-ke], وقتی که [vaqti-ke], زمانی که [zamāni-ke], درحین این که [dar-hein-in-ke] и ضمن این که [zamn-e-in-ke], каждый из которых переводится на русский язык как *когда* (Эбрахими 1973. 43).

В персидском языке эти союзы могут выражать как повторяемые, так и однократные действия различной длительности. Вместе (также включая موقعی که [mowqe'i-ke] *когда*) они образуют ряд союзных темпоральных синонимов, которые могут употребляться в большинстве времен изъявительного и условного наклонения. Стоит отметить, что в придаточных предложениях с полусоюзом, включающим указательное местоимение, глагол обычно стоит в одном из времен сослагательного наклонения (Эбрахими 1973. 44).

Кроме того, несмотря на высокую взаимозаменяемость обсуждаемых выше союзов, их стилевые рамки бывают весьма размыты. На основе проведенного нами статистического анализа с обзором более 1500 примеров употребления союзов одновременности мы можем сделать вывод, что وقتی که [vaqti-ke] *когда* и его варианты в зависимости от стиля являются самыми употребительными из вышеуказанных союзов одновременности. В выборке присутствовало около 500 примеров разговорной речи (голосовые сообщения, фильмы, видео, скрипты личных бесед) и около 1000 примеров из письменных источников (СМИ, художественная литература, корпус персидского языка). Часть этих примеров продемонстрирована в практическом материале в *Таблице 1*.

В работе «Роль темпоральных союзов в определении временной взаимосвязи между текущими событиями» изложены исчерпывающие результаты проверки количества вхождений всех временных союзов в корпус

персидского языка (Мортазавиния и др. 2011. 12), и в готовом рейтинге временных союзов وقتی [vaqti] *когда* находится на третьем месте по узуальности (2977 вхождений).

Несомненно, вышеупомянутые союзы можно считать наиболее простыми для передачи одновременности в сложноподчиненном предложении, хотя они могут также вводить предшествование или следование. Рассмотрим примеры использования подобных союзов в персидском языке с различными аспектами глагола:

Таблица 1

Оригинал	Перевод и пояснение
وقتی که شنا می‌کنم، مثل این است که همه پرندگان همه طبیعت با من گفتگو می‌کنند. (صادق هدایت، گجسته دژ)	<i>Когда я плаваю, мне кажется, что все птицы, вся природа разговаривает со мной.</i> Одновременность действий при глаголах несовершенного вида.
هنگامی که نور از شیشه یا آب عبور می‌کند، سرعت حرکت آن حدود یک سوم کاهش می‌یابد. (ایرنا)	<i>Когда свет проходит через стекло или воду, его скорость уменьшается примерно на треть.</i> Одновременность действий при глаголах несовершенного вида.
زمانی که الفبای دین‌دبیره ابداع شد نیاز مبرم به ثبت و نگهداری از واژگان اوستایی که در آن زمان زبانی مرده محسوب می‌شد از سوی موبدان و دین‌پژوهان ایرانی احساس گردید. (علی معروفی، فرهنگ نویسی در ایران از گذشته تا امروز)	<i>В то время, когда был разработан алфавит «дин-дабире», иранские зороастрийские священнослужители и исследователи почувствовали острую необходимость в кодификации слов на авестийском языке, который тогда считался мертвым языком.</i> Разновременность действий; союз вводит придаточное предшествования при глаголах совершенного вида.

<p>اسکاتلند تیم فوتبال خودش را دارد و زبانشان به رسمیت شناخته می شود ضمن اینکه انگلیسی هم زبان رسمی کشور است. (اصغر زارع کهنموئی، برابری و رفع تبعیض)</p>	<p><i>В Шотландии есть собственная футбольная команда, шотландский является официальным языком страны, но в то же время английский также считается официальным языком.</i> Одновременность действий при глаголах несовершенного вида.</p>
<p>اهمیت این تفکیک از آن جهت است که هرگاه شخص این مهارت را کسب نماید؛ یعنی درحین اینکه بازیگر است تماشاگر هم باشد، قادر خواهد بود که درباب خویشتن تأمل کند. (سروش دباغ، حریم علف های قربت: سلوک معنوی در روزگار کنونی)</p>	<p><i>Важность этого разделения заключается в том, что всякий раз, когда кто-либо приобретает этот навык, то есть может быть одновременно актером и зрителем, он также может созерцать себя со стороны.</i> Одновременность действий при глаголах несовершенного вида.</p>
<p>سال ها بعد، موقعی که در کنکور قبول شدیم، جمعی از ما به دیدارش رفتیم و یکی گفت: "آقا یادتان می آید همیشه می گفتید ما آدم نمی شویم؟" (بهروز تورانی، از لاله زار که می گذرم)</p>	<p><i>Спустя годы, успешно сдав вступительный экзамен, некоторые из нас пришли на встречу с ним. Кто-то сказал: «А вы помните, как постоянно говорили, что из нас ничего путного не выйдет?»</i> Разновременность действий; союз вводит придаточное предшествования при глаголах совершенного вида.</p>

Как мы видим, аспект персидского глагола (завершенность как совершенный аспект, незавершенность – как несовершенный) также играет важную роль в установлении отношений одновременности или разновременности между грамматическими основами. При употреблении ряда форм несовершенного вида два не ограниченных пределом процесса сочетаются, что, как правило, приводит к отношению одновременности, в то время как сочетание нескольких глаголов совершенного вида обычно используется для выражения последовательности фактов (Шведова 1960, 605).

Таким образом, при наличии в сложном персидском предложении глаголов в завершенных временах очень часто прослеживается вводимое союзом придаточное предшествования или следования.

1.2 – Остальные союзы одновременности

Воспользовавшись статистическими материалами по частотности союзов из работы «Роль темпоральных союзов в определении временной взаимосвязи между текущими событиями» (Мортазавиния и др. 2011. 12) мы завершили список всех существующих в современном персидском языке темпоральных союзов одновременности, добавив к рассмотренным выше следующие союзы: *تا* [tā] *пока* в различных вариантах, *چون* [čon] и *چو* [čo] *когда*, *درحالی که* [dar-hāli-ke] *в то время как*, *آنگاه* [āngāh] *когда; в тот момент* во всех возможных вариантах написания, *مادامی که* [mādāmi-ke] *пока; до тех пор, пока* в различных вариантах употребления. Примеры употребления указанных союзов, проанализированные в рамках составления настоящей статьи, приведены в *Таблице 2*.

Таблица 2

Оригинал	Перевод
تا به آب نزنم، شناگر نمی شوی. (ضرب المثل ایرانی)	<i>Пока не бросишься в воду – не станешь пловцом.</i>
سخن چون برابر شود با خرد / روان سراینده رامش برد (فردوسی: ۲۰۱/۲)	<i>Когда сказанное не противоречит рассудку, душа поэта полна радости.</i>
<i>Когда народ с песнью скрылся из вида и слуха, тяжелое чувство тоски за свое одиночество, за свою телесную праздность, за свою враждебность к этому миру охватило Левина. (Л.Н.Толстой, Анна Каренина)</i>	<i>آنگاه که روستاییان آوازخوان از دیدرس ناپدید شدند، احساس فرسایندهی تنهایی، بی تحرکی جسمانی و بیگانگیاش از این جهان لوین را غرقه کرد. (لئو تولستوی، آنا کارنینا)</i>

<p>سپس درحالیکه به طرف در چوبی اتاق حرکت می‌کرد گفت "تاتیانا استپانکو نامزد دارد، شاید احساس راحتی نکند بیاید تنهایی اینجا". (امیر نوع پرست، ظهور قدیسه روس در تهران)</p>	<p>После этого она, приближаясь к деревянной двери комнаты, сказала: «У Татьяны Степаненко есть жених. Возможно, ей не очень комфортно приходит сюда одной».</p>
<p>مثلاً قانون فروشنده را ضامن می‌داند مادامی‌که خود را از عهده ضمانت خارج نکرده باشد. (محمد مصدق، مصدق و مسائل حقوق و سیاست)</p>	<p>Например, закон рассматривает продавца как гаранта до того момента, пока сам не снимает с себя обязанности по гарантии.</p>

2. Союзы одновременности в русском языке

Как и в персидском языке, союзы русского языка по значению классифицируются на сочинительные и подчинительные. По словам синтаксистов-русистов, сложносочиненные предложения в русском языке чаще других выражают именно временные отношения (Валгина 2000. 297). Тем не менее, в данном разделе мы также не будем рассматривать функцию передачи одновременности у сочинительных союзов.

Н.С. Валгина предлагает список союзов, используемых при выражении одновременности в сложноподчиненных предложениях: *когда, пока, как, покамест (архаич.), куда (прост.), в то время как* (Валгина 2002. 316). В. Ю. Апресян и О.Е. Пекелис указывают малоузуальный союз *по мере того как* в одном ряду с другими союзами одновременности. Таким образом, в настоящей работе мы рассмотрим всего семь подчинительных союзов одновременности, из которых два имеют функционально-стилевую окраску, а пять являются языковыми единицами нулевого уровня. При этом все рассматриваемые союзы являются семантическими (Белошапкина 1989. 526).

2.1 – Союз *когда*

Когда считается наиболее частотным темпоральным союзом русского языка (581 566 вхождений в Основном корпусе на 26.03.2020). Функционал

данной лексемы огромен, она может использоваться в роли служебного слова как в рамках возможностей союза, так и частицы, образовывать союзную скрепу и использоваться как временное наречие. Помимо придаточных времени, *когда* может также присоединять условные придаточные; при присоединении первых союз *когда* указывает на одновременность действий, протекающих в главной и зависимых грамматических основах, их повторяемость, начальный момент действия или следование действий друг за другом. Кроме того, союз *когда* выражает одновременность без подчеркивания совпадения во времени действий главной и придаточной частей (Валгина 2002. 316).

Сравним вводимую союзом однократную и повторяющуюся одновременность и действий на примерах:

Таблица 3

Пример	Пояснение
<i>За два-три дня до первого снега, когда днём было ещё по-осеннему жарко и безоблачно и о близкой зиме никому не хотелось думать, стланик вдруг растягивал по земле свои огромные, двухсаженные лапы <...>. (В.Т.Шаламов. Колымские рассказы)</i>	Союз <i>когда</i> вводит придаточное одновременности с повторяющимся действием.
<i>Вьлетайте, — заговорил Азazelло в трубке, и по тону его было слышно, что ему приятен искренний, радостный порыв Маргариты, — когда будете пролетать над воротами, крикните: «Невидима!» (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита)</i>	Союз <i>когда</i> вводит придаточное одновременности с разовым действием.

Использование союза *когда* в придаточном предложении в связке с наречием *тогда* дополнительно делает акцент на непосредственное временное

согласование: *Когда она от нас отошла, тогда я шепнул Григорью Александровичу: «Ну что, какова?»* (М.Ю.Лермонтов. *Герой нашего времени*).

2.2 – Союз *как*

Лексема *как* также может выступать морфологически как наречие, союз и частица. Основной функционал союзной формы данной лексемы приходится на присоединение сравнительных оборотов в составе простого предложения или сравнительных придаточных предложений в рамках сложноподчиненного предложения. В настоящее время использование союза *как* для введения придаточного одновременности используется редко и считается архаичным, но в классической русской литературе осталось множество примеров его употребления в указанном значении (Виноградов 1960. 301). Приведем один из них, относящийся к середине XIX века: *Как я вышел из одиночества, не стало пустоты около меня <...>* (Г.С. Батеньков. *Заметки к труду «Общая философия системы мира»*).

2.3– Союзы *пока, покуда, покамест*

По мнению В.Ю. Апресян и О.Е. Пекелис союз *пока* является наиболее частотным из всех союзов одновременности русского языка, что происходит благодаря его нейтральности, отсутствующей у его стилистических синонимов *покамест* и *покуда*.

Союз *пока* может выражать одновременность действия или его временной предел. Союз *покуда* считается просторечным и устаревшим, находя очень слабую репрезентацию в современной литературе, а *покамест* – разговорным и устаревшим, редко встречаясь даже в классических литературных памятниках на русском языке.

При использовании глаголов несовершенного аспекта в главном и придаточном предложениях указанные союзы дополнительно подчеркивают

совпадение времени совершения действия (Виноградов 1960. 300). В *Таблице 4* мы привели примеры использования всех рассматриваемых союзов по указанной схеме:

Таблица 4

Пример	Пояснение
<i>Там шёл спектакль, пока я читал свою пьесу. (М.А. Булгаков. Театральный роман)</i>	Сказуемые главной и придаточной части находятся в несовершенном виде.
<i><...>и сама хочу быть вполне свободною, покамест у меня хоть какой-нибудь свой кусок да такие дети, как ты и Дунечка. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание)</i>	
<i>Всё время, покуда тело бабушки стоит в доме, я испытываю тяжёлое чувство страха смерти <...>. (Л.Н. Толстой. Отрочество)</i>	

2.4 – Союзы *по мере того как* и *в то время как*

Сложный союз *по мере того как* малочастотен в современном русском языке (2 448 вхождений в Основном корпусе на 30.03.2020). Данный союз не только указывает на одновременность параллельных действий, но и на постепенно развивающуюся ситуацию в главном предложении на фоне действия в придаточном предложении: *По мере того как я раскручивал проволоку, пробка всё сильнее и сильнее давила на ладонь моей руки и подымалась, как сильное одушевлённое существо. (Ф.А. Искандер. Летним днем).*

Временное значение малочастотного союза *в то время как* максимально близко к значению одновременности союза *когда*. Стоит отметить, что рассматриваемый союз также употребляется в уступительном значении. Во временном значении данная лексема демонстрирует параллельное развитие нескольких действий при любых аспектных сочетаниях глаголов. При этом при глаголах совершенного вида союз *в то время как* дополнительно подчеркивает момент временного совпадения придаточной и главной частей предложения: *Сразу после института Лёвка поехал в Башкирию и проработал там три года на промыслах, в то время как Дмитриев <...> остался работать в Москве на газовом заводе, в лаборатории.* (Ю.В. Трифонов. Обмен).

3. Лингвостилистический анализ союзов одновременности русского и персидского языков

В рамках данной части мы рассматриваем лингвостилистику союзов одновременности – один из трех основных лексических уровней любого языка (Ахманова 2004. 488) с целью выявления эквивалентных слов в двух языках в рамках практической стилистики. Переводческая эквивалентность подразумевает обязательное наличие в переводе эмотивных, стилистических и др. единиц текста оригинала, а союзы также могут нести в себе стилистическую составляющую (Комиссаров 1980. 152).

3.1 – Разговорный стиль

В разговорном стиле может использоваться как нормированная разговорная лексика, так и внелитературная лексика (диалектизмы, просторечия, жаргонизмы и др.). Безусловно, разговорная речь тяготеет к максимальной сжатости и лаконичности высказывания, в связи с чем наиболее короткие персидские союзы تا [*tā*] *пока* и وقتی [*vaqti*] *когда* можно назвать

одними из наиболее популярных в современной иранской речи. Тем не менее, заметно чаще других в разговорной речи на персидском языке можно встретить вариант وقتی که [vaqti-ke] *когда* с указательным союзом и маркированный разговорным стилем узуальный союз موقعی که [mowqei-ke] *когда*.

В русском языке при наличии меньшего разнообразия союзов малоузуальными в нормированной разговорной речи можно назвать лишь *в то время как* и *по мере того как*. При этом три союза одновременности – *покамест*, *покуда* и *как*, – относятся к внелитературной лексике: употребление всех трех в современном узусе является просторечным. Таким образом, лексемы нулевого уровня *когда* и *пока* являются наиболее частотными в узусе русской нормированной разговорной речи.

Как носители персидского, так и носители русского языка могут быть подвержены влиянию канцеляризма и использовать в разговорной речи союзы, предназначенные для официально-делового стиля, рассматриваемого далее.

3.2 – Книжные стили речи

3.2.1 – Художественный стиль. Многолетняя история развития персидского языка значительно повлияла на вокабуляр языка и, в частности, на служебные части речи: многие из рассматриваемых союзов использовались даже в древней персидской поэзии, и иногда их выбор был обусловлен последовательностью длинных и кратких гласных в союзе, что было необходимо для создания ритмики стиха. Наиболее частую репрезентацию в древней персидской поэзии имеют краткие союзы چون [čon] и چو [čo] *когда*, آنگاه [āngāh] *когда* и مادام [mādām] *пока*; *до тех пор*.

Современная иранская художественная литература апеллирует ко всему массиву имеющихся союзов одновременности в зависимости от жанра. Аппарат союзов-синонимов وقتی که [vaqti-ke] *когда* помогает авторам вводить

придаточные одновременности, избегая лексических повторов. Союз *موقعی که* [mowqe'i-ke] *когда* считается более разговорным и употребляется в художественной речи в основном для передачи коммуникации книжных героев.

Архаичные союзы *как*, *покуда* и *покамест* находят богатую репрезентацию в классической русской литературе, в период написания памятников которой они употреблялись в нормированной разговорной речи. В современной литературе они используются лишь для стилизации языка более ранних эпох или передачи просторечий. Наиболее узуальными союзами одновременности в современной литературе на русском языке остаются частотные *когда* и *пока*, что ярко демонстрируется количеством вхождений указанных лексем – 163 769 и 47 067 соответственно – в подмножество художественных текстов, написанных с 1950 по 2020 год, Национального корпуса русского языка. В свою очередь, у архаичных синонимов в данном подмножестве гораздо меньше вхождений – 1 323 для *покуда* и 263 для *покамест*. Оценка узуальности употребления временного значения союза *как* затруднена в связи с его многозначностью.

3.2.2 – Публицистический стиль. Публицистический стиль характеризуется особыми формами реализации и стилистическими функциями. По этой причине стиль СМИ вовлекает языковые единицы любых уровней и стилей языка (Розенталь 205. 408). Нормативные информационные тексты пользуются языковыми единицами нулевого уровня, однако иные жанры публицистики апеллируют ко всему аппарату имеющихся языковых возможностей.

Стоит отметить, что среди союзов персидского языка наблюдается функционально-стилевое расслоение, однако ни один из союзов не обладает эмоционально-экспрессивной окраской. Таким образом, в рамках публицистического стиля журналист при помощи союзов может лишь

стилизовать текст, но не придать ему эмоциональную окраску. Таким образом, иранские публицистические тексты могут быть стилизованы с помощью стилистически окрашенной лексики или быть написаны в логичной информативной форме с помощью союзов, используемых также в официально-деловом и научном стилях. Предпочтение СМИ отдается раздельным вариантам написания компонентов союза, рекомендуемым Академией персидского языка и литературы (Фархангестан 2015. 22).

Подобная ситуация складывается и с союзами русского языка: журналист может воспользоваться стилистически окрашенными устаревшими внелитературными союзами *покамест*, *покуда* и *как* для стилизации текста или использовать союзы нулевого уровня для создания нормативных информационных текстов.

3.2.3 – Официально-деловой и научный стили. Язык иранской документации и научных публикаций тяготеет к лексической избыточности и канцеляризму, что влияет на выбор союзов: в основном предпочтение отдается стилистически более высоким *هنگامی که* [hengāmi-ke] *когда*, *ضمن این که* [zamn-e-in-ke] *когда* и *در حین این که* [dar-hein-in-ke] *когда*, часто используются *در حالی که* [dar-hāli-ke] *в то время как* (что в рамках данных стилей речи часто переводится на русский деепричастным оборотом), *تا* [tā] *пока* и *زمانی که* [zamāni-ke] *когда*. Безусловно, возможно применение и других единиц нулевого уровня. Как и в случае с публицистическим стилем, на сегодняшний день предпочтение отдается раздельному написанию вспомогательных компонентов союза.

В русском языке основным критерием выбора союза для использования в текстах указанных стилей также остается стилистическая нейтральность, так как они не приемлют иностилевых вкраплений (Валгина 2002. 28). Союз *по мере того как* чаще встречается в научных текстах, т.к. показывает постепенность разворачивающегося процесса на фоне другого. Союз *в то время как* редко используется в указанных стилях для введения придаточного

одновременности, чаще употребляясь в своем первом значении ведения противопоставления. Единица нулевого уровня *пока* употребляется на порядок реже *когда*, т.к. авторы текстов подобных стилей избегают любых неправильных толкований; этот же союз может также восприниматься как вводящий временной предел. Союз *когда* в силу своей универсальности и нейтральности является самым узуальным также и в рамках рассматриваемых стилей (Апресян, Пекелис. 2012).

Заключение

Аппараты темпоральных союзов одновременности персидского и русского языков отличаются друг от друга квантативными показателями (одиннадцать союзов в персидском языке, семь в русском), в результате чего на любой союз русского языка приходится сразу несколько союзов персидского языка. Союзы обоих языков лишены эмоционально-экспрессивной окраски, но не все из них являются стилистически нейтральными, в связи с чем часть рассмотренных союзов маркирована одним или несколькими стилями речи.

Наиболее частотным персидским союзом одновременности является многозначный союз *وقتی* [vaqti] *когда*, обладающий внушительным количеством синонимов-дублетов и стилистических синонимов. Его эквивалентом в русском языке является многозначный союз *когда* нулевого языкового уровня, который широко применяется во всех стилях речи.

Рекордсменами по узуальности в нормированной разговорной речи персидского языка являются наиболее краткие союзы *تا* [tā] *пока* и *وقتی* [vaqti] *когда* в различных вариациях, а также функционально-стилистически маркированный союз *موقعی که* [mowqei-ke] *когда*, в русском – союзы *пока* и *когда*. В художественном и публицистическом стилях речи автор может апеллировать ко всему массиву союзов одновременности в целях передачи нормированной речи или стилизации текста. В официально-деловых и

научных текстах на персидском языке на передний план выходят функционально-стилистически окрашенные союзы هنگامی که [hengāmi-ke] *когда*, ضمن این که [zeman-e-in-ke] *когда* и др.; в русском же языке в указанных стилях сохраняется главенствование союзов *когда* и *пока*, однако в научном стиле большую узуальность приобретает союз *по мере того как*.

Литература

- 1- Мортазавиния М., Бижанхāн М. и др., Парвинсададат (1390/2011). *Наги-е хуруф-е рабт-е замāн дāр таин-е рфбете-йе замāни бейн-е руйдāд-хā-йе фели дар пейкар-е-йе мутун-е забāн-е фāрси-йе моāсер*. До фаслнāме-йе пардāзеш-е алā'ем-ва-дāде-хā. шомāре-йе 1, пейāпей 15, с. 9-16.
- 2- Амид Хосейн (1394/2015). *Фарханг-е фарси-йе Амид*. Тегеран: Ентешарат-е Амир-Кабир.
- 3- Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. (2012). *Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. — М.
- 4- Ахманова О.С. (2004). *Словарь лингвистических терминов*. — М.: Едиториал УРСС. — 574 с.
- 5- Бурцева В.В. (2005). *Словарь наречий и служебных слов русского языка*. — М.: Рус.яз. -Медиа. — 750 с.
- 6- Валгина, Н.С. (2000). *Синтаксис современного русского языка: Учебник*. — М.: Агар. — 416 с.
- 7- Вахидиян-Камйар Таги (1397/2018). *Дастур-е забāн-е фāрси (1)*. Тегеран: Самт.
- 8- *Грамматика русского языка. Т. 2: Синтаксис. Ч. 2* / под ред. Виноградова, В.В. и др. (1960). — М.: Издательство АН СССР. — 440 с.
- 9- Ефремова Т.Ф. (2020). *Толковый словарь служебных частей речи русского языка*. — М.: Астрель: АСТ. 2004. — 814 с. Режим доступа: <http://www.efremova.info/>
- 10- Ибрагими Хамид (1388/2009). *Негареш-е пишрафте (виже-йе забан-амузан-е гейре ирани)*. Гом: Ентешарат-е Нехзат.
- 11- Комиссаров В.Н. (1980). *Лингвистика перевода*. — М.: Междунар. отношения. — 166 с.
- 12- Моин Мохаммад (1391/2012). *Фарханг-е фāрси*. Тегеран: Ентешарат-е Амир-Кабир.

- 13- *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>
- 14- Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. и др. (2001). *Словарь служебных слов русского языка*. — Владивосток: Примполиграфкомбинат. — 363 с.
- 15- Розенталь А.А., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. (2013). *Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование*. — М.: Айрис-пресс. — 496 с.
- 16- Рубинчик Ю.А. (2001). *Грамматика современного персидского литературного языка*. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. — 600 с.
- 17- *Русская грамматика. Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология* / под ред. Шведовой, Н.Ю. и др. (1980). — М.: Издательство «Наука». — 783 с.
- 18- *Современный русский язык: Учебник* / под ред. Валгиной, Н.С. (2002). — М.: Логос. — 528 с.
- 19- *Современный русский язык: Учебник для филологов спец. университетов* / под ред. Белошапковой, В.А. (1989). — М.: Высшая школа. — 800 с.
- 20- Фархангестан-е забан-о-адаб-е фāрси (1394/2015). *Дастур-е хатт-е фāрси*. Тегеран: Фархангестан-е забан-о-адаб-е фāрси.
- 21- Фаршидвард Хосро (1392/2013). *Дастур-е мофассал-е емруз*. Тегеран: Ентешарат-е Сохан.
- 22- Халил-Хатиб Рахбар (1397/2018). *Кетаб-е хуруф-е езафе-ва-рабт*. Тегеран: Саади (Сарā-йе Ахаван).
- 23- Шахматов А.А. (2001). *Синтаксис русского языка*. — М.: Эдиториал УРСС. — 624 с.

Bibliography

- 1- Mortazavinija M., Bizhanhān M. i dr., Parvinsadadat (1390/2011). *Nagsh-e huruf-e rabt-e zamān dār tain-e rfbete-je zamāni bejn-e rujdād-hā-je feli dar pejkar-eje mutun-e zabān-e fārsi-je moāser*. Do faslnāme-je pardāzesh-e alā'em-va-dāde-hā. shomāre-je 1, pejāpej 15, s. 9-16.
- 2- Amid Hosejn (1394/2015). *Farhang-e farsī-je Amid*. Tegeran: Entesharat-e Amir-Kabir.
- 3- Apresjan V.Ju., Pekelis O.E. (2012). *Podchinitel'nye sojuzy. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. — M.

- 4- Ahmanova O.S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. — M.: Editorial URSS. — 574 s.
- 5- Burceva V.V. (2005). *Slovar' narechij i sluzhebnyh slov russkogo jazyka*. — M.: Rus.jaz. -Media. — 750 s.
- 6- Valgina, N.S. (2000). *Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka: Uchebnik*. — M.: Agar. — 416 s.
- 7- Vahidijan-Kamjar Tagi (1397/2018). *Dastur-e zabān-e fārsi (1)*. Tegeran: Samt.
- 8- *Grammatika russkogo jazyka. T. 2: Sintaksis. Ch. 2* / pod red. Vinogradova, V.V. i dr. (1960). — M.: Izdatel'stvo AN SSSR. — 440 s.
- 9- Efremova T.F. (2020). *Tolkovyj slovar' sluzhebnyh chastej rechi russkogo jazyka*. — M.: Astrel': AST. 2004. — 814 s. Rezhim dostupa: <http://www.efremova.info/>
- 10- Ibragimi Hamid (1388/2009). *Negaresh-e pishrafte (vizhe-je zaban-amuzan-e gejre irani)*. Gom: Entesharat-e Nehzat.
- 11- Komissarov V.N. (1980). *Lingvistika perevoda*. — M.: Mezhdunar. otnoshenija. — 166 s.
- 12- Moin Mohammad (1391/2012). *Farhang-e fārsi*. Tegeran: Entesharat-e Amir-Kabir.
- 13- *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www/ruscorpora.ru/>
- 14- Prijatkina A.F., Starodumova E.A. i dr. (2001). *Slovar' sluzhebnyh slov russkogo jazyka*. — Vladivostok: Primpoligrafkombinat. — 363 s.
- 15- Rozental' A.A., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. (2013). *Spravochnik po russkomu jazyku: pravopisanie, proiznoshenie, literaturnoe redaktirovanie*. — M.: Ajris-press. — 496 s.
- 16- Rubinchik Ju.A. (2001). *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka*. — M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. — 600 s.
- 17- *Russkaja grammatika. T.1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija* / pod red. Shvedovoj, N.Ju. i dr. (1980). — M.: Izdatel'stvo «Nauka». — 783 s.
- 18- *Sovremennyj russkij jazyk: Uchebnik* / pod red. Valginov, N.S. (2002). — M.: Logos. — 528 s.
- 19- *Sovremennyj russkij jazyk: Uchebnik dlja filologov spec. universitetov* / pod red. Beloshapkovoj, V.A. (1989). — M.: Vysshaja shkola. — 800 s.
- 20- Farhangestān-e zabān-o-adab-e fārsi (1394/2015). *Dastur-e hatt-e fārsi*. Tegeran: Farhangestān-e zabān-o-adab-e fārsi.
- 21- Farshidvard Hosro (1392/2013). *Dastur-e mofassal-e emruz*. Tegeran: Entesharat-e Soxan.

- 22- Halil-Hatib Rahbar (1397/2018). *Ketab-e huruf-e ezafe-va-rabt*. Tegeran: Saadi (Sarā-je Ahavan).
- 23- Shahmatov A.A. (2001). *Sintaksis russkogo jazyka*. — M.: Jeditorial URSS. — 624 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Шафаги, М., & Горячковская, Т. (2021). Linguistic Analysis of the Simultaneity Conjunctions of the Russian and Persian Languages. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 9(1). 143-165.

DOI: 10.52547/iarll.17.143

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/146>

تحلیل زبانی و سبکی حروف ربط همزمانی در زبان‌های روسی و فارسی

مریم شفق^۱

دانشیار زبان روسی دانشگاه علامه طباطبائی،
تهران، ایران.

تاتیانا دمتریوونا گوریاچکوفسکایا^۲

کارشناس ارشد مترجمی زبان فارسی دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مسکو،
مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۱)*

چکیده

در مقاله حاضر موضوع مقایسه حروف ربط همزمانی در زبان‌های روسی و فارسی در چارچوب سبک کاربردی مقایسه می‌شود. پیش از این، پژوهشگران به بررسی این موضوع پرداخته‌اند. با وجود تفاوت موجود در شاخص‌های کمی نظام حرف ربط همزمانی در زبان‌های روسی و فارسی، در هر دو زبان مورد ترجمه، برابری سبکی حرف ربط همزمانی در زبان مبدأ وجود دارد. محتوا و مضمون اصلی پژوهش در تحلیل متن‌هایی با سبک‌های گوناگون در زبان‌های روسی و فارسی و نیز آثار اختصاص یافته به نحو در زبان‌های مورد بررسی با هدف تدوین توصیفی برابر از نظام حروف ربط همزمانی و تحلیل زبان‌شناسی و سبک‌شناسی آن است که در نتیجه حروف ربط برابر مشخصی برای هر سبک کلامی مشخص گردیده است. در زبان فارسی دشواری ساخت حروف ربط پایه همراه با جزء «که» در وجود گونه‌های گوناگون صورت نوشتاری یک حرف ربط است. در زبان روسی پربسامدترین حرف ربط زمان КОГДА [کی] است. این حرف ربط می‌تواند نقش حرف ربط، ادات و قید زمان یابد.

واژگان کلیدی: جمله پیرو، حرف ربط وابسته، معادل ترجمه، سبک‌شناسی کاربردی، عمل همزمان.

1. E-mail: shafaghi@atu.ac.ir

2. E-mail: tatyana.goryachkovskaya@mail.ru

Study of the Effectiveness of Russian-Persian Dictionaries in the Exact Translation of Russian Adjectives-Paronyms

Baharloo Hadi¹

Assistant Professor, Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran.

Golkar Abtin²

Assistant Professor, Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran.

Taghizade Fateme³

Master of Russian Language, Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: August 2020; date of acceptance: January 2021)

Abstract

There is no standard view about the concept of paronyms, but generally they are defined as words, that are pronounced or written similarly, but have different lexical meanings. The formal similarity of paronyms often complicates their differentiation, and therefore paronyms are included in problematic objects of teaching Russian as a foreign language, as well as translating texts from Russian and into Russian. Dictionaries as the main means of teaching and translation can help to overcome this difficulty. This research analyzes the effectiveness of three Russian-Persian dictionaries (“Russian-Persian dictionary” edited by I.K. Ovchinnikova, “Russian-Persian dictionary” edited by G.A. Voskanyan, “Russian-Persian dictionary” edited by GA Voskanyan [new edition]) in translation of Russian adjectives-paronyms. Among various parts of speech, we chose adjectives due to their frequency among paronyms in Russian language. For this purpose, 50 pairs of paronyms were chosen from Dictionary of Russian Paronyms by Olga Vishniyakova. The results of the analysis show that Russian-Persian dictionaries cannot always provide the necessary assistance to Iranian students in overcoming their difficulties in understanding and translating Russian adjectives-paronyms. Moreover, student’s and translator’s knowledge about Russian word formation in many cases can help him to overcome the limitations of dictionaries.

Keywords: Adjective, Paronym, Lexical Meaning, Equivalence, Russian-Persian Dictionary.

---

1. baharloo@modares.ac.ir

2. golkar@modares.ac.ir

3. f_taghizadeh@modares.ac.ir

Рассмотрение эффективности русско-персидских словарей в точном переводе русских прилагательных-паронимов

Бахарлу Хади¹

Преподаватель, Университет Гарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

Голкар Абтин²

Преподаватель, Университет Гарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

Тагизаде Фатеме³

Магистр кафедры русского языка Университета Гарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

(дата получения: август 2020 г.; дата принятия: январь 2021 г.)

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению эффективности русско-персидских словарей в точном переводе русских прилагательных-паронимов. Паронимы в общем определяются как слова, похожие по звучанию, но разные по значению. Формальная схожесть паронимов часто затрудняет их разграничение, в связи с чем паронимы входят в ряд дискуссионных объектов преподавания русского языка как иностранного, а также перевода текстов с русского или на русский язык. Словари как основные средства обучения и перевода могут способствовать преодолению указанной трудности. В данной работе анализируется эффективность трех русско-персидских словарей («Русско-персидский словарь» под ред. И.К. Овчинниковой, «Русско-персидский словарь» под ред. Г.А. Восканяна, «Русско-персидский словарь» под ред. Г.А. Восканяна [новое издание]) в переводе русских прилагательных-паронимов. Анализ проводится на основе корпуса, составленного из 50 пар прилагательных-паронимов, выписанных в основном из «Словаря паронимов русского языка» О.В. Вишняковой. Выбор прилагательных как объекта анализа связан с их частотностью использования. Результаты анализа показывают, что русско-персидские словари не всегда могут оказать нужную помощь иранским студентам в преодолении их трудностей в понимании и переводе русских прилагательных-паронимов. При этом, знание учащихся и переводчиков о русском словообразовании во многих случаях может способствовать преодолению недостатков словарей.

Ключевые слова: Прилагательное, Паронимия, Лексическое Значение, Русско-Персидский Словарь, Эквивалентность.

---

1. baharloo@modares.ac.ir

2. golkar@modares.ac.ir

3. f_taghizadeh@modares.ac.ir

Введение

Отношения между словами в лексикографии обычно формируются на основе двух типов отношений: отношения, основанные на семантическом сходстве и различии слов (парадигматические), и отношения, действующие на основе закономерности соединения, сочетания слов (синтагматические). Л.П. Крысин, освещая различие этих двух типов отношений, указывает на то, что в отличие от парадигматических отношений, которые основаны на выборе единиц из некоторых множеств, синтагматические отношения реализуются в виде вполне реальных, наблюдаемых сочетаний слов в тексте (Крысин 2007. 98).

В ряд основных видов парадигматических отношений Л.П. Крысин включает отношения, как омонимия, синонимия, паронимия, антонимия, тематические отношения, родо-видовые отношения и т.д. Особую группу среди указанных видов отношения составляет отношение паронимии. Паронимами называются слова, близкие по плану выражению, но не совпадающие по плану содержания. В связи с тем, что паронимы нередко становятся источником ошибок (особенно для иностранных учащихся), они стали объектом анализа во многих лингводидактических исследованиях. Для паронимов характерен межъязычный характер. Они ввиду близости их значения рассматриваются в лексикологии, а в связи с тем, что обычно образуются от одного корня с помощью разных аффиксов, могут стать объектом анализа в словообразовании.

Объектом этой статьи являются русские прилагательные-паронимы и их перевод с русского на персидский язык, а также их обучение в персоговорящей среде, а предметом – это роль словарей в их переводе. Цель данной исследовательской работы заключается в анализе эффективности русско-персидских словарей в точном переводе русских прилагательных-

паронимов на персидский язык. Результаты анализа могут быть использованы при переводе прилагательных-паронимов, а также при обучении русскому языку как иностранному в персоговорящей среде. В работе применяется комплексная методика исследования: описательный метод, метод классификации, направленный на выделение различных групп на основе сходных признаков, а также метод сопоставительного анализа.

Основная часть

Русские лингвисты не едины в определении паронимов. Некоторые считают паронимами только родственные слова, сходные в звучании, близкие по произношению, лексико - грамматической принадлежности и по родству корней, (Вишнякова 1984. 64), другие относят к паронимам близкие по звучанию слова, независимо от их близости по родству корней.

Д.Э. Розенталь определяет паронимы как «однокорневые слова, близкие по звучанию, но не совпадающие в значениях» (Розенталь 2010. 55). Ю.А. Бельчиков и М.А. Панюшева выделяют две группы паронимов. По их мнению, первая группа состоит из пар паронимов, образованных от общей производящей основы, и близких по значению, например: *героизм – геройство – героика*. Во вторую группу входят паронимы, образованные от общей производящей основы, но в связи с многозначностью корня между производными словами не существует семантической соотнесённости, например: *лобный – лобовой*.

В предисловии к «Словарю паронимов русского языка» О.В. Вишнякова выделяет три группы лексических паронимов в русском языке: полные, неполные, частичные.

Полные паронимы, для которых характерна отнесенность к одной и той же части речи, выражают близкие, но различные смысловые понятия, например: *мелодика-мелодия* и т.п.

В неполных паронимах семантическое размежевание объема значений не завершено полностью, что вызывает их сближение, например: *романтичный* – *романтический*, *гражданский* – *гражданственный*. Неполные паронимы, безусловно, потенциально способны стать полными, или абсолютно паронимичными, то есть не совпадающими ни в одном из своих значений, какими являются компоненты таких лексических пар, как *симпатический* – *симпатичный*, *технический* – *техничней*, бывшие сто лет назад синонимами.

Частичные паронимы различаются местом ударения, и характеризуются общностью смысловых понятий и возможным совпадением сочетаемости, например, *дождевой* – *дождливый* (Вишнякова 1984. 15).

На основе словообразовательного отношения Д.Э. Розенталь выделяет три группы паронимов:

1. Паронимы, различающиеся приставками: *опечатки* – *отпечатки*, *уплатить* – *оплатить*.

2. Паронимы, различающиеся суффиксами: *существо* – *сущность*; *командированный* – *командировочный*.

3. Паронимы, различающиеся характером основы: один имеет непроизводную основу, другой – производную. При этом паронимическую пару могут составлять:

а) слова с непроизводной основой и приставочные образования: *рост* – *возраст*;

б) слова с непроизводной основой и бесприставочные слова с суффиксами: *тормоз* – *торможение*;

в) слова с непроизводной основой и слова с приставкой и суффиксом: *груз* – *нагрузка* (Розенталь 2010. 55).

Таким образом, в роли паронимов могут выступать разные части речи. Как показывает анализ «Словаря паронимов русского языка» О.В. Вишняковой, прилагательные-паронимы занимают особое важное место среди разных видов

паронимов. В указанный словарь включены 130 пар существительных, 430 пар прилагательных, 114 пар глаголов и 11 пар наречий.

По средству и способу образования прилагательных-паронимов в русском языке можно выделить паронимы, различающиеся приставками, суффиксами, а также основой. Предварительный анализ свидетельствует о том, что самый регулярный способ образования прилагательных-паронимов – это суффиксация. При этом анализ «Словаря паронимов русского языка» О.В. Вишняковой свидетельствует о возможности выделения определенных моделей образования пар прилагательных-паронимов:

-н- и -ск- : (56 из 430), например *законодательный – законодательский*

-ическ- и -ичн- : (54 из 430), например *академический – академичный*

-н- и -лив- : (26 из 430), например *памятливый – памятный*

-н- и -еск- : (20 из 430), например *прозаический – прозаичный*

-очн- и -чат- : (16 из 430), например *обрывочный – обрывчатый*

-н- и -ственн- : (12 из 430), например *безответный – безответственный*

-н- и -ов- : (10 из 430), например *аккордный – аккордовый*

Для составления корпуса анализа из числа указанных 430 паронимов были выписаны 50 самых частотных пар. Определение частотности было выполнено на основе «Частотного словаря современного русского языка» [Ляшевская, 2009].

Русско-персидские словари и их роль в переводе русских прилагательных-паронимов на персидский язык

Паронимы русского языка в связи с их формальной близостью достаточно часто вызывают проблемы при обучении русскому языку, а также при переводе текстов, когда в качестве исходного или переводящего языка выступает русский язык. В методике преподавания иностранных языков сделано достаточно много ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ работ о методах и средствах

преодоления этих трудностей. Как утверждается в книгах по методике обучения самые элементарные средства – это разные типы словарей (толковые, переводные, учебные и ...).

В данной работе при анализе объекта исследования (прилагательные-паронимы русского языка и их эквиваленты в персидском языке), наш анализ направлен на рассмотрение эффективности двуязычных русско-персидских словарей при переводе прилагательных паронимов с русского на персидский язык. К основным русско-персидским словарям, которые могут быть использованы при переводе с русского языка на персидский язык относятся следующие:

- Хашаб А.С. *Русско-персидский словарь* с краткой этимологией персидского языка. СПб, 1906.
- Галунов Р.А. *Русско-персидский словарь*. Т. I. II. М.: 1936-1937.
- Миллер Б.В. *Персидско-русский словарь*. Около 35 000 слов, М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1953.
- Клевцова С.Д. *Русско-персидский словарь*. / Под ред. Г.А. Восканяна. М.: Рус.яз., 1975.
- Эджтахед З. *Русско-персидский словарь*. Т.: Фейз, 1999
- Овчинникова И.К., Фуругян Г.А., Бади Ш.М. *Русско-персидский словарь*. М.: Гутенберг, 1384 (2006).
- Восканиан Г.А. *Русско-персидский словарь*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008.
- Восканиан Г.А., Шоджаи М. *Русско-персидский словарь* [новое издание],
- Тегеран: Фарханг-э моасэр, 1392 (2014).

Три из этих словарей, считаются самыми известными и используемыми в практике. Эти словари до этого стали объектом анализа в ряде работ. Среди таких работ можно указать на диссертацию "Анализ стандартизованности

русско-персидских словарей по критериям лексикографической микроструктуры и макроструктуры" (Солеймани 1395 (2017)), в которой проанализирована структура словарей в сравнительном аспекте. Как утверждает в этой работе, можно сказать, что по количеству слов «Русско-персидский словарь» И. К. Овчинниковой более объемный, чем другие. Но здесь надо упомянуть, что этот словарь был издан достаточно давно, в результате чего в словаре существует много устаревших и малоупотребительных в современном персидском языке слов. Например, в этом словаре для прилагательного "психологический" кроме эквивалента روانشناسی также предложены پسیکولوژی و معرف الروح, которые не используются в современном персидском языке. Из других примеров эквивалентов такого рода можно указать на وهمی و فانتاستیک для прилагательного "фантастический".

Анализ М. Солеймани показал, что существующие русско-персидские словари не достаточно эффективны для удовлетворения требований пользователей. Был составлен «корпус анализа эффективности русско-персидских словарей при переводе прилагательных-паронимов». Этот корпус состоит из 50 таблиц, организованных следующим образом:

- 1) на основе разных словарей, в том числе «Словарь паронимов русского языка» [Вишнякова, 1984] были выписаны 430 прилагательных-паронимов;
- 2) на основе «Частотного словаря современного русского языка» [Ляшевская, 2009] были выбраны 50 самых частотных прилагательных, которые имеют паронимическую пару;
- 3) для определения значения прилагательных было выписано их толкование из «Словаря паронимов русского языка» [Вишнякова, 1984];
- 4) сделано сопоставление значения на основе их толкования в «Словаре паронимов русского языка» [Бельчиков, 2002], и «Словаре трудностей русского языка» [Розенталь, 2003];

5) проанализированы персидские эквиваленты прилагательных в трех анализируемых словарях: «Русско-персидский словарь» И.К. Овчинниковой; «Русско-персидский словарь» Г.А. Восканяна; «Русско-персидский словарь» Г.А. Восканяна [новая редакция];

6) для окончательного анализа на основе толкования прилагательных, а также перевода примеров с русского на персидский язык, а также на основе эквивалентов, предложенных в словарях, были определены самые подходящие эквиваленты;

7) на основе сопоставления предложенных эквивалентов с эквивалентами в русско-персидских словарях проанализирована эффективность словарей в переводе прилагательных-паронимов;

8) в качестве образца-свидетеля выбрано несколько примеров, содержащих анализируемые паронимы, и проверяется точность окончательных эквивалентов, предложенных авторами.

В результате указанных 8-и этапов были составлены 50 таблиц анализа прилагательных-паронимов.

Табл. 1: бедный — бедственный

Прилагательные	бедный качественное	бедственный
Толкование	1. Обладающий очень скудным достатком, малоимущий или неимущий. 2. перен. Имеющий недостаток в чём-либо, скудный. 3. только полн. ф. Несчастный, возбуждающий сострадание, жалость	Исполненный бедствий, лишений

Сопоставление значения прилагательных	"бедный" означает неимущий или жалкий, несчастный.	
Эквивалент в словаре И.К. Овчинниковой	(۱) تهی دست، مسکین، فقیر، بی چیز، بی نوا (۲) فقیر (убогий) (۳) قاصر (скудный) مثال: بیان قاصر бедный язык (۴) بدبخت (несчастный)، بیچاره، بی نوا	فلاکت بار مثال: -----
Эквивалент в словаре Г.А. Восканяна 1	Как Воск. 2	Как Воск. 2
Эквивалент в словаре Г.А. Восканяна 2	(۱) تهیدست، فقیر (несчастный) (۲) بیچاره، بدبخت (скудный) (۳) فقیرانه، بی مایه (скудный)	مصیبت بار، نکبت بار مثال: وضع مصیبت بار Бедственное положение
Примеры и их перевод на персидский язык	(۱) бедный человек انسان فقیر (بی نوا) (۲) бедный дом خانه محقر (فقیرانه) бедный ужин شام فقیرانه Бедное содержание محتوای ضعیف (۳) бедное существо موجود بدبخت бедные дети کودکان بی نوا	Бедственное положение موقعیت اسفبار Бедственное состояние شرایط مصیبت بار
Предлагаемый эквивалент	۱.فقیر و تهیدست ۲.ضعیف، کمتر ۳.بدبخت، بی نوا	اسفبار، مصیبت بار

Анализ: рассмотрение эквивалентов словарей свидетельствует об их эффективности в разграничении значения прилагательных, но в словаре И.К. Овчинниковой предложен более полный список эквивалентов.

Табл. 2: братний — братский

Прилагательные	братний	братский относительное
Толкование	Относящийся к брату, принадлежащий ему.	Глубоко товарищеский, дружеский; близкий, родственный по духу.
Сопоставление значения прилагательных		
Эквивалент в словаре И.К. Овчинниковой	-----	برادرانه،...برادر احساسات برادرانه братские чувства
Эквивалент в словаре Г.А. Восканяна 1	-----	برادرانه،...برادر ملت برادر братский народ
Эквивалент в словаре Г.А. Восканяна 2	-----	برادرانه، ... برادر ملت برادر братский народ
Примеры и их перевод на персидский язык	پسربرادر Братний сын صدای برادر Братний голос	عشق برادرانه احساسات برادرانه Братские чувства اتحاد برادرانه Братский союз
Предлагаемый эквивалент	(متعلق به) برادر	

Анализ: Прилагательное "братний" обозначает принадлежность, а "братский" качество. Вариант "братний" не включен в рассмотренные словари, а эквиваленты, предложенные для прилагательного "братский" во всех словарях одинаковые.

Табл. 3: понятливый — понятный

Прилагательные	понятливый качественное	понятный качественное
Толкование	Легко схватывающий смысл, быстро понимающий, усваивающий что-либо.	1. Доступный понимаю, восприятию. 2. Справедливый, обоснованный.
Сопоставление значения прилагательных	Различаясь значениями, оба прилагательных образуют и разные типы словосочетаний. Прил. понятливый сочетается с существительными одушевленными, прил. понятный—с существительными одушевленными и неодушевленными и способно к управлению (понятный кому, для кого). Рассматриваемые прилагательные образуют паронимические конструкции при сочетании с одушевленными существительными, например: понятливый зритель — быстро понимающий что-либо, понятный зритель — такой, которого можно легко понять. Ошибочно. Лектор говорил очень понятно [нужно: понятно]: все почти запомнила. Запись устной речи.	
Эквивалент в словаре И.К. Овчинниковой	با هوش، با ذکاوت، با فراست	۱. مفهوم، قابل فهم، واضح، روشن ۲. (имеющий основание) مستدل خواست مستدل Понятное требование
Эквивалент в словаре Г.А. Восканяна 1	با فهم، باهوش	Как Воск. 2

Эквивалент в словаре Г.А. Восканяна 2	تيز فهم؛ باهوش	۱. واضح، روشن (отчётливый)؛ مفهوم، قابل درک (доступный для понимания) این امر کاملاً مفهوم است Это вполне понятно ۲. به جا، به حق (имеющий основание, справедливый) تقاضای به حق Понятное требование
Примеры и их перевод на персидский язык	Понятливый человек انسان باهوش Понятливое животное حيوان باهوش	1) Понятный вопрос پرسش واضح Понятная причина دلیل روشن 2) Понятное требование درخواست به جا
Предлагаемый эквивалент	تيز فهم	۱. واضح، مفهوم ۲. به جا، مناسب

Анализ: В связи с тем, что данные прилагательные-паронимы включены в корпус всех словарей и для них предложены персидские эквиваленты, их разграничение не вызывает проблемы для иранских студентов. Что касается прилагательного "понятливый" эквивалент "تيز فهم" в словаре Г.А. Восканяна II кажется самым подходящим, а самые подходящие эквиваленты для прилагательного "понятный" предложены в этом же словаре.

Результаты анализа русско-персидских словарей при переводе прилагательных-паронимов

Проведенный анализ позволяют сделать некоторые общие выводы о рекомендации к устранению трудностей перевода прилагательных-паронимов, представляющие интерес для нашего исследования:

1) Иногда критерием разграничения прилагательных-паронимов является не лексическое значение прилагательных, а их стилистическая окрашенность, частотность использования или грамматическая функция в предложении. Например, прилагательные "соседний" и "соседский" совпадают в значении «расположенный по соседству», но различаются стилистически: "соседний" используется в нейтральном стиле речи, а "соседский" в разговорном. Интересно, что оба прилагательных в значении «живущий по соседству» относятся к разговорному стилю.

В качестве другого примера можно указать на пару «автоматический – автоматичный», в которой встречается совпадение прилагательных в значении «машинальный, произвольный», но они не полностью взаимозаменяемы, потому что "автоматичный" чаще употребляется в краткой форме в роли сказуемого, а "автоматический" может употребляться в значении «самодействующий».

2) В некоторых случаях характер суффиксов может оказать помощь в разграничении паронимов. Например, прилагательные с суффиксом -лив- в подавляющем большинстве случаев указывают на признак человека или живого существа, Уделяя внимание на эту семантическую особенность указанного суффикса, можно разграничивать паронимы как: *неудачливый – неудачный, незаметливый – незаметный, опасливый – опасный.*

3) Другая морфема, которая способствует разграничению паронимов – это корень слова, а точнее производящая основа прилагательных-паронимов, например:

демократический (دموکراتیک) → демократия (دموکراسی)

демократный (دموکراتیک) → демократизм (دموکراتیسم)

строительный (مربوط به ساخت و ساز) → строительство (سازندگی)

строительский (مربوط به سازنده) → строитель (سازنده)

воспитательный (تربیتی) → воспитание (پرورش)

воспитательский (مری) → *воспитатель* (تربیت کننده)

Заводной (کوکی) → *заводить* (کوک کردن)

Заводской (کارخانه‌ای) → *завод* (کارخانه)

При этом, надо обращать внимание на то, что иногда разграничение на основе производящей основы происходит на основе разграничения разных значений полисемичной производящей основы, например, слово "лоб" как многозначное слово имеет два значения: «часть тела человека» и «передняя часть чего-либо». В паре *лобный* – *лобовой*, прилагательное "*лобовой*" образуется от слова "лоб" в значении «передняя часть чего-либо», а "*лобный*" от слова "лоб" в значении «часть тела человека». Такое же соотношение встречается в паре *длинный-длительный*, где производящая основа (*длинный*) может выражать временное или пространственное значение (прилагательного «длительный» связано с временном значении существительного, а «длинный» — с обоими значениями).

4) Прилагательные-паронимы русского языка (особенно прилагательные со значением отнесенности и принадлежности) иногда переводятся на персидский язык не именем прилагательным, а сочетанием слов или изафетной конструкцией, например, прилагательное "воспитательский" مربوط (به) تربیت کننده، مری.

5) Как затрудняющий фактор при разграничении значения прилагательных-паронимов выступает многозначность прилагательных. Это объясняется тем, что прилагательные-паронимы в одном значении могут быть полными паронимами, а в другом значении неполными или частичными. Например, прилагательные *исторический* – *историчный* в значении «относящийся к истории» синонимы, но "историчный" выражает еще и значение «важный исторически», по которым указанные прилагательные считаются паронимами.

6) Не всегда можно предлагать конкретный, полный персидский эквивалент для русских прилагательных-паронимов. Иногда определение

эквивалента носит контекстуальный характер, например, в сочетании *бедный язык* زبان قاصر эквивалент قاصر для слова *бедный* ограничено только данному сочетанию. Таким же образом, в сочетании *высокий голос* صدای زیر эквивалент زیر для слова *высокий* используется только в данном сочетании.

7) Почти 80 процентов русских прилагательных-паронимов, проанализированных в работе, включены в корпус минимум одного из рассмотренных русско-персидских словарей. При этом словарь И.К. Овчинниковой с охватом 66 процентов прилагательных-паронимов занимает первое место по полноте корпуса: 6 паронимических пар (*соседский – соседний, лирический-лиричный, опасливый-опасный, поэтический-поэтичный, понятливый-понятный, политический-политичный*) включены в корпус только этого словаря. В новом издании словаря Г.А. Восканяна существует одна пара (*подвижнический – подвижный*), которая не включена в корпус других словарей.

С точки зрения точности эквивалентов, в основном в проанализированных Русско-персидских словарях предложены точные, подходящие эквиваленты. Среди проанализированных прилагательных и их эквивалентов, в трех случаях в словаре И.К. Овчинниковой предложены более подходящие эквиваленты (в парах *бедный – бедственный, генеральный – генеральский, запасный – запасливый*). В трех парах более подходящие эквиваленты встречаются в словаре Г.А. Восканяна (*понятливый – понятный, отдельский-отдельный, психологичный-психологический*).

Заключение

Подводя итоги анализа эффективности русско-персидских словарей при переводе прилагательных-паронимов, результаты свидетельствуют об их относительной эффективности. Указанная неполнота и относительность наблюдаются и в полноте охвата лексики, и в точном переводе прилагательных-паронимов.

- В словаре И.К. Овчинниковой часто встречается тенденция к включению как можно больше эквивалентов, что может оказать негативное влияние на правильное использование прилагательных-паронимов и точный перевод этих прилагательных. Например, для прилагательного «бедный» в этом словаре предлагается 5 персидских эквивалентов, тогда как в словаре Г.А. Восканяна предложены два более подходящих эквивалента.
- Анализ эффективности русско-персидских словарей при переводе прилагательных-паронимов на персидский язык свидетельствует о том, что эти словари не включают все эти прилагательные: из числа 50 рассмотренных прилагательных, только в 29 случаях оба прилагательных, составляющих паронимическую пару, включены в корпус словарей.
- При переводе паронимических прилагательных часто помогает морфемный анализ прилагательного. При этом в некоторых случаях для разграничения значения прилагательных-паронимов можно опираться на значения суффиксов, или на производящую основу. В последнем случае на основе значения корня производящей основы можно определить значение производного прилагательного (например, в случаях паронимических пар, как *заводской* – *заводной*, *воспитательский* – *воспитательный* и т.д.).

Для всестороннего и полного анализа трудностей обучения и перевода паронимов с русского на персидский язык предлагается подвергнуть такому виду анализа другие части речи (существительные, глаголы и др.). Кроме того, важная роль морфемной структуры прилагательного в разграничении значения паронимов, может свидетельствовать о необходимости составления русско-персидского словаря морфем русского языка.

Литература

- 1- Бельчиков Ю.А. Панюшева М.С. (1968). *Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка*. – М.: «Сов.Энциклопедия».
- 2- Бельчиков Ю.А. Панюшева М.С. (2002). *Словарь паронимов русского языка*. – М.: «Русский язык».
- 3- Вишнякова О.В. (1984). *Словарь паронимов русского языка*. – М.: «Русский язык».
- 4- Восканиан Г.А., Шоджаи М. (1392/2014). *Русско-персидский словарь*. [новое издание], Тегеран: «Фарханг-э моасэр».
- 5- Восканиан Г.А.(2008). *Русско-персидский словарь*. – М.: «АСТ: Восток-Запад».
- 6- Клевцова С. Д. (1975). *Русско-персидский словарь*. Учебный: около 11000 слов. /под ред. Г. А. Восканяна. – М.: «Рус. яз.».
- 7- Крысин Л.П. (2007). *Современный русский язык*. – М.: Издательский центр «Академия».
- 8- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. (2009). *Частотный словарь современного русского языка*. – М.: «Азбуковник».
- 9- Овчинникова И.К., Фуругян Г.А., Бади Ш.М. (1384/2006). *Русско-персидский словарь*. Тегеран: «Гутенберг».
- 10- Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. (2010). *Современный русский язык: Учеб. Пособие 2-е изд.* – М.: «Айрис-пресс».
- 11- Розенталь Д.Э. Теленкова М.А. (2003). *Словарь трудностей русского языка*. – М.: «Айрис-Пресс».
- 12- Солеймани М. (1395/2017). *Анализ стандартизованности русско-персидских словарей по критериям лексикографической микроструктуры и макроструктуры* // Магистерская диссертация, Тегеран.

Bibliography

- 1- Bel'chikov Ju.A. Panjusheva M.S. (1968). *Trudnye sluchai upotreblenija odnokorenyh slov russkogo jazyka*. – М.: «Sov.Jenciklopedija».
- 2- Bel'chikov Ju.A. Panjusheva M.S. (2002). *Slovar' paronimov russkogo jazyka*. – М.: «Russkij jazyk».
- 3- Vishnjakova O.V. (1984). *Slovar' paronimov russkogo jazyka*. – М.: «Russkij jazyk».

- 4- Voskanian G.A., Shodzhai M. (1392/2014). *Russko-persidskij slovar'*.]novoe izdanie, [Tegeran: «Farhang-je moasjer».
- 5- Voskanian G.A.(2008). *Russko-persidskij slovar'*. – M.: «AST: Vostok-Zapad».
- 6- Klevcova S. D. (1975). *Russko-persidskij slovar'*. Uchebnyj: okolo 11000 slov. /pod red. G. A. Voskanjana. – M.: «Rus. jaz.».
- 7- Krysin L.P. (2007). *Sovremennij russkij jazyk*. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija».
- 8- Ljashevskaja O. N., Sharov S. A. (2009). *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka*. – M.: «Azbukovnik».
- 9- Ovchinnikova I.K., Furugjan G.A., Badi Sh.M. (1384/2006). *Russko-persidskij slovar'*. Tegeran: «Gutenberg».
- 10- Rozental' D. Je., Golub I. B., Telenkova M. A. (2010). *Sovremennij russkij jazyk: Uceb. Posobie 2-e izd.* – M.: «Ajris-press».
- 11- Rozental' D.Je. Telenkova M.A. (2003). *Slovar' trudnostej russkogo jazyka*. – M.: «Ajris-Press».
- 12- Solejmani M. (1395/2017). *Analiz standartizirovannosti russko-persidskih slovarej po kriterijam leksikograficheskoj mikrostruktury i makrostruktury* // Magisterskaja dissertacija, Tegeran.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Бахарлу, Х., Голкар, А., & Тагизаде, Ф. (2021). Study of the Effectiveness of Russian-Persian Dictionaries in the Exact Translation of Russian Adjectives-Paronyms. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 9*(1). 167-186.

DOI: 10.52547/iarll.17.167

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/144>

بررسی کارایی فرهنگ های دوزبانه روسی به فارسی در ترجمه صفات متشابه

روسی به زبان فارسی

هادی بهارلو^۱

استادیار گروه زبان روسی دانشگاه تربیت مدرس،
تهران، ایران.

آبتین گلکار^۲

استادیار گروه زبان روسی، دانشگاه تربیت مدرس،
تهران، ایران.

فاطمه تقی زاده^۳

کارشناس ارشد زبان روسی، دانشگاه تربیت مدرس،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۱)*

چکیده

نقطه نظرات یکسانی درباره مفهوم کلمات متشابه وجود ندارد اما به طور کلی، عنوان کلمات متشابه به کلماتی اطلاق می شود که از نظر تلفظ به هم نزدیک بوده ولی معانی متفاوتی دارند. شباهت ظاهری کلمات متشابه معمولاً تمایز آنها از یکدیگر را مشکل می سازد که به واسطه آن کلمات متشابه در زمره موارد مشکل ساز در آموزش زبان روسی به عنوان زبان خارجی و همچنین ترجمه متون به زبان روسی و از این زبان قرار می گیرند. یکی از مهم ترین منابع رفع این مشکل فرهنگ های لغت هستند. در این پژوهش به بررسی کارایی فرهنگ لغت روسی - فارسی (فرهنگ روسی به فارسی آفچنینیکووا، و دو ویرایش موجود از فرهنگ واسکانیان) در ترجمه و تفکیک معنایی صفات متشابه زبان روسی پرداخته ایم. برای این منظور ۵۰ جفت صفت متشابه از «فرهنگ لغت صفات متشابه زبان روسی» اولگا ویشنیاکووا انتخاب شده است. دلیل انتخاب صفات به عنوان موضوع پژوهش، بسامد بالای آنها در بین کلمات متشابه زبان روسی بوده است. نتایج حاصل از پژوهش در مجموع نشان دهنده عدم کارایی فرهنگ ها در معادل یابی و تفکیک معنایی صفات متشابه زبان روسی است. اما به نظر می رسد آشنایی با اصول و قوانین واژه سازی در زبان روسی می تواند تا حد زیادی به حل مشکلات مربوط به صفات مشابه کمک کند.

واژگان کلیدی: صفت، کلمات متشابه، معنای لغوی، معادل یابی، فرهنگ لغت روسی - فارسی.

1. E-mail: baharloo@modares.ac.ir

2. E-mail: golkar@modares.ac.ir

3. E-mail: f_taghizadeh@modares.ac.ir

Jane Austen's and Pushkin's Author Code: Cognitive Aspect

Kostyrya Alyona Vladimirovna¹

Senior Lecturer, Perm State National Research University,
Perm, Russia

(date of receiving: August 2020; date of acceptance: December 2020)

Abstract

The subject of research in this article is the narrative features of Jane Austen's novels and, at the same time, the essential features of her idiosyncrasy. We consider the system of Austen's distinctive ways of using language as a stylistic code of narration or narrative. We will consider the similarity of realistic writing in the novels of Austen and Pushkin, as well as the narrative features and linguistic stylistic means by which Austen arranges and interprets reality in his novels. Their division into two main groups allows us to structure modern ideas of critics and researchers about the author's style of the writer, as well as to deduce two key features of her novels. The conclusions presented in the article are related to the prospects of "Austen studies", since the analysis of critical discourse has shown that only a cognitive understanding of the creative heritage of Austen will allow us to fully reveal the true potential and intentions of the author's consciousness in the future. In particular, the analysis of the Austen narrative in the context of cognitive poetics and theory of mind. For the first time, Austen's research highlights the phenomenon of embedded consciousness and intersubjectivity in the interpretation of her novels, and states pseudo-realism and pseudo-moral teaching as essential characteristics of her creative writing. The presented analysis is concerned with modern literary and linguo-cognitive works about Austen's legacy abroad. An assumption is made about possible directions of research in the field of cognitive poetics in Russia.

Key words: Narrative, Linguo-stylistic Tools, Cognitive Research, Cognitive Poetics, Jane Austen, Pushkin.

---

1. E-mail: a.v.kostyria@gmail.com

Авторский код Джейн Остен и А. С. Пушкина: когнитивный аспект

Костыря Алёна Владимировна¹

Старший преподаватель,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия.

(дата получения: август 2020 г.; дата принятия: декабрь 2020 г.)

Аннотация

Непосредственным предметом исследования в данной статье являются нарративные особенности романов Джейн Остен и вместе с тем – сущностные черты её идиостиля. Систему отличающих Остен способов употребления языка мы рассматриваем как стилистический код повествования, или нарратива. Нами будет рассмотрено сходство реалистического письма в романах Остен и Пушкина, а также нарративные особенности и лингвостилистические средства, посредством которых Остен упорядочивает и осмысляет реальность в своих романах. Их деление на две основные группы позволяет структурировать современные представления критиков и исследователей об авторском стиле писательницы, а также вывести две ключевые особенности её романов. Выводы, представленные в статье, связаны с перспективами «остиноведения» в России, поскольку анализ критического дискурса показал, что только когнитивное осмысление творческого наследия Остен позволит в дальнейшем более полно раскрыть истинный потенциал и интенции авторского сознания автора. В частности, приводится анализ нарратива Остен в русле когнитивной поэтики и теории разума зарубежом. Впервые в отечественных исследованиях Остен, освещается феномен вложенного сознания и интерсубъективности в рамках интерпретации её романов, констатируется псевдореализм и псевдонравоучение в качестве сущностных характеристик её творческого письма. Представленный анализ в большей степени касается современных литературоведческих и лингвокогнитивных работ о творчестве Д.Остен и за рубежом. Делается предположение о возможных направлениях исследований в области когнитивной поэтики в России.

Ключевые слова: Нарратив, Лингвостилистические Инструменты, Когнитивные Исследования, Когнитивная Поэтика, Джейн Остен, Пушкин.

---

1. E-mail: a.v.kostyria@gmail.com

Введение

Понятие «нарратив» имеет двойственную природу. С одной стороны, это «повествовательное произведение любого жанра и функциональности», с другой, нарратив «выступает в роли главной формы упорядочения и осмысления окружающего мира, а в контексте литературоведения – как особый конструкт, с помощью которого через повествование осваивается окружающая реальность» (Мамуркина, URL).

В определённой мере, манера «освоения» реальности Джейн Остен отличает разрыв с традициями её предшественников и современников. При этом нельзя не отметить связь Остен в плане литературных традиций не только с соотечественниками, но и даже предположительно её влияние на роман А.С. Пушкина «Онегин» (Шамина, URL). Так, исследователями отмечается сходство в создании сложных и противоречивых характеров мистера Дарси в «Гордости и предубеждении» и Евгения Онегина в «Онегине», весёлых и добродушных нравов мистера Бингли и Ленского.

Также обращает на себя внимание сходство социальных и культурных сред, в которых творили Остен в Англии и Пушкин в России. Как Пушкин, так и Остен писали условно на рубеже веков и эпох, одновременно опираясь на традиции и при этом являясь первопроходцами в реалистическом письме и «поэзии действительности».

Однако, как отмечается в статье «Jane Austen and literary tradition», Остен «не признаёт ни канонов, ни литературных традиций» (Copeland 2010. 193). Ей также была чужда погоня за повышением «статуса» своих произведений – она никогда не ссылалась на работы великих мастеров, не использовала известные литературные цитаты. Тот факт, что разрыв с традицией, характерен для Остен лишь отчасти, демонстрируют нарративные и лингвостилистические особенности её романов. Далее они будут объединены нами в две группы согласно достигаемого ими эффекта. Благодаря первой группе средств

(особенностей) автором достигается *объективность* повествования и к ним относятся: отсутствие автора-демиурга в повествовании, неуловимость авторской позиции и активное использование несобственно-прямой речи. Именно эти особенности демонстрируют разрыв с традициями и творческое новаторство Остен-писателя. Ко второй группе относятся особенности нарратива: обилие диалогов и симметричное повторение одного и того же композиционного хода в романах, что в целом делает её работы сродни *театральным пьесам*.

Основная часть

Итак, первая группа средств позволяет Остен добиваться высокой степени объективности в повествовании, и отказ от роли всезнающего автора играет в этом не последнюю роль. Несмотря на тот факт, что исследователи творчества Остен до сих пор спорят, кем же она была – «рационалистом, сатириком, романтиком, бытописателем» и т.д., одно можно утверждать наверняка – её были чужды морализаторство и догматизм (Гениева 2014. 8). Замысел писательницы всегда «состоял в предоставлении читателю материала для размышления, выводы читатель должен был делать сам» (Жутовская, URL).

Согласно ряду исследователей (Гениева Е.Ю., Повзун Е.В.), «в своем творчестве Дж. Остен следовала главному эстетическому принципу – объективности» (Повзун 2006. 30). И действительно, Остен намеренно отвергает активное использование авторского комментария: он либо отсутствует в её романах, либо «завуалирован» под комментарий одного из героев произведения. Например, в романе «Гордость и предубеждение» часто бывает невозможно отличить несобственно-прямую речь Элизабет Беннет от авторских слов (Moses, 2003).

Несобственно-прямую речь в романах Остен исследователи также относят к «проявлениям её стилистического новаторства» (Палий, 2011. 136). Согласно

А.А. Палий, Остен использует различные виды несобственно-прямой речи в романах: она может быть схожа с косвенной речью, выделяться на фоне авторской речи благодаря характерной для определённого персонажа лексике, также находятся примеры «цитатной формы» несобственно-прямой речи и некоторые другие её виды.

Из стремления к объективному повествованию вытекает ещё одна особенность индивидуально-авторского стиля Остен – неуловимость авторской позиции, которая «располагает читателя к поиску авторской точки зрения» (Morini 2009. 152). Отсутствие в романах чёткой авторской позиции также является важной составляющей не только авторского стиля Остен, но и её позиции как философа. Как отмечает ряд современных исследователей, эпистемология и эвристический подход – это те философские аспекты, которые больше всего интересовали английскую писательницу (Bonaparte, 2005). В этом же ключе высказывается британский исследователь творчества Остен М. Уолдрон, отмечая, что в зрелых произведениях («Гордость и предубеждение», «Эмма») писательнице свойственно противопоставлять друг другу нескольких сюжетных линий (создавая, таким образом, «контрапункт») когда «рассказчик оставляет читателей наедине с доказательствами и не предоставляет никаких выводов».

Оценочная недостоверность («evaluative unreliability») (Morini, 2009. 24) проявляется у Остен в том, что её рассказчики «склонны подрывать свой собственный авторитет и / или оставлять место для оценки другим персонажам, чьи взгляды, в свою очередь, часто опровергаются разворачивающимися событиями. В этих условиях становится трудно и, в конечном счете, невозможно установить «кто оценивает что в повествовании и через повествование, и почему» (Morini 2009. 24).

Ко второй группе средств, придающих романам Остен некоторую театральность, мы относим такие нарративные особенности как повторение

одного и того же композиционного хода в романах, диалог, связанный у Остен с дискурсивной иронией и авторский комментарий.

Диалог, как отмечает Е.Ю. Гениева, стал «основой поэтики, средством выражения точки зрения автора» (Гениева 2014. 17). Он, однако, также умело используется Остен для создания образов персонажей: в диалогической речи проявляется их ирония (Элизабет Беннет, мистер Найтли), снобизм (леди де Бёр, Дарси), примитивность суждений (миссис Беннет), двуличность (мистер Коллинз) и т.д., то есть все те качества, которые ценила или, наоборот, презирала писательница. В частности, наблюдаются два мотива использования дискурсивной иронии персонажами: для защиты и в качестве воздействия (Зинченко, URL).

Хотя ранние произведения Остен писала в эпистолярном жанре («Гордость и предубеждение», «Разум и чувства»), известно также, что они были подвергнуты тщательной редактуре – автор по многу раз переписывала и прочитывала диалоги вслух, чтобы добиться легкости и естественности их звучания. Неудивительно, таким образом, что идеально прописанные диалоги в романах придают произведениям *театральность*: мастерски выписанные реплики персонажей создают эффект «реальности» происходящего, поскольку действия «скорее показываются» читателю-зрителю, «нежели рассказываются» (Copeland 2011. 41).

К важной нарративной особенности романов Остен Н.М. Демурова относит и симметричное повторение в них одного и того же композиционного хода – от заблуждения к осознанию истины, через которое проходят главные персонажи произведений. А.А. Палий также было подмечено, что «композиция её (Д. Остен) романов» основана на движении сюжета «”от несчастья к счастью”» (Палий, URL). Эта событийность романов, их «компактность» и «плотная» структура, ограниченное количество персонажей, по мнению ряда исследователей, придает романам сходство с пьесами

(Copeland 2011. 40). Демурова отмечала, что «"театральная тема" романа "Мэнсфилд-парк" переключается с "Ярмаркой тщеславия" Теккерея» (Демурова, URL).

Как уже было отмечено, голос повествователя в романах Остен «звучит» тогда, когда нужно, например, ввести нового персонажа, дать оценочную информацию о нём (Mogini, 2009). Эта авторская неуловимость, как и в случае с романами Ф.М. Достоевского, например, способствует объективному представлению героев и событий (Бахтин, 1979). А также одновременно переключается у Остен с «театральностью». Остен, в частности, как и главная актриса, находится внутри и вне романа по его завершению: одновременно авторитетно осведомленная о вымышленности его мира, и иронически пренебрегающая его реальностью» (Gay 2002. 166-7).

Таковы нарративные и стилистические особенности романов Джейн Остен, которые определили «безупречный и сдержанный вкус» писательницы (Гениева 2014. 8). Таким образом, согласно традиционной точке зрения, отказавшись от морализаторства и сделав ставку на объективное и беспристрастное представление событий, Остен добилась тех убедительности и реалистичности в повествовании, которые остались непонятыми современниками, но вызывают неподдельный интерес и восхищение у современных читателей и исследователей.

Нельзя, однако, не отметить и активное, можно сказать «инновационное» исследование творческого наследия Остен и её нарративных техник в свете когнитивных исследований. «The Neural Sublime: Cognitive Theories and Romantic Texts» (Richardson, 2010), «Distraction as Liveliness of Mind: A Cognitive Approach to Characterization in Jane Austen» (Phillips, 2011) «Jane's Brains: Austen and Cognitive Theory» (Nelles, 2014) – лишь некоторые из публикаций в этой области. За последние 10 – 15 лет исследователями Остен были также написаны работы в рамках теории когнитивной метафоры – «The

Business of Marriage: Metaphors in Jane Austen's *Pride and Prejudice*» (Woudenberg, URL), когнитивных литературных исследований (например, Б. Ло – «Jane Austen and Sciences of the Mind» (Lau, 2017)).

Остановимся подробнее на одной из работ. Так, Лиза Заншайн в статье «Why Jane Austen was different, and why we may need cognitive science to see it» отмечают, что Остен была «весьма инновационна в работе с вымышленными сознаниями» и такая её техника, как «"наблюдение за наблюдением"» дала возможность развиваться новому способу формирования повествования» (Zunshine, URL). Заншайн, в частности, работает с таким понятием, как «глубокая интерсубъективность» («deep intersubjectivity»).

В рамках интерсубъективности, как свойства нарратива в романах Остен, Заншайн также выделяет «multiply embedded consciousness» (множественно вложенное сознание), когда повествование позволяет читателю видеть происходящее не только глазами главного персонажа, но и проникать в его сознание, когда «он думает, что знает, что думают другие люди». При этом главная героиня произведения у Остен не «чувствительна к собственной чувствительности» («less sensitive to her own sensitivity»), поскольку не осознаёт, что осуществляет «наблюдение за наблюдением» (Zunshine, URL).

На данный момент отсутствуют работы, посвящённые анализу романов Остен в русле когнитивного направления (теории разума) в России, хотя многоголосие и авторская неуловимость, свойственные романам английской писательницы, активно были исследованы М.М. Бахтиным на материале романов Достоевского. В совокупности можно заключить, что, как зарубежные, так и отечественные исследователи Остен изначально воспринимали её романы через призму реализма (объективности повествования) как чисто нравоучительные («The development of realism in Jane Austen's early novels», 1963; «Реалистический роман Джейн Остен», 1979). Много позже появились работы о близости романов и театральных пьес («Jane

Austen and private theatricals», 1962 г.; «The Antitheatrical Prejudice», 1981 г.). Однако, глубокий анализ «театральности», романов Остен, их «адаптивности» к сцене и экрану, возник только с приходом экранной популярности в конце столетия («Jane Austen in Hollywood», 2001; «Recreating Jane Austen», 2003). Начало XXI века ознаменовалось новыми «вызовами» для «остиноведения»: с одной стороны с очевидностью встал вопрос о причинах её феномена, популярности романов в качестве вдохновения для литературных продолжений. С другой – в наши дни когнитивная наука (когнитивная нарратология) не только даёт возможность ответить на вопросы, связанные с (псевдо) реализмом и (псевдо) нравоучением в романах Остен, но и позволяет шире интерпретировать особенности её нарратива и алгоритмов её мышления.

Заключение

Анализ корпуса лингвостилистических и литературоведческих работ позволил нам сделать следующие выводы. Во-первых, вся совокупность нарративных и стилистических особенностей романов Остен очевидно определяет уникальный, новаторский стиль Д. Остен. Во-вторых, именно в когнитивной, перспективе нами видится возможность расширения традиционного видения Д. Остен в отечественных гуманитарных исследованиях как классика британской литературы. Вместе с тем, в виду того, что происходит активное обогащение методологии когнитивной поэтики инструментами и приемами анализа смежных наук, весьма осязаема становится возможность переосмысления основ стиля и литературного феномена Остен под новым углом зрения.

Таким образом, представленные нами исследования нарратива Остен, могут быть дополнены, в частности, когнитивным и лингво-семиотическим анализом текстов, поскольку он позволит далее, через понятия «код», «алгоритм» и «авторская когнитивная схема», формализовано описать

авторский код Остен, что, в свою очередь, даст возможность, сопоставить её романы с современными сиквелами и выявить семиотический механизм актуализации в них авторского кода Остен. Что касается отечественных исследований, то, на наш взгляд, тот факт, что в свое время М.М. Бахтин внес неоценимый вклад в развитие литературоведческих исследований в России и в мире, может послужить толчком к дальнейшему обогащению методологии в сфере когнитивной поэтики в нашей стране. В частности, к развитию в отечественных исследованиях идей теории разума и интересубъективности на примере произведений А.С. Пушкина. Таким образом, взаимное влияние двух стран, двух школ и двух писателей-реалистов будет завершённым и гармоничным.

Литература

- 1- Бахтин М. М. (1979) *Эстетика словесного творчества*. – М.: «Искусство», 423 с.
- 2- Гениева Е.Ю. (2014). *Вступительная статья. Джейн Остен. Малое собрание сочинений*. – СПб.: «Азбука», 860 с.
- 3- Демурова Н.М. Михальская Н.П. *Комментарии к роману «Мэнсфилд-парк»*. URL: https://www.apropospage.ru/lib/osten/m_park/m_prim.html (дата обращения: 02.07.2019).
- 4- Жутовская Н.М., Александрова Е.Е. *Черты нравоописательной литературы в романе Джейн Остин «Разум и чувства»*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cherty-nravoopisatelnoy-literatury-v-romane-dzheyn-ostin-razum-i-chuvstva> (дата обращения: 31.05.2019).
- 5- Зинченко Н.С. *Дискурсивная ирония в диалогах персонажей (на материале романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение»)*. URL: <http://www.apriori-journal.ru/journal-gumanitarnie-nauki/id/1035> (дата обращения: 07.05.2019)
- 6- Палий А.А. (2011). *Несобственно-прямая речь в романах Джейн Остин как одно из проявлений её стилистического новаторства // Омский научный вестник, № 5. С. 136-138.*
- 7- Палий А.А. *О значении творчества Джейн Остин* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-tvorchestva-dzheyn-ostin> (дата обращения: 02.06.2019).

- 8- Повзун Е.В. (1813). *Черты романтизма и реализма в романе Джейн Остен "Гордость и предубеждение"*. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/39914> (дата обращения: 18.04.2019).
- 9- Шамина В. Б., Прохорова Т. Г. *Дж. Остин и А. С. Пушкин: изображение усадебного быта* // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzh-ostin-i-a-s-pushkin-izobrazhenie-usadebnogo-byta> (дата обращения: 02.07.2020).
- 10- Bonaparte F. (2005). *Conjecturing possibilities: reading and misreading texts in Jane Austen's 'Pride and prejudice'*. The Johns Hopkins University Press Studies in the Novel, vol. 37, no. 2, pp. 141–161.
- 11- Butte G. (2004). *I Know that You Know that I Know: Narrating Subjects from "Moll Flanders to Marnie"*. Columbus: Ohio State University Press, 270 p.
- 12- Copeland E. McMaster J. (2010). *The Cambridge Companion to Jane Austen*. Cambridge: Cambridge University Press, 302 p.
- 13- Gay P. (2002). *Jane Austen and the Theatre*. Cambridge: Cambridge University Press, 201 p.
- 14- Lau B. (2017). *Jane Austen and Sciences of the Mind*. London: Imprint Routledge, 248 p.
- 15- Morini M. (2009). *Jane Austen's narrative techniques. A stylistic and pragmatic analysis*. Cornwall: MPG Books Ltd, 172 p.
- 16- Moses C. (2003). *Jane Austen and Elizabeth Bennet: The Limits of Irony // Persuasions (The Jane Austen Journal)*. No. 25, Pp. 155-164.
- 17- Nelles W. (2014). *Jane's Brains: Austen and Cognitive Theory // Interdisciplinary Literary Studies*. University Park: Penn State University Press, Pp. 6-29.
- 18- Phillips N. *Distraction as Liveliness of Mind: A Cognitive Approach to Characterization in Jane Austen*. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/8aca/bba786ae8f09fba7789088d7b9f3c800eda6.pdf> (дата обращения: 08.08.2019)
- 19- Richardson A. (2010). *The Neural Sublime: Cognitive Theories and Romantic Texts*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 179 p.
- 20- Waldron M. (2003). *Jane Austen and the fiction of her time*. Cambridge: Cambridge University Press, 204 p.
- 21- Woudenberg F. *The Business of Marriage: Metaphors in Jane Austen's Pride and Prejudice*. URL: dspace.library.uu.nl (дата обращения: 10.12.2019)
- 22- Zunshine L. *Why Jane Austen was different, and why we may need cognitive science to see it*. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/chwe/austen/zunshine2007.pdf> (дата обращения: 05.08.2019)
- 23- Zunshine L. (2006). *Why we read fiction: theory of mind and the novel*. Columbus: The Ohio State University, 198 p.

Bibliography

- 1- Bahtin M. M. (1979) *Jestetika slovesnogo tvorcestva*. – M.: «Iskusstvo», 423 s.
- 2- Genieva E.Ju. (2014). *Vstupitel'naja stat'ja. Dzhejn Osten. Maloe sobranie sochinenij*. – SPb.: «Azбуka», 860 s.
- 3- Demurova N.M. Mihal'skaja N.P. Kommentarii k romanu «*Mjensfild-park*». URL: https://www.apropospage.ru/lib/osten/m_park/m_prim.html (data obrashhenija: 02.07.2019).
- 4- Zhutovskaja N.M., Aleksandrova E.E. *Cherty nравоopisatel'noj literatury v romane Dzhejn Ostin «Razum i chuvstva»*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cherty-nравоopisatel'noj-literatury-v-romane-dzhejn-ostin-razum-i-chuvstva> (data obrashhenija: 31.05.2019).
- 5- Zinchenko N.S. *Diskursivnaja ironija v dialogah personazhej (na materiale romana Dzh. Osten «Gordost' i predubezhdenie»)*. URL: <http://www.apriori-journal.ru/journal-gumanitarnie-nauki/id/1035> (data obrashhenija: 07.05.2019)
- 6- Palij A.A. (2011). *Nesobstvenno-prjamaja rech' v romanah Dzhejn Ostin kak odno iz projavlenij ejo stilisticheskogo novatorstva // Omskij nauchnyj vestnik, № 5. S. 136-138.*
- 7- Palij A.A. *O znachenii tvorcestva Dzhejn Ostin*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-tvorcestva-dzhejn-ostin> (data obrashhenija: 02.06.2019).
- 8- Povzun E.V. (1813). *Cherty romantizma i realizma v romane Dzhejn Osten "Gordost' i predubezhdenie"* URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/39914> (data obrashhenija: 18.04.2019).
- 9- Shamina V. B., Prohorova T. G. *Dzh. Ostin i A. S. Pushkin: izobrazhenie usadebnogo byta // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzh-ostin-i-a-s-pushkin-izobrazhenie-usadebnogo-byta> (data obrashhenija: 02.07.2020).
- 10- Bonaparte F. (2005). *Conjecturing possibilities: reading and misreading texts in Jane Austen's 'Pride and prejudice'*. The Johns Hopkins University Press Studies in the Novel, vol. 37, no. 2, pp. 141–161.
- 11- Butte G. (2004). *I Know that You Know that I Know: Narrating Subjects from "Moll Flanders to Marnie"*. Columbus: Ohio State University Press, 270 p.
- 12- Copeland E. McMaster J. (2010). *The Cambridge Companion to Jane Austen*. Cambridge: Cambridge University Press, 302 p.
- 13- Gay P. (2002). *Jane Austen and the Theatre*. Cambridge: Cambridge University Press, 201 r.
- 14- Lau B. (2017). *Jane Austen and Sciences of the Mind*. London: Imprint Routledge, 248 p.

- 15- Morini M. (2009). *Jane Austen's narrative techniques. A stylistic and pragmatic analysis*. Cornwall: MPG Books Ltd, 172 p.
- 16- Moses C. (2003). *Jane Austen and Elizabeth Bennet: The Limits of Irony // Persuasions (The Jane Austen Journal)*. No. 25, Pp. 155-164.
- 17- Nelles W. (2014). *Jane's Brains: Austen and Cognitive Theory // Interdisciplinary Literary Studies*. University Park: Penn State University Press, Pp. 6-29.
- 18- Phillips N. *Distraction as Liveliness of Mind: A Cognitive Approach to Characterization in Jane Austen*. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/8aca/bba786ae8f09fba7789088d7b9f3c800eda6.pdf> (data obrashhenija: 08.08.2019)
- 19- Richardson A. (2010). *The Neural Sublime: Cognitive Theories and Romantic Texts*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 179 p.
- 20- Waldron M. (2003). *Jane Austen and the fiction of her time*. Cambridge: Cambridge University Press, 204 p.
- 21- Woudenberg F. *The Business of Marriage: Metaphors in Jane Austen's Pride and Prejudice*. URL: dspace.library.uu.nl (data obrashhenija: 10.12.2019)
- 22- Zunshine L. *Why Jane Austen was different, and why we may need cognitive science to see it*. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/chwe/austen/zunshine2007.pdf> (data obrashhenija: 05.08.2019)
- 23- Zunshine L. (2006). *Why we read fiction: theory of mind and the novel*. Columbus: The Ohio State University, 198 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kostyria, A. (2021). Jane Austen's and Pushkin's Author Code: Cognitive Aspect. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 9(1). 187-200.

DOI: 10.52547/iarll.17.187

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/143>

رمزنویسندگی جین آستن و پوشکین: بُعد شناختی

آلیونا ولادیمیرونا کاستیریا^۱

استادیار دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،

پرم، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۰)*

چکیده

موضوع پژوهش در این مقاله، ویژگی‌های روایی رمان‌های جین آستن و در عین حال، ویژگی‌های اساسی سبک گفتاری و اصطلاحی وی است. ما نظام شیوه‌های استفاده از زبان آستن را به‌عنوان رمز سبک روایی یا گفتاری وی در نظر می‌گیریم. ما شباهت‌های سبک واقع‌گرایانه در رمان‌های آستن و پوشکین، و همچنین ویژگی‌های روایی و ابزارهای زبانی-سبکی که به‌واسطه آنها آستن در رمان‌های خود حقیقت را تعریف می‌کند و به آن نظم می‌بخشد مطالعه و بررسی خواهیم کرد. تقسیم آنها به دو گروه اصلی به ما این امکان را می‌دهد تا دیدگاه‌های جدید منتقدان و پژوهشگران درباره سبک نویسنده و همچنین دو ویژگی اصلی رمان‌های او را شناسایی کنیم. نتایج ارائه شده در مقاله حاضر در ارتباط با چشم‌انداز «مطالعات آستن» است، زیرا تجزیه و تحلیل گفتمان انتقادی نشان داده است که تنها درک شناختی از آثار ادبی آستن به ما امکان می‌دهد تا ظرفیت واقعی و اهداف واقعی نویسنده را کاملاً آشکار کنیم. به طور خاص، مقاله به بررسی و مطالعه روایت آستن در حوزه شعر شناختی و نظریه ذهن در خارج از کشور می‌پردازد. برای اولین بار، در پژوهش‌هایی که در داخل کشور در مورد آستن انجام می‌شوند، پدیده شعور نهفته و درون‌ذهنی در تفسیر رمان‌هایش برجسته می‌شود و شبه رئالیسم و تعالیم شبه اخلاقی به عنوان ویژگی‌های اساسی زبان نوشتاری در آثار وی معرفی می‌شوند. تحلیل ارائه شده با پژوهش‌های معاصر و جدید ادبی و زبانی درباره آثار ادبی آستن در خارج از کشور نیز در ارتباط است. فرضیه پژوهش حاضر بر این استوار است که زمینه‌های احتمالی پژوهش در زمینه شعر شناختی در روسیه وجود دارند.

واژگان کلیدی: روایت، ابزارهای زبان شناختی، پژوهش‌های شناختی، شعر شناختی، جین آستن، پوشکین.

1. E-mail: a.v.kostyria@gmail.com

* نوع مقاله: علمی - پژوهشی

Methods for Expressing the Category of Approximation in Russian in Comparison with Its Equivalents in Persian

Hasanzadeh Rezvan¹

Assistant Professor at the Department of Russian and Slavic Languages and
Literatures, Faculty of Literature and Humanities, Shahid Beheshti University
Tehran, Iran.

(date of receiving: July, 2020; date of acceptance: January, 2021)

Abstract

The main topic of this article is devoted to the study of the ways of expressing the category of approximate relations in Russian in comparison with its equivalents in Persian. The article studies the linguistic means of expressing approximate (approximate) values that are common in both languages in various communicative spheres of communication. The novelty of this study lies in the fact that for the first time it compares the means that in their semantics contain the meanings of the category of approximation in the Russian language in comparison with its equivalents in the Persian language. The research object of this article was the Russian and Persian language means expressing the semantics of approximate relations in various communicative spheres. The results of this study can be useful not only for students who study Russian as a foreign language in an Iranian audience, but also for Russian-speaking students who study Persian as a foreign language. In the course of the work, descriptive and comparative-comparative methods are used.

Keywords: Quantity, Category of Approximation, Quantitative Semantics, Russian, Persian, Comparative Analysis.

---

1. E-mail: re_hassanzadeh@sbu.ac.ir

Способы выражения категории аппроксимативности в русском языке в сопоставлении с ее эквивалентами в персидском языке

Хасан-заде Резван¹

Преподаватель кафедры русского языка и литературы и славянских языков,
Университет им. Шахида Бехешти,
Тегеран, Иран.

(дата получения: июль 2020 г.; дата принятия: январь 2021 г.)

Аннотация

Тема данной статьи посвящена изучению способов выражения категории приблизительных отношений в русском языке в сопоставлении с ее эквивалентами в персидском языке. В ней изучены языковые средства выражения аппроксимативных (приблизительных) значений, которые распространены в обоих языках в различных коммуникативных сферах общения. Новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые сопоставляются средства, которые в своей семантике содержат значения категории аппроксимативности в русском языке в сопоставлении с ее эквивалентами в персидском языке. Объектом исследования данной статьи послужили русские и персидские языковые средства, выражающие семантику приблизительных отношений в различных коммуникативных сферах. Результаты данного исследования могут быть полезными не только студентам, которые изучают русский язык как иностранный в иранской аудитории, но и русскоговорящим учащимся, изучающим персидский язык как иностранный. В ходе выполнения работы используются описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Ключевые слова: Количество, Категория Аппроксимативности, Количественная Семантика, Русский Язык, Персидский Язык, Сопоставительный Анализ.

---

1. E-mail: re_hassanzadeh@sbu.ac.ir

Введение

Одной из особенностей, которые вызывают большой интерес для иранской аудитории, являются языковые средства, т.е. слова или сочетания слов, с помощью которых выражается категория количества в русском языке, а в частности категория приблизительных отношений.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, ссылаясь на языковой материал двух языков, охарактеризовать и проанализировать особенности языковых средств, которые отражают семантику категории аппроксимативности (приблизительности). Результаты данного исследования могут быть полезными не только для студентов, изучающих РКИ в иранской аудитории, но и для русскоговорящих учащихся персидскому языку как иностранному, так как коммуникативные потребности учащихся, желание научиться хорошо владеть русским или персидским языками зримо ощущается со стороны учащихся как в иранской, так и российской аудиториях. В данной работе используются описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Основная часть

Одним из немаловажных вопросов, который интересует многих лингвистов, является категория количества. Данная тема была изучена в научных работах различных лингвистов, таких как А. А. Реформатский, О. Х. Есперсен, Т. Тошович, Л. Е. Кругликова, З. Я. Тураева, А. А. Холодович, Т. П. Ломтев, Е. Д. Панфилов, М. А. Кумахов, О. С. Чеснокова, Г. Г. Галич, К. Ч. Полянский, В. В. Акуленко, Г. А. Меновщиков, С. А. Жаботинская, и т.д. Все они сходятся во мнении, что познание человеком количества и количественных отношений неразрывно связано с развитием языковых форм. Так, А.А. Реформатский считал, что «язык, отражая мышление, включает и достижение ума человека – число» (Реформатский 1987. 76).

Однако данная тема все еще остается не до конца изученной, и многие лингвисты все еще спорят по разным вопросам определения сущности данной категории, ее классификации, признаков, а также языковых средств ее выражения.

В свою же очередь, О. Х. Есперсен относительно категории количества отмечал, что категория количества представляет собой языковую систему, которая включает в себя свойства объективной действительности. (Есперсен 1958. 57) Подобное мнение излагалось в изучении истории философии и Аристотелем, и Декартом, и даже Гегелем (Реформатский 1987. 77)

Г. Г. Галич в своей книге «Когнитивная категория количества» относительно данной категории пишет следующее: «Под понятием *количество* нужно подразумевать всякий исчисляемый или измеряемый признак». (Галич 2002. 26–27) Иными словами, человеческое мышление устроено таким образом, что помимо качественных признаков предметов, состояний, действий, признаков действий, оно еще замечает и количественные признаки, наблюдаемые в окружающем мире, и поэтому во всех языках мира почти на всех языковых уровнях существуют определенные языковые средства, выражающие те или иные количественные признаки. Каждый языковой уровень образует определенную систему, соотносящуюся с категорией количества. Иначе говоря, каждый уровень того или иного языка обладает рядом средств, выражающих ту или иную количественную семантику. Изучение данного вопроса в русском языке показывает, что данный язык на разных языковых уровнях обладает богатым набором средств, выражающих значения количественной категории.

На фонетическом уровне самым распространенным средством выражения категории количества являются просодия и ударение. Например, *Смотрите, дли-инный какой поезд!* Здесь просодия и произношение усиливают качественную характеристику высказывания, придавая ей отчетливо выраженную количественную, т.е. очень длинный поезд.

На морфологическом уровне данная категория может выражаться рядом морфем, указывающих на количественную характеристику высказывания, например *много-*, *мало-*, *мульти-*, морфологическими категориями, такими как лицо, время, вид и числа, степени сравнения. (Мечковская 2005. 449–452)

На словообразовательном (деривационном) уровне данная категория может выражаться словообразовательными способами, которые выражают уменьшение и увеличение того или иного признака: *дом –домище*; *дом –домик*.

На лексическом уровне существует множество лексических средств, обозначающих как количественную, так и качественно-количественную семантику. Это такие лексико-семантические группы слов, которые могут указывать на число: *один, два, три, мало, много, всё, весь*, и т.п. либо на атрибутивную характеристику предметов, как *большой, маленький*, либо слова, которые могут усиливать степень проявления того или признака предмета или действия: *очень, больше*, либо слова, обладающие семантикой временной и пространственной характеристики: *всегда, долго, недолго, одно время, далеко, вблизи* и т.д. (Вежбицкая 1999. 10)

На синтаксическом уровне также рассматриваются такие средства выражения категории количества, как инверсия, изменение порядка слов, повтор и удвоение слов в предложениях: *штук пять, день за днем, черный черный, иду-иду*. (Маслов 2004. 305–364)

В русском языке количественная семантика может наблюдаться и при выражении модально-субъективных значений. Как правило, она выражается модально-оценочными словами, которые обозначают степень вероятности описываемого события. Это такие вводные слова, как *вероятно, наверное, может быть, непременно* и т.п. (Беляева 1990. 163–166)

Классификация категории количества, выраженного языковыми средствами, представляет собой один из самых сложных вопросов. Причиной

тому служит то, что количество очень сложное и многоаспектное понятие, которое в силу своей сущности обладает различными признаками и отношениями. В русском языке выделяются следующие подгруппы в классификации категории количества: это *единичность* и *множественность*, *точность* и *приблизительность*, *определенность* и *неопределенность*, *расчлененность* и *нерасчлененность*, *кардинальность* и *ординальность*, *суммарность* и *дистрибутивность*, *упорядоченность* и *неупорядоченность*, *дискретность* и *непрерывность*, *экстенсивность* и *интенсивность*, отношения «*больше*» – «*меньше*» (Тошович 2005. 120)

Итак, как уже было сказано ранее, одной из подгрупп категории количественных отношений в русском языке является выражение аппроксимативного (приблизительного) количества, которое противопоставляется выражению точного количества, и как отмечает Бодуэн де Куртенэ, значения аппроксимативности могут выражаться с помощью целого ряда языковых средств, а также применяться и по отношению к времени и к пространству (Бодуэн де Куртенэ 1963. 313)

Категорию приблизительного количества следует отличать от категории неопределенного количества. Категория неопределенного количества в плане содержания несет признаки только неопределенного количества чего-нибудь, тогда как категория аппроксимативности одновременно состоит из признаков, указывающих на неопределенность, и признаков, выражающих определенное количество чего-нибудь (Чеснокова 1997. 9). Вышеуказанное отличие можно заметить в семантике следующих словосочетаний: *несколько студентов* (چند تا دانشجو) и *студентов 7* (تقریباً ۷ دانشجو) или *7–8 студентов* (۷–۸ نفر دانشجو). Как видно, в первом словосочетании выражается исключительно значение категории количественной неопределенности, а во втором и третьем примерах говорящий, прибегнув к употреблению языковых средств категории приблизительности, одновременно указывает на то, что установить точное

число объектов невозможно, хотя приблизительно указывает на определенное количество объектов и утверждает, что их было 7 или 7–8 человек.

В ходе исследования нами были установлены следующие основные способы выражения категории аппроксимативности в русском языке. Далее все эти способы будут рассмотрены в сопоставлении с их эквивалентами в персидском языке.

Одним из самых распространенных языковых средств выражения категории аппроксимативности являются наречия, такие как *почти*, *примерно*, *приблизительно*, *приближенно*, *предположительно*, *где-то*. Подобные наречия представляют собой лексические средства выражения количественной приблизительности в русском языке. Они как правило, выражают приблизительность проявления того или иного количественного признака в высказывании. Рассмотрим следующие примеры: *Он приезжает к нам примерно через неделю...* (او حدوداً یک هفته دیگر پیش ما می آید.) *Прошел почти год с того дня, как он сделал мне предложение.* (تقریباً یک سال از روزی که او به) *Приблизительно за один—два месяца мы спрашиваем друзей, где они будут встречать Новый год* (حدوداً از یکی دو ماه) *قبل ما از دوستانمان می پرسیم که سال نو را در کجا جشن خواهند گرفت.* (مهاجمان ظاهراً دو نفر بوده اند.) *Предположительно нападающих было двое.*

В персидском же языке эквивалентами подобных наречий являются такие же наречия с приближенным к ним семантическим значением. Это такие наречия как *حدوداً* – *تقریباً* – *ظاهراً*. Однако данные наречия, несмотря на то, что уже вошли в персидскую речь и довольно часто употребляются в речи пероговорящих, все же являются заимствованными словами, обладающими формой арабского языка, поэтому в целях пуризма языка рекомендуется употреблять в речи следующую синонимичную форму: *حدود*. Например, в первом случае вместо слова *حدوداً*, можно употребить слово *حدوداً یک*: *هفته دیگر پیش ما می آید*. Данное слово, несмотря на то, что также является заимствованным из арабского языка, но все же не имеет в конце слова

компонента, так называемого *нунацией* или *танвином*, который является грамматическим средством выражения грамматических значений в арабском языке, и является более приемлемой формой с точки зрения иранских лингвистов и грамматистов.

В русском языке помимо наречий также существует целый ряд предлогов, которые также лексически могут указывать на значение количественной приблизительности, начальной и конечной границы отсчета. Это такие предлоги, как *около*, *за*, *с*, *к*, *под*, *до*, *порядка*: *Ему было уже далеко за сорок* (او کمتر از شصت); *Ей было под шестьдесят* (سالش بود.); *Прошло около часа, и он мне позвонил* (آنجا باری به وزن تقریبی یک تن بود.); *Там было груза весом с тонну..* (جشنواره زیر ۲۰۰ نفر شرکت کننده); *В фестивале участвовало до 200 участников* (حوالی عصر برف سنگینی گرفت.); *К вечеру пошел сильный снег* (داشت).

В персидском языке также существует ряд предлогов и слов, которые могут выражать эквивалентную семантику соотнесенных предлогов русского языка. Результаты сопоставительного анализа эквивалентов приблизительного количественного значения в персидском языке показывает, что эквивалентом предлога *около* в персидском языке может служить слово *حدوداً – تقریباً – نزدیک*. Эквивалентом выражения приблизительного значения при помощи предлога *за* в персидском языке являются следующие конструкции и сочетания слов «...» *«... و اندی»*, или *«... از ...»*. Как видно, в основном предлоги русского языка, выражающие приблизительное значение, могут переводиться на персидский язык при помощи таких эквивалентных выражений, как *تقریباً – نزدیک – حدوداً* *«... و اندی – ... و خرده‌ای – نزدیک – تا – حدوداً»*, *«... از ...»*, или *«... و اندی – ... و خرده‌ای – نزدیک – تا – حدوداً»*.

Анализ вышеперечисленных предлогов, и образованных от них предложно-падежных форм показывает, что данные формы в русском языке выражают приблизительно-количественное значение, связанное с количеством предметов, возрастом лиц, и температуры (Золотова 1988. 220).

Данные предлоги, в свою очередь, могут сочетаться и со словами, обозначающими фазисное значение: начало, конец, середина, которые также дают приблизительную временную характеристику (середина зимы, начало месяца, конец лета, середина шестидесятых и т.д.), а также могут при себе иметь такие выражения как *с лишком*, *с небольшим*, *с гаком*, которые выражают значение: немного больше предполагаемого количества. Например: *Александру Владимировичу восемьдесят с гаком* (آلكساندر واسيلويچ هشتاد سال و); *Нина выглядит младше своих сорока с небольшим* (نينا نسبت به 40 ساله اش جوانتر دیده می شود); *Знаете, Александр Петрович, уже прошло шесть часов с лишком!* (می دانید آقای آلكساندر پتراويچ، شش و ساعت (و خوردہ ای گذشته است).

Сопоставительный анализ показывает, что эквивалентными средствами выражения приблизительных значений в персидском языке являются такие выражения как «... و اندى»، «...بیش از...»، «... و خوردہ ای».

В русском языке для указания на меньшее, чем называемое, количество, используется отрицание. Сравним следующие примеры: *Маме пятьдесят лет. Маме нет пятидесяти. Маме еще не было пятидесяти* (مادر پنجاه سال سن دارد. مادر پنجاه سال سن ندارد. مادر کمتر از پنجاه سال سن داشت); *Вовка влюбился в Настю, когда ему не исполнилось и двадцати лет.* (ووکا هنوز بیست سالش نشده (بود که عاشق ناستیا شد).

Как видно, в персидском языке для выражения подобных приблизительных количественных отношений могут употребляться такие конструкции, как «... سالش نشده بود» и безличная спряженная форма сложного глагола «... زیر...».

А для приблизительного выражения временного или пространственного интервала в русском языке, как правило, употребляются предлоги *от* и *до*: *от* (+ Р.п.) *до* (+ Р.п.). Например: *Мы проведем в командировке от трех до пяти дней* (مأموریت ما سه تا پنج روز طول خواهد کشید); *Допустимые значения температуры воздуха составляют от двадцати до сорока градусов.* (هوای مجاز بین بیست تا چهل درجه است)

Сопоставительный анализ эквивалентных средств выражения данных приблизительных значений показывает, что в персидском языке для выражения приблизительного временного или пространственного интервала употребляются такие конструкции, как «... تا ...», «... تا ...».

Для выражения верхнего или нижнего предела интервала со значением приблизительности могут использоваться слова: *максимум* или *минимум*. Например: *Он вернется из командировки минимум через две недели, максимум через пять недель* (او حداقل دو هفته و حداکثر پنج هفته ی دیگر از) *Мы сможем выполнить этот проект минимум за два месяца, максимум за четыре месяца.* (ما این پروژه را دست کم ظرف دو ماه، و نهایتاً) (ظرف چهار ماه می توانیم انجام دهیم).

В персидском языке для выражения данного приблизительного значения можно также использовать средства, выражающие временной интервал: *Мы сможем выполнить этот проект минимум за два месяца, максимум за четыре месяца.* (ما قادر به انجام این پروژه در مدت زمان دو تا چهار ماه هستیم).

Данное значение также можно выразить теми же лексическими языковыми средствами, что и в русском языке: *ما قادر به انجام این پروژه در مدت زمان حداقل دو ماه و حداکثر چهار ماه هستیم.*

В русском языке также могут употребляться слова *свыше*, *более*, *больше* или *менее* и *меньше*. Они, как правило, употребляются для выражения несовпадения указываемого количества объектов. Рассмотрим следующие примеры: *Прошло более месяца, но о его судьбе мы ничего не знали* (بیش از یک) *Наша поездка в Исфаган* (ما گذشته بود، ولی ما چیزی در مورد سرنوشتش نمی دانستیم.); *В* *заяла более двух недель* (سفر ما به شهر اصفهان بیش از دو هفته به طول انجامید.); *В* *Москве Андрей провел менее месяца.* (آندری کمتر از یک ماه در مسکو بود.); *Этому историческому памятнику уже свыше шестисот лет.* (قدمت این بنای تاریخی به) (بیش از ششصد سال می رسد).

Как видно из рассмотренного примера, в основном эквивалентами данных выражений в персидском языке являются конструкции: «بیش از...», «بالغ بر...», «کمتر از...».

Также для выражения приблизительно-количественного значения в русском языке может использоваться слово *пара*. Необходимо учитывать, что данное слово употребляется в разговорном стиле речи. Рассмотрим следующие примеры: *Можно прийти к тебе на **пару** минут?* (همیشه برای یکی دو) (دقیقه مزاحمت بشوم؟); *Необходимо воспользоваться случаем, и сказать **пару** слов о вашей работе* (مختصر، دو کلمه) در مورد) (کارتان صحبت کرد.); *Я вернусь через **пару** дней.* (من یکی دو روز دیگر برمی گردم.).

Урысон в своей книге применительно к этому слову отмечает, что слово *пара* обозначает приблизительность, и говорящий при его употреблении вовсе не констатирует и не выражает точность. Сравните употребление этого слово в следующих высказываниях: *Побудь еще здесь **пару** дней, а потом примем другое решение* (یکی دو روز دیگر (چند روزی) اینجا بمان، بعدش تصمیم دیگری) (می گیریم.); *Да какое у него богатство? **Пара** рублей да гроши от зарплаты* (مگر او ثروتی هم دارد؟ تمام ثروتش چند روبلی است با چندرغازی که از حقوقش دریافت (می کند.). (Урысон 1997. 67).

Сопоставительный анализ эквивалентных средств выражения данных приблизительных значений показывает, что в персидском языке для выражения данной приблизительной семантики употребляются такие конструкции, как «... یکی دو...», «... چند...», которые выражают то же самое, что и слово *пара* в русском языке.

В русском языке следующим языковым средством выражения аппроксимативного значения является разговорная и просторечная конструкция, комбинирующая в своем составе как и пространственные так и временные компоненты: *где-то в районе*, и выражает приблизительную временную характеристику. Рассмотрим следующий пример: *Мы договорились*

ما قرار گذاشتیم حوالی (حول و حوش) ساعت سه (*где-то в районе трех*) (همدیگر را ببینیم).

Как видно из примеров, в основном эквивалентами данных выражений в персидском языке являются выражения и словосочетания: «...حوالی...», «... حول و حوش...», а сопоставительный анализ эквивалентных средств выражения данных приблизительных значений показывает, что в персидском языке для выражения приблизительной семантики данного примера могут употребляться и такие конструкции, как «...نزدیک...» и «...نشده...»: «...ما قرار گذاشتیم سه نشده همدیگر را ببینیم. نزدیک ساعت سه همدیگر را ببینیم.

Также следует отметить, что в русском языке приблизительный интервал времени может выражаться при помощи конструкции «*порядковое имя числительное во множественном числе + имена существительные со значением отрезка времени во множественном числе*». Рассмотрим следующие примеры: *В семидесятые годы он числился в розыске* (*در سالهای هفتاد او تحت تعقیب بود*); *Экономика в сороковые годы была совсем другой, чем в тридцатые*. (*در سالهای دهه چهل اقتصاد کاملاً متفاوت با دهه ی سی بود*).

Как видно, в данных примерах форма множественного числа порядковых числительных и имен существительных значительно удаляется от своей семантики и обозначает приблизительный временной отрезок: словосочетание *тридцатые годы* равняется десятилетию и в нем выражается неопределенный и приблизительный временной отрезок, а в словосочетании *тридцатый год* выражается точное временное значение, т.е. 1930-й год (Есперсен 1958. 220). В таких конструкциях очень часто в разговорной речи имена существительные множественного числа могут и вовсе не употребляться (Чеснокова 1997. 125).

Сопоставительный анализ эквивалентных средств выражения данных приблизительных значений показывает, что в персидском языке для выражения подобной семантики могут употребляться следующие эквивалентные конструкции: «...سالهای...», «...دهه ی...», «...سالهای دهه ی...».

Следующим способом выражения аппроксимативности в русском языке является изменение порядка слов в словосочетаниях, состоящих из имени числительного и имени существительного. Данное явление в языкознании называется *инверсией* (Подлеская, Стародубцева 2013. 30). Далее рассмотрим следующие примеры: *Ей было лет сорок* (او تقریباً چهل سال سن داشت.); *Мы ехали туда дней шесть* (ما برای رسیدن به آنجا حدوداً شش روزی در راه بودیم.); *Оставалось еще идти километра четыре* (هنوز تقریباً چهار کیلومتری راه مانده). *В доме находилось человек пять, когда произошло данное происшествие* (بود). *В доме находилось человек пять, когда произошло данное происшествие* (زمانی که این اتفاق رخ داد حدوداً چهار نفر در خانه بودند). Как видно из примеров в подобных синтаксических конструкциях имя существительное, как правило, обозначает единицы измерения: *день, год, километр, метр, штука, килограмм* и т.д.

В персидском языке, по аналогии русскому языку приблизительность может выражаться и при помощи неопределенного артикля *ی*, при этом существительное всегда стоит после числительного в неопределенной форме: *هشت پسری* (приблизительно восемь мальчиков), *پنج کارگری* (около пяти рабочих) (Рубинчик 2001. 189).

Сопоставительный анализ эквивалентных средств выражения данных приблизительных значений показывает, что в персидском языке для выражения подобной семантики могут употребляться следующие эквивалентные словосочетания: «*تقریباً ...*», «*حدوداً ...*», «*حدود ...*», «*قریب به ...*», «*تا ...*». Данные языковые средства в персидском языке выражают подобную приблизительную семантику. Однако их выбор в персидской речи определяется тем функциональным стилем речи, к которому они принадлежат.

В русском языке для выражения приблизительного количества может употребляться и комбинированный способ, включающий как инверсию, так и способ выражения с помощью предлогов с этим значением: *Саше было лет за пятьдесят* (ساشا تقریباً پنجاه سال و خورده ای سن داشت.); *Собака с десяток сидела на бревне* (تقریباً ده سگ بر روی تکه چوبی نشسته بودند.); *Месяца с полтора тому*

تقریباً (حدود) یک و نیم ماه (*назад к нам в село приезжала делегация из Москвы*) (پیش هیأتی از مسکو به روستای ما آمده بود). Сопоставительный анализ эквивалентных средств выражения данных приблизительных значений показывает, что в персидском языке для выражения подобной семантики употребляются те же самые языковые средства, которые были рассмотрены в данном разделе.

В подобных конструкциях также могут употребляться и выражения, обозначающие и усиливающие значения сомнения, неуверенности, неопределенности, и предположительности высказывания говорящим. Рассмотрим следующие примеры: *Наверное, Саие было лет за пятьдесят* (احتمالاً سایشا تقریباً پنجاه سال و خورده‌ای سن داشت.); *Может быть, месяца с полтора тому назад к нам в село приезжала делегация из Москвы* (شاید تقریباً) (حدود) یک و نیم ماه پیش هیأتی از مسکو به روستای ما آمده بود. Эквивалентами подобных языковых средств в персидском языке, как правило, являются: «شاید», «احتمالاً».

Другим способом выражения приблизительности в русском языке является использование сочинительного союза или же использование тире вместо него. Далее рассмотрим следующие примеры: *В ящике было пять или шесть арбузов* (در جعبه تقریباً پنج یا شش عدد هندوانه وجود داشت.); *Он успел прихватить лишь одну-две книги, и убежал* (او تنها فرصت کرده بود که یکی دو کتاب را بردارد و) (سپس فرار کرد). В подобных конструкциях в русском языке также иногда могут употребляться и слова, такие как минус и плюс, которые в русском языке прибавляют к семантике высказывания значение аппроксимативности: *Увидимся с тобою на площади Азади в десять утра, плюс-минус* (حول و حوش) ((حوالی) ساعت ۱۰ صبح در میدان آزادی همدیگر را می‌بینیم). Сюда и могут входить такие сочетания слов, как максимум-минимум, которые были ранее рассмотрены: *Иван определял свои планы максимум-минимум во имя действия* (ایوان برنامه‌های خود را کم و بیش در راستای کار می‌ریخت).

Сопоставительный анализ эквивалентных средств выражения данных приблизительных значений показывает, что в персидском языке для выражения подобной семантики могут употребляться следующие эквивалентные конструкции: «... تقریباً ... یا ...», «عدد+عدد+معدود», «حول و حوش», «تقریباً...», «حوالی...», «...».

В персидском языке для обозначения подобного приблизительного количества употребляются и подряд количественные числительные, сочетающиеся между собой путем примыкания: هفت یکی دو روز (один-два дня), سی چهل نفر (тридцать-сорок человек), هشت ساعت (семь-восемь часов).

Относительно таких сочетаний слов в русской устной речи Т.Е. Янко в своей книге излагает, что для произношения предложений с такими конструкциями используется особая интонация незавершенности (Янко 2008. 109).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что для обозначения приблизительности в русском языке используются не только лексические и синтаксические языковые средства, но и просодические.

Заключение

Количественная приблизительность – эта языковая категория, значения которой выражаются с помощью различных языковых средств в зависимости от языковой системы, сложившейся в той или иной языке для выражения количественных значений. Результаты проведенного исследования относительно изученной темы показали, что в современном русском языке для выражения количественной приблизительности используются следующие языковые средства, включая использование в речи лексических языковых средств аппроксимативности, употребление некоторых предлогов, фразеологизированные конструкции, инверсию и изменение порядка слов в количественно-именных словосочетаниях, группы слов с сочиненным союзом

или без него, а также, в некоторых случаях, употребляются языковые средства, которые образуют так называемую количественную гиперболу, выражающую неточную временную и пространственную приблизительность. В персидском же языке инверсия и изменение порядка слова не используются как языковой способ и средство выражения количественной приблизительности. Более того, в персидском языке вопрос о количественной приблизительности почти не изучен так, как этот вопрос изучен в языкознании русского языка.

Литература

- 1- Беляева Е. И. (1990). *Достоверность. Микрополе вероятности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность.* – Л., – С. 157-170.
- 2- Бодуэн де Куртене И. А. (1963). *Количественность в языковом мышлении: Избранные труды по общему языкознанию.* – М., - Т.2.
- 3- Вежбицкая А. (1999). *Семантические универсалии и описание языков,* – М.: Издательский дом "ЯСК", - 780 с.
- 4- Галич Г.Г. (2002). *Когнитивная категория количества,* Омск: «Омский государственный университет».
- 5- Есперсен О. (1958). *Философия грамматики.* – М.: «Издательство иностранной литературы».
- 6- Золотова Г. А. (1988). *Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса.* – М.: «Наука».
- 7- Маслов Ю.С. (2004). *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание,* – М.: «Языки славянской культуры». 840 с.
- 8- Мечковская Н.Б. (2005) *Постсоветский русский язык: новые черты в социолингвистическом статусе // Russian Linguistics, vol. 29, № 1. С. 449–452.*
- 9- Подлеская В. И. Стародубцев а А.В. (2013). *О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи.* ВЯ. – М.: «Вопросы языкознания».
- 10- Реформатский А. А. (1987). *Лингвистика и поэтика.* – М.: «Наука».
- 11- Рубинчик Ю. А. (2001). *Грамматика современного персидского литературного языка.* – М.: «Восточная литература» РАН.

- 12- Тошович Б. (2005). *Квантитативная категоризация и категориальная квантификация. Логический анализ языка – Квантификативный аспект языка.* – М.: «Индрик».
- 13- Урысон В. В. (1997). *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* – М.: «Языки славянской культуры».
- 14- Чеснокова Л. Д. (1997). *Имя числительное в современном русском языке: Семантика. Грамматика. Функции.* Ростов-на-Дону: «Гефест».
- 15- Широкова Е. Н. (2010). *Темпоральный код языка и его эмотивный субкод.* Нижний Новгород: «Нижегородский гос. пед. ун-т».
- 16- Янко Т. Е. (2008). *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте.* – М.: «Языки славянских культур».

Bibliography

- 1- Beljaeva E. I. (1990). *Dostovernost'. Mikropole verojatnosti // Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'.* – L., – S. 157-170.
- 2- Bodujen de Kurtenje I. A. (1963). *Kolichestvennost' v jazykovom myshlenii: Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju.* – М., - Т.2.
- 3- Vezhbickaja A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisanie jazykov,* – М.: Izdatel'skij dom "JaSK", - 780 s.
- 4- Galich G.G. (2002). *Kognitivnaja kategorija kolichestva,* Omsk: «Omskij gosudarstvennyj universitet».
- 5- Espersen O. (1958). *Filosofija grammatiki.* – М.: «Izdatel'stvo inostrannoj literatury».
- 6- Zolotova G. A. (1988). *Sintaksicheskij slovar': repertuar jelementarnyh edinic russkogo sintaksisa.* – М.: «Nauka».
- 7- Maslov Ju.S. (2004). *Izbrannye trudy: Aspektologija. Obshee jazykoznanie,* – М.: «Jazyki slavjanskoj kul'tury». 840 s.
- 8- Mechkovskaja N.B. (2005) *Postsovetskij russkij jazyk: novye cherty v sociolingvisticheskom statuse // Russian Linguistics, vol. 29, № 1. S. 449–452.*
- 9- Podlesskaja V. I. Starodubcev a A.V. (2013). *O grammatike sredstv vyrazhenija nechetkoj nominacii v zhivoj rechi. VJa.* – М.: «Voprosy jazykoznanija».
- 10- Reformatskij A. A. (1987). *Lingvistika i pojetika.* – М.: «Nauka».
- 11- Rubinchik Ju. A. (2001). *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka.* – М.: «Vostochnaja literatura» RAN.

- 12- Toshovich B. (2005). *Kvantitativnaja kategorizacija i kategorial'naja kvantifikacija. Logicheskij analiz jazyka – Kvantifikativnyj aspekt jazyka.* – M.: «Indrik».
- 13- Uryson V. V. (1997). *Novyj ob#jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka.* – M.: «Jazyki slavjanskoj kul'tury».
- 14- Chesnokova L. D. (1997). *Imja chislitel'noe v sovremennom russkom jazyke: Semantika. Grammatika. Funkcii.* Rostov-na-Donu: «Gefest».
- 15- Shirokova E. N. (2010). *Temporal'nyj kod jazyka i ego jemotivnyj subkod.* Nizhnij Novgorod: «Nizhegorodskij gos. ped. un-t».
- 16- Janko T. E. (2008). *Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte.* – M.: «Jazyki slavjanskih kul'tur».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Хасан-заде, Р. (2021). Methods for Expressing the Category of Approximation in Russian in Comparison with Its Equivalents in Persian. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 9(1). 201-219.

DOI: 10.52547/iarll.17.201

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/135>

روش‌های بیان مفاهیم تقریبی در زبان روسی در مقایسه با معادل‌های آنها در زبان فارسی

رضوان حسن‌زاده^۱

استادیار گروه زبان و ادبیات روسی و اسلاوی دانشگاه شهید بهشتی،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۰؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۱)*

چکیده

مقاله حاضر به بررسی روش‌های بیان مفاهیم و روابط تقریب در زبان روسی در مقایسه با معادل‌های آن در زبان فارسی می‌پردازد. در این مقاله موضوع ابزارهای زبانی برای بیان مفاهیم تقریب که در هر دو زبان به کار می‌روند، مطالعه و بررسی می‌شود. نوآوری این پژوهش در این است که برای نخستین بار روش‌ها و ابزارهای زبانی بیان‌کننده مفاهیم مقوله زبانی تقریب در زبان روسی در مقایسه با معادل‌های آنها در زبان فارسی مقایسه می‌شوند. روش‌های بیان مفاهیم تقریب در زبان روسی عبارتند از: استفاده از ابزارهای واژگانی با مفهوم تقریب، حروف اضافه، تغییر ترتیب کلام، گروه‌های واژگان با استفاده از کلمات موصولی همپایه و غیره. نتایج پژوهش حاضر می‌تواند نه تنها برای دانشجویانی که زبان روسی را به‌عنوان یک زبان خارجی در ایران یاد می‌گیرند، بلکه برای دانشجویان روس‌زبانی که زبان فارسی را به‌عنوان یک زبان خارجی فرامی‌گیرند، نیز مفید باشد. در مقاله از روش‌های تحقیق توصیفی و مقایسه‌ای استفاده شده است.

واژگان کلیدی: مفهوم مقدار، مقوله تقریب، مفاهیم مقدار و کمیت، زبان روسی، زبان فارسی، تحلیل مقایسه‌ای.

1. E-mail: re_hassanzadeh@sbu.ac.ir

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۴۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3>
نام و نام خانوادگی / مؤسسه:	.....
شغل / نوع فعالیت:	..... میزان تحصیلات: .....
نشانی:	.....
تلفن:	.....
کد پستی:	..... صندوق پستی: .....
شماره‌های درخواستی از شماره:	..... تا شماره ..... تعداد
درخواستی از هر شماره:	..... تاریخ: .....
امضاء	

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

*****

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) هم‌زمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آکساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

(دو فصلنامه علمی)

نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن‌پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن‌پترزبورگ، روسیه.
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۲۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- معاشناسی مقوله‌ای بازکنش‌های وابسته در زبان روسی
ایرینا ویکتورونا آرخیپووا ۱۱
- موضوع راه‌آهن
ولادیمیر الکسیویچ کاتلنیکوف ۲۷
- چرخه‌های واژگانی در زبان روسی معاصر
زیناییدا آندره‌یونا خاریتانچیک /
تاتیانا والرئ‌یونا کارباچووا ۴۳
- شرق‌شانتا روستاولی و اصالت شرقی ترجمه‌های روسی منظومه
ایرین یگورونا مادابادزه ۶۷
- «کوهی در میان دشت بی‌کران»: نمادهای کوه و دشت در فرهنگ‌شناسی زبان روسی
ویرانیکا ایگرونا آبرامووا / یولیا ولادیمیرونا آرخانگلسکایا ۸۹
- «عشق به مردم»: نگاهی به تاریخ «احساسات اجتماعی» در ادبیات مردمی سال‌های ۱۸۸۰-۱۸۷۰
تاتیانا ولادیمیرونا دیاچوک ۱۰۹
- جنبه‌های کاربردی مجموعه معنایی مقوله‌ای عاطفی - سببی
نادژدا پاولونا سیوتکینا /
سوتلانا ویکتورونا شوستووا ۱۲۷
- تحلیل زبانی و سبکی حروف ربط همزمانی در زبان‌های روسی و فارسی
تاتیانا دمتری‌یونا گوریچکوفسکایا /
مریم شفقی ۱۴۳
- بررسی کارایی فرهنگ‌های دوزبانه روسی به فارسی در ترجمه صفات متشابه روسی به زبان فارسی
هادی بهارلو / آبتین گلکار / فاطمه تقی‌زاده ۱۶۷
- رمزنویسندگی جین آستن و پوشکین: بُعد شناختی
آلیونا ولادیمیرونا کاستیریا ۱۸۷
- روش‌های بیان مفاهیم تقریبی در زبان روسی در مقایسه با معادل‌های آنها در زبان فارسی
رضوان حسن‌زاده ۲۰۱